

П-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 94: 57

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1955

ИДЕИ ЛЕНИНА — МОГУЧАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Характернейшей чертой современной истории человечества является широкое распространение по всему миру бессмертных идей В. И. Ленина. Имя Ленина во всех странах мира для широких народных масс стало символом прогрессивного развития, символом мира и демократии.

Ленинизм возник и развивался в эпоху империализма и пролетарских революций как творческое продолжение марксизма. К началу XX века капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития, в стадию империализма. В связи с новой эпохой в истории перед международным революционным движением встали новые вопросы о сущности этой эпохи и о характере революционного движения. В. И. Ленин творчески развил марксистское учение применительно к этой новой эпохе и дал четкие и ясные ответы на все вопросы.

Опираясь на основные положения «Капитала», В. И. Ленин дал обоснованный марксистский анализ империализма, раскрыл суть империализма и показал, что империализм есть загнивающий и умирающий капитализм, канун пролетарской революции. В. И. Ленин дал анализ основных противоречий империализма, противоречий между трудом и капиталом, противоречий между метрополиями и колониями и противоречий между империалистическими державами. Он показал, что обострение противоречий в эпоху империализма доходит до крайних пределов. Обострение противоречий приводит к острым конфликтам и войнам между империалистическими державами, к пролетарским революциям и росту национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран.

Исходя из учения Маркса, В. И. Ленин создал стратегию и тактику пролетарской революции, показал огромную роль национального и национально-освободительного движения в разрушении основ империализма. Ленин разработал новую теорию социалистической революции и на основе открытого им закона неравномерности экономического и политического развития показал возможность победы социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

Безусловно величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он, опираясь на основные положения Маркса и Энгельса, создал стройное учение о партии как передовом, организованном отряде рабочего класса, призванном направлять революционную деятельность всех других организаций трудящихся. Ленин обосновал идею о руководящей роли рабочего класса в народной революции, теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

п. 12087
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской ССР

Огромное значение для дальнейших судеб революционного движения имела глубокая разработка Лениным национально-колониального вопроса.

Если во II Интернационале национальный вопрос касался только «цивилизованных» национальностей Европы, таких, как пруссаки, поляки и другие, и задача освобождения колоний оппортунистически обходилась, то ленинизм связал национальный вопрос с колониальным, превратив его из внутрисосударственного вопроса в вопрос об освобождении всех угнетенных народов от империалистического рабства. Ленин показал неразрывную связь между борьбой за социализм, которую ведет рабочий класс передовых капиталистических стран, и борьбой за национальную свободу и демократию, которую ведут народы колониальных и зависимых стран. В эпоху, когда завершён территориальный раздел мира и ведётся борьба между империалистами за его передел, существенно изменяются содержание колониальной политики капиталистических государств, роль и значение колоний. Обладание колониями и господство над полуколониями даёт монополиям главных империалистических государств огромные выгоды и преимущества. Они позволяют империалистическим государствам вывозить в эти отсталые в промышленном отношении страны свои фабричные товары и продавать их на особо благоприятных условиях неэквивалентного обмена и высоких прибылей. Колонии и зависимые страны служат для монополистического капитала выгоднейшими сферами приложения капитала, где на основе эксплуатации дешевой рабочей силы монополии получают гигантские прибыли.

Опираясь в своей хищнической политике на господствующие феодальные классы, империалисты, выкачивая из колоний и зависимых стран сырьё и продовольствие, превращают эти страны в аграрно-сырьевые придатки к экономике метрополий. Вывоз капитала в колонии и полукolonии сопровождается всесторонним возрастанием их зависимости от империализма.

Экономика колониальных и зависимых стран приобретает уродливый, односторонний характер. Многие из этих стран в условиях господства империализма вынуждены специализироваться на производстве и вывозе немногих продовольственных и сырьевых товаров. Некоторые из этих стран, располагая всеми природными условиями для развития сельского хозяйства, вынуждены ввозить продукты питания для своего населения.

Империалисты всячески тормозят развитие национальной промышленности в колониальных и зависимых странах, они ставят это развитие в такие условия, чтобы промышленность колониальных и зависимых стран «...находилась на привязи у метрополии, у империализма»¹. Несмотря на это, вывоз капитала в колонии и зависимые страны и строя там железные дороги, порты, фабрики и заводы, империализм создаёт этим самым объективные условия для развития капитализма. Развитие капитализма означает рост в колониальных и зависимых странах пролетариата. Империализм в интересах обогащения монополий использует феодальные методы эксплуатации, консервирует и даже культивирует в колониальных и зависимых странах пережитки феодализма, покровительствует крупному землевладению и ростовщичеству.

В. И. Ленин показал, что империалисты, прикрывая свое грабительское хозяйничанье в колониях и зависимых странах лживыми фразами о «цивилизаторской миссии» капитализма и о «помощи» отсталым странам,

держат население колониальных стран под двойным гнетом империализма и феодализма. Отсюда вытекают особенности революции в колониальных и зависимых странах, представляющей собой соединение двух потоков революционного движения — движения народных масс против господства империализма и движения за уничтожение феодализма. Движение народов колониальных и зависимых стран против империализма сливается с борьбой международного пролетариата. В. И. Ленин впервые и с особой силой подчеркнул огромное значение координированной борьбы международного пролетариата с борьбой колониальных народов против империализма. Такая координированная борьба наносит сокрушительные удары по империализму.

В результате непримиримости и обострения противоречий между метрополиями и колониями база антиимпериалистической борьбы становится все более широкой. Империалистической буржуазии метрополий противостоит огромное большинство населения колониальных и зависимых стран, включая сюда пролетариат, крестьянство, мелкую буржуазию и национальную буржуазию. Участие всех этих классов в борьбе против империалистического гнета в колониальных и зависимых странах различно. Самым последовательным борцом за освобождение от гнета империализма и феодализма является пролетариат. Но кадры его в связи со слабым развитием капитализма в колониальных и зависимых странах немногочисленны. Вот почему важнейшую роль в национально-освободительном движении народов играет крестьянство, представляющее огромное большинство населения и поднимающееся под руководством пролетариата на борьбу за землю против феодализма и империализма. Решающим условием успеха национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран является союз рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса.

Учение В. И. Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством, разработанное на основе глубокого анализа аграрного вопроса и экономического положения широких масс крестьянства при капитализме, лежит в основе политики Коммунистической партии Советского Союза по отношению к крестьянству. Союз рабочего класса с крестьянством сложился и окреп в процессе борьбы за свержение царизма и буржуазии, а затем в ходе социалистического строительства в нашей стране. Он служит незыблемой основой прочности советского строя и великой силой в борьбе за построение коммунизма. Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством нашло свое яркое подтверждение в исторических победах китайского народа и народов других стран народной демократии Запада и Востока.

Национальная буржуазия колониальных и зависимых стран, заинтересованная в самостоятельном экономическом и политическом развитии страны, также участвует в движении. Пролетариат учитывает и использует революционные возможности национальной буржуазии. В настоящее время, когда движение против империализма приняло самые разнообразные формы, пролетариат отмечает объективно прогрессивную роль тех движений, которые протекают под руководством национальной буржуазии. Однако, как доказано на опыте, национальная буржуазия является наиболее непоследовательным и неустойчивым союзником пролетариата, ибо в ее среде имеются многочисленные элементы, связанные с иностранными монополиями и зависящие от них, связанные с землевладением и боящиеся потому радикальной ликвидации пережитков феодализма.

В своем историческом труде «О праве наций на самоопределение» Ленин сформулировал национальную программу марксистской партии, в которой подчеркнул требование полного равноправия наций и право

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 121.

наций на самоопределение. Ленин вел упорную борьбу с оппортунистами II Интернационала и в этом вопросе. Если оппортунисты из II Интернационала принципы самоопределения наций истолковывали только как право на автономию или даже только на культурную автономию, при которой политическая власть оставалась в руках эксплуататорской верхушки господствующей нации, то ленинизм под принципом права наций на самоопределение понимал право наций устроиваться по своему желанию. И. В. Сталин указывал, что нация «...имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны»².

Если во II Интернационале провозглашение «национального равноправия» было пустой декларацией, то ленинизм поставил вопрос о фактическом обеспечении равноправия, о действительной, всеобщей и постоянной помощи народам отсталых стран в их самостоятельном экономическом и политическом развитии. Особенно большое значение для народов отсталых стран имело ленинское положение о том, что отсталые страны, сбросив иго колонизаторов, могут при помощи страны победившего пролетариата перейти на путь строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

Большой заслугой В. И. Ленина является его учение о двух противоположных тенденциях в национальном вопросе при капитализме.

Первая тенденция состоит в стремлении угнетенных народов сбросить иго эксплуататоров, обособиться, получить государственную самостоятельность. Вторая тенденция вытекает из стремления к хозяйственному сближению наций, к расширению и упрочению межнациональных связей.

В эпоху империализма упрочению межнациональных связей и ломка национальных перегородок осуществляются империалистами путем насильственного подчинения им народов колониальных и зависимых стран. Уничтожение национального гнета на основе создания свободных независимых государств и установление равноправия народов ликвидируют тенденцию к обособлению и приведут к дружбе народов на основе политических, хозяйственных и культурных связей.

Огромное значение ленинского учения о суверенности и равноправии наций, о возможности капиталистического развития при помощи страны победившего социализма и о великой дружбе свободных и равноправных народов — учение, указывающее массам путь борьбы, особенно актуально вырисовывается в наши дни. Ленинские идеи бессмертны. Они становятся достоянием все более широких масс трудящихся колониальных и зависимых стран, они все более морально изолируют реакционные силы империализма и способствуют росту национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

* * *

Родной родиной Ленина была Россия, и это было не случайно. Центр революционного движения переместился с конца XIX века с Запада на Восток.

Полоса буржуазных революций на Западе прошла, а полоса пролетарских революций еще не наступила. Между тем Россия к началу XX века стала средоточием всех противоречий империализма, слабым звеном в империалистической цепи. В России имелся самый революционный в мире пролетариат и революционное крестьянство. Весь ход исторических

событий выдвигал российский пролетариат и качество почвы, гегемона народной революции. Наивысшая буржуазно-демократическая революция в России должна была совершиться при несравненно более развитых условиях классовой борьбы пролетариата, чем это было в период буржуазных революций на Западе. Эти условия способствовали быстрому перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Революция 1905—1907 гг. равнировалась в России как буржуазно-демократическая, ибо она была направлена против самодержавия и пережитков феодализма. Она была первой народной революцией эпохи империализма. В отличие от буржуазных революций на Западе, где буржуазия стояла во главе движения против феодализма, русская революция 1905—1907 гг. проходила в условиях ведущей роли пролетариата. Она явилась толчком к мощному подъему национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах и пробудила азиатские народы к политической жизни. За русской революцией последовали революции в Турции, Персии, Китае, высоко поднялось национально-освободительное движение в Индии. В. И. Ленин отмечал, что «...революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию...»³.

В. И. Ленин придавал огромное значение пробуждению Азии и указывал, что пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую эпоху всемирной истории. В. И. Ленин с удовлетворением отмечал, что в Азии, в лице ее народных масс, появились новые отряды революционного движения против империализма. «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»⁴.

В. И. Ленин глубоко анализировал расстановку классовых сил в народных революциях, которые разразились в Азии под влиянием русской революции 1905—1907 гг. Революционное движение во всех этих странах началось не одновременно и имело разную продолжительность. Движение протекало в разных формах и имело разные итоги. Но в основном оно еще не могло захватить широкие народные массы и не могло поколебать господства империалистических держав и государственной формы власти в этих странах, кроме Китая, где была сброшена монархия.

Огромное значение революционных движений в Азии в этот период заключалось в том, что это были первые удары пробудившихся к новой жизни народов Азии по колониальной системе империализма. Пролетариат во всех азиатских странах, поднявшись на революцию, был еще слаб и, главное, не имел еще своего организованного авангарда. Однако и некоторых из этих стран он стоял в передовых рядах движения. В. И. Ленин с особым вниманием относился ко всем проявлениям инициативы и самостоятельности пролетариата колониальных и зависимых стран. «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы...», — констатировал В. И. Ленин в связи с массовой стачкой в Бомбее в 1908 г.⁵

В. И. Ленин весьма сочувственно относился к идеям революционного демократа Сунь Ят-сена. Он высоко ценил боевой, неустанный демократизм, который пронизывал каждую строчку платформы Сунь Ят-сена. Отмечая, что западная буржуазия уже ослила, В. И. Ленин указывал, что «...в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую,

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 65.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 310—311.

последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»⁶. В. И. Ленин подчеркивал, что главной социальной опорой этой буржуазии, способной еще на исторически прогрессивное дело, было крестьянство. Но вместе с революционной демократией, указывал Ленин, там есть либеральная буржуазия, деятели которой способны к измене. Именно деятели этого типа сняли из программы партии, организованной Сунь Ят-сеном, лозунг борьбы за уравнительный передел земли. Именно для них оказались слишком «левыми» демократические идеи Сунь Ят-сена. Сунь Ят-сен возлагал надежды на то, что мелкая буржуазия и национальная буржуазия будут помогать китайским крестьянам в их борьбе. Однако опыт китайской революции показал, что только пролетариат мог обеспечить прочный союз с крестьянством, являющийся решающей силой в борьбе за национальное освобождение. В. И. Ленин выразил уверенность, что «...поскольку будет расти в Китае число Шанхаев, будет расти и китайский пролетариат»⁷.

Созданная Лениным Коммунистическая партия как марксистская партия нового типа оказывала моральную поддержку пробуждавшимся народам зарубежного Востока, помогала им в борьбе с империализмом. Так, Пражская конференция РСДРП(б) в 1912 г. приняла предложенную Лениным резолюцию о поддержке персидской и китайской революций. «Российская социал-демократическая рабочая партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задуть свободу персидского народа... Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа...». В резолюции была закреплена также кровавая роль английского правительства в удушении персидской революции.

Пражская конференция горячо и сочувственно откликнулась также на революционные события в Китае. В резолюции указывалось, что конференция «...констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае...»⁸.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция была величайшим торжеством ленинизма, она открыла новую эпоху всемирной истории. Октябрьская социалистическая революция принесла богатейший и разносторонний опыт революционной борьбы для народов всех стран. Она расшатала империализм в метрополиях и подорвала его господство в колониальных и зависимых странах. В. И. Ленин сформулировал основные положения об общем кризисе капитализма как исторической полосе крушения мировой капиталистической системы и победы социализма. Начало этой новой исторической эпохи положила первая мировая война 1914—1918 гг. и Великая Октябрьская социалистическая революция. В 1916 г. в статье «О карикатуре на марксизм» В. И. Ленин писал об этой исторической полосе: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых,

отсталых и угнетенных нациях»⁹. Эту же мысль В. И. Ленин повторил на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г. В. И. Ленин указал, что новая эпоха будет не только борьбой революционного пролетариата в каждой стране против своей буржуазии, а будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и всех зависимых стран против международного империализма.

Ленинские слова оправдались. Великие идеи Ленина широко разнеслись по всему миру. Особенно большое значение для народов зарубежного Востока имела ленинско-сталинская национальная политика, направленная на уничтожение национального и расового неравенства в СССР. Советский Союз объединил массы различных национальностей в едином и сплоченном государственном союзе. В Советском Союзе на практике осуществлялась великая дружба народов, имеющая огромное значение для дела социалистического строительства и укрепления социалистического государства. Вместо угнетенных и порабощенных в прошлом наций и народностей в Советском Союзе сложились новые социалистические нации, единые и сплоченные в социалистическом строительстве.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин выработал научно обоснованную программу превращения экономически отсталой России в передовую социалистическую державу. Эта программа предусматривала социалистическую индустриализацию страны на базе всемерного развития тяжелой промышленности и электрификации народного хозяйства, проведение в жизнь кооперативного плана преобразования сельского хозяйства страны на социалистических началах, осуществление культурной революции.

До Октябрьской социалистической революции на территории нынешних республик советского Востока промышленности почти не было. Восточные окраины царской России представляли собой отсталые аграрные районы. Следуя ленинским предначертаниям о превращении отсталых национальных районов в индустриальные республики, партия в исключительно короткий срок создала там высокоразвитую социалистическую промышленность и высокомеханизированное колхозное сельское хозяйство. Темпы промышленного развития в национальных республиках Советского Союза были много выше средних темпов по СССР.

В результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики партии было покончено с фактическим экономическим и культурным неравенством национальных окраин нашей страны. Из отсталых окраин царской империи национальные районы, при помощи и руководстве русского рабочего класса превратились в цветущие социалистические республики с высокоразвитой промышленностью, сельским хозяйством, наукой и культурой.

Это было триумфом ленинского учения о том, что освобожденные от гнета империализма народы могут с помощью пролетариата победившей страны перейти к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Руководящую роль в великих победах национальных окраин Советского Союза играла Коммунистическая партия, которая решительно и последовательно боролась и искореняла всякие проявления великодержавного шовинизма и местного национализма, преодолевала все уклоны в национальном вопросе, осуществляя принципы пролетарского интернационализма.

В. И. Ленин, исходя из опыта советского многонационального государства, где на практике восторжествовали идеи дружбы народов, доказал

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 145.

⁷ Там же, стр. 149.

⁸ В. И. Ленин. Соч. т. 17, стр. 434—435.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 48.

также возможность мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Ленинизм исходит из того принципа, что установление того или иного общественного и политического строя в каждой стране — это внутреннее дело народа данной страны. Советский Союз не вмешивается в дела других стран. В. И. Ленин разработал принципы внешней политики советского государства, политики, покоящейся на мире и сотрудничестве между народами.

Советское правительство с первых дней своего существования провело такие внешнеполитические мероприятия, на которые не могло пойти ни одно буржуазное правительство. Оно ликвидировало неравноправные договоры, заключенные до революции царским правительством с государствами Востока, отказалось от каких-либо привилегий в этих государствах, возвратило им их национальное имущество. Советское государство оказало экономическую помощь ряду стран в восстановлении и развитии их хозяйства. Советское правительство всегда неуклонно и последовательно боролось и борется против любых попыток империалистов ущемить права и национальный суверенитет народов больших и малых.

Великие достижения ленинской национальной политики в СССР и политики дружбы народов вселили в сердца многих миллионов угнетенного человечества веру в неизбежную победу в их борьбе за освобождение от империалистического и феодального гнета.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эпоху кризиса колониальной системы империализма.

Первый этап кризиса колониальной системы империализма характеризовался огромным, небывалым размахом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Победоносная революция в Монголии привела к образованию независимой Монгольской Народной Республики, которая при помощи страны победившего социализма встала на путь некапиталистического развития. Турецкая революция поставила у власти турецкую буржуазию. Афганистан завоевал государственную самостоятельность. Национально-освободительным движением были охвачены Китай, Корея, Египет, Индия, Индонезия, ряд стран Ближнего Востока, а также колониальных и зависимых стран американского континента. Особенно большое значение приобрела в этот период китайская революция.

Национально-освободительное движение в послеоктябрьский период отличалось от национально-освободительного движения эпохи пробуждения Азии начала XX века. Это отличие было обусловлено тем, что в ряде колониальных и зависимых стран промышленное развитие в период первой мировой войны и после нее сделало заметные успехи. Буржуазия и пролетариат ряда колониальных и зависимых стран выросли количественно и стали представлять более организованную силу, чем это было в начале XX века.

В процессе развивающегося национально-освободительного движения пролетариат ряда колониальных и зависимых стран занял авангардную роль, а в Китае в результате революции 1924—1927 гг. он стал гегемоном, руководящей силой движения. В значительной части колониальных и зависимых стран в период до начала второй мировой войны были образованы коммунистические и рабочие партии, являющиеся авангардом рабочего класса и претворяющие в жизнь идеи ленинизма. В этот период очень отчетливо выявилась правильность ленинского учения о том, что

только руководящая роль пролетариата способна обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, расчистить путь к социалистическому строительству.

Опыт китайского национально-освободительного движения показал, что победоносная революция в колониальных и зависимых странах требует прочного союза рабочего класса и крестьянства, являющегося основой единого народного фронта, руководимого авангардом пролетариата — коммунистической партией. «Мы получили драгоценный опыт, и основным в этом опыте являются следующие три фактора: Партия, обладающая дисциплиной, вооруженная теорией Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, использующая метод самокритики и тесно связанная с массами; армия, руководимая этой партией; единый фронт различных революционных слоев общества и групп, руководимых этой партией», — писал Мао Цзэ-дун в 1949 г. в статье «О диктатуре народной демократии», в которой он подвел итоги побед китайского народа.

Этот же опыт показал огромное значение правильной политики коммунистической партии в отношении к национальной буржуазии. Руководствуясь ленинским учением, Коммунистическая партия Китая проводила самостоятельную политику и вела борьбу с фракционерами, пытавшимися рассматривать пролетариат как придаток к буржуазии. С другой стороны, Коммунистическая партия Китая всячески стремилась использовать революционные возможности национальной буржуазии в борьбе против феодализма и империализма. Она вела решительную борьбу с леваками, утверждавшими, что социалистическая революция в Китае началась с 1927 г., и отвергавшими революционный блок коммунистической партии с национальной буржуазией.

* * *

Ярким выражением торжества идеи ленинизма явилась победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, подготовленная всем предыдущим развитием нашей советской родины. Советское государство с честью вышло из тяжелых испытаний войны, вновь показав всему миру свою могучую силу, основанную на дружбе народов и морально-политическом единстве советского общества. Советская армия освободила народы от фашистской тирании и спасла мировую цивилизацию от варварства и мракобесия. В результате разгрома германского фашизма и японского империализма соотношение сил на мировой арене между двумя системами резко изменилось в пользу социализма.

После второй мировой войны в результате разгрома главных очагов мирового фашизма и реакции произошло ослабление мировых позиций капитализма, невиданный подъем демократического движения в Европе и Азии и прорыв системы империализма на большом фронте. Наряду с капиталистическим лагерем образовался лагерь мира, демократии и социализма, который объединяет сейчас 900 млн. населения. Сюда входит, кроме населения Советского Союза, население народно-демократических стран Западного Востока и, особенно, шестисотмиллионного Китая явилось триумфом ленинского учения, под лозунгами которого развертывалось национально-освободительное движение в этих странах.

Ленинизм стал идейной основой для трудящихся масс всех народно-демократических стран Востока. Организованные там революционные партии нового типа являются признанными руководителями трудящихся масс в их борьбе с пережитками прошлого, за строительство новой экономики демократического общества. Несмотря на разные задачи государ-

ственного и экономического строительства, все они разделяют идеологические и организационные принципы ленинского учения, ленинскую теорию и тактику революционной борьбы.

Так, в уставе Коммунистической партии Китая указано, что она «является передовым, организованным отрядом китайского рабочего класса, высшей формой его классовой организации. Коммунистическая партия Китая представляет интересы китайской нации и китайского народа. Она борется на нынешнем этапе за осуществление новодемократического строя Китая. Ее конечной целью является осуществление коммунизма в Китае».

«Встав под знаменем ленинизма, Партия трудящихся Вьетнама завоевала доверие народа, который видит в ней свой сознательный передовой отряд», — писал президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин в статье, опубликованной в «Правде» 18 апреля 1955 г.

После второй мировой войны кризис колониальной системы империализма резко углубился. Начался распад колониальной системы. В настоящее время на Востоке уже существуют четыре народно-демократических государства. Успехи их экономического и государственного строительства оказывают огромное влияние на все угнетенные народы.

Огромное значение имеет то обстоятельство, что каждая из народно-демократических стран Запада и Востока идет своим путем к социализму, что они связаны экономической взаимопомощью с Советским Союзом и всеми другими странами демократического лагеря, что все они идут по пути всестороннего подъема своей экономики и культуры.

Ярким свидетельством распада колониальной системы империализма является огромный рост национально-освободительного движения в колониальных странах, в результате которого империалистические хозяева не могут больше по-старому управлять колониями.

В ряде стран рост национально-освободительного движения достиг таких размеров, что империалисты вынуждены были предоставить этим странам независимость. По пути самостоятельного государственного существования пошли такие крупные и древние азиатские страны, как Индия, Индонезия, Бирма.

Попытки колонизаторов найти новые методы порабощения народов путем ли так называемой помощи, путем ли втягивания их в различные военные блоки и союзы наталкиваются на резкое сопротивление народов колониальных и зависимых стран.

Великие идеи Ленина, идеи мира и дружбы между народами стали непреодолимой силой современного общества. Встреча премьер-министра и министра иностранных дел Китайской Народной Республики с премьер-министром Индии Неру и их совместное заявление о принципах мирного сосуществования народов явились выражением воли народов к миру и дружбе. Принципы эти, требующие взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, непадения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования, были одобрены также при встрече Чжоу Энь-лая с премьер-министром Бирмы У Ну.

На конференции азиатских народов в Дели в апреле этого года было принято решение, что народы Азии хотят мира, единства, национальной независимости и взаимного сотрудничества на основе равноправия со всеми странами.

Ярким свидетельством огромного стремления народов к миру и дружбе явилась также конференция стран Азии и Африки в Бандунге. На этой конференции присутствовали делегаты 29 государств двух континентов с различными политическими и социальными системами. Делегаты конференции представляли большую половину населения земного шара.

Конференция в своих решениях осудила колониализм, призвала к миру и мирному сотрудничеству народов, она поддержала требование народов о разоружении и запрещении оружия массового уничтожения. Эти решения огромной политической важности свидетельствовали о том, что ленинские идеи мира и дружбы народов все шире охватывают народы колониальных и зависимых стран.

Ленинские идеи являются могучей движущей силой современного общественного развития народов всего мира.

СТАТЬИ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ

И. М. РЕЙСНЕР

Революционная буря 1905—1907 годов в России потрясла весь капиталистический мир и прервала тот относительно мирный период его развития (1872—1904), когда, по словам В. И. Ленина, «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос»¹. Русская революция 1905—1907 гг. положила начало соединению в общем потоке национально-освободительных движений народов пробудившейся Азии с борьбой рабочего класса Запада против их общего врага — империализма. Тем самым она подготовляла условия для превращения в дальнейшем колоний и полуколоний из резерва империализма в активную силу его разрушения.

В. И. Ленин в статье «Пробуждение Азии» указывал: «Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай... Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»².

Огромная сила влияния революционных событий в России на пробуждение Азии определялась в первую очередь тем, что русская революция 1905—1907 гг. «была первой народной революцией эпохи империализма»³, она «... создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом»⁴.

Сила и действительность влияния русской революции на революционное движение в странах Азии также определялись тем, что Россия издавна поддерживала тесные экономические, политические и культурные связи со странами Востока. Россия стала центром мирового революционного движения. Именно демократическая Россия во главе с революционным пролетариатом, вступившая в борьбу с самодержавием, оказывала влияние на освободительное движение народов Востока.

Даже заидые империалисты — современники национально-освободительного движения, охватившего страны зарубежного Востока в годы первой русской революции, не могли отрицать ее огромного влияния на пробуждение Азии. В книге о революции 1905—1911 гг. в Иране англичанин Браун писал: «Русская революция оказала здесь самое пора-

зительное воздействие. За событиями в России следили с огромным интересом и, казалось, новый дух вселился в народ»⁵. Англичанин Чироль, корреспондент газеты «Таймс» в Индии, отмечал: «1905 г. нанес могучий удар царскому самодержавию. Индийские националисты неустанно уподобляли самодержавию англо-индийское правительство с его всеильной бюрократией: английская бюрократия в Индии объявлялась воплощением царских чиновников, которые управляли Россией и разорили эту страну. Отсюда следовал вывод, что индийцам необходимо применить те же методы, которые русские революционеры успешно пустили в ход против царизма»⁶.

Влияние русской революции 1905—1907 гг. на поработанные империализмом азиатские страны распространялось неравномерно. Первой началась революция в Иране (1905—1911 гг.) и одновременно с ней революционный подъем охватил Индию (1905—1908 гг.). В Корее подъем национально-освободительного движения начался в 1906 г., но достиг наибольшего размаха в 1910—1911 гг. Революционное брожение в Турции началось в 1905 г., но революция произошла в 1908 г., в этом же году начался революционный подъем в Индонезии, продолжавшийся до 1913 г. Китайская революция 1911—1912 гг., возникнув под влиянием русской революции и последовавших за ней революционных событий в Иране, Турции и Индии, оказала большое воздействие на дальнейшее развитие национально-освободительного движения в странах Дальнего Востока — Монголии, Корее и Индонезии.

Для раскрытия влияния русской революции на страны Азии необходимо выяснить, на какую почву попали ее семена, как был воспринят ее опыт в странах, которые отличались от России по уровню своего социально-экономического развития, характеру классовых противоречий и тем задачам, которые всем ходом исторического развития были поставлены перед народами зарубежного Востока. При всех различиях в уровне экономического и политического развития между странами Азии, общим для них было то, что над этими странами господствовал чужеземный империализм⁷. Экономика стран зарубежного Востока носила колониальный и полуколониальный характер, была подчинена действию основного экономического закона современного капитализма. Все колонии и полукolonии являлись аграрно-сырьевыми придатками развитых капиталистических стран, рынком сбыта для их товаров, поставщиком сырья и продовольствия для мирового капиталистического рынка; сферой приложения иностранных капиталов, источником максимальных прибылей европейских, американских и японских монополий.

Господство империализма сковывало развитие производительных сил в поработанных странах Азии. Это тормозящее влияние препятствовало перерастанию простого товарного хозяйства в капиталистическое в сельском хозяйстве, обрекая его на деградацию, а сотни миллионов крестьян на пауперизацию. В области промышленности империализм тормозил переход от низших форм капиталистического производства и мануфактуры на высшую стадию машинной индустрии.

Монополия империалистов и местных помещиков на землю и оросительные сооружения (например, в Индии) давала иностранным колонизаторам возможность сохранять полуфеодалные методы эксплуатации в деревне и за бесценок скупать у крестьян сырье и продовольствие для вывоза на мировой рынок.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 65—66.

³ «50 лет первой русской революции. Тезисы». «Правда», 22 января 1955 г.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 244.

⁵ E. C. Brown. The Persian revolution of 1905—1909. Cambridge, 1910, p. 120.

⁶ V. Chirrol. India. London, 1926, p. 114.

⁷ Мы не рассматриваем здесь империалистическую Японию.

Вместе с тем империалисты были и политически заинтересованы в сохранении экономических и некоторых политических позиций помещиков, ибо этот реакционный класс стал главной социальной опорой самих колонизаторов и без их помощи уже не мог сохранить свое господство в деревне.

К началу XX в. в большинстве стран Азии основной формой эксплуатации крестьянства стала кабальная издольщина, сочетавшая феодальную продуктовую ренту с авансированием на ростовщических условиях помещиком крестьянину семян, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, а иногда и денег. Большинство колониального крестьянства, в отличие от времен феодализма, утратило свою хозяйственную самостоятельность и наследственно-владельческие права на землю, лишилось орудий труда и рабочего скота и поэтому было вынуждено на кабальных условиях занимать их у помещика и ростовщика. По мере экспроприации крестьянства кабальная издольщина обнаруживала тенденцию к превращению в договор о найме рабочей силы, хотя и облеченный в отсталую феодальную форму. В то же время, соединяясь с различными формами ростовщической кабалы, издольщина сохраняла личную зависимость крестьянина от помещика и, наряду с различными видами долгового рабства, прикрепляла крестьянина к земле. Являясь переходной от феодализма к капитализму формой эксплуатации, кабальная издольщина содействовала товаризации сельского хозяйства, в чем были заинтересованы империалисты. Однако издольщина препятствовала перерастанию простого товарного хозяйства в капиталистическое и стесняла предпринимательскую деятельность зажиточной верхушки деревни. Крестьянин, лишенный земли и важнейших орудий производства, не имел ни стимула, ни возможности применять какие-либо усовершенствования в своем хозяйстве. Рост выхода товарной продукции достигался простым увеличением доли помещика в крестьянском урожае. Чем больше крестьянин собирал, тем больше был вынужден отдавать помещику. Поэтому все крестьянство было заинтересовано в устранении монополии иностранных империалистов и местных помещиков на землю и в ликвидации полуфеодальных методов эксплуатации.

Накопленные веками гнев и возмущение крестьянства направлялись против гнета помещика и господства империализма, что ярко проявлялось в ходе буржуазных революций начала XX в. в Азии. Вместе с тем крестьянство, продолжавшее оставаться в личной зависимости от помещика и обремененное разнообразными феодальными повинностями, было совершенно бесправно, сословно придавлено, подвергалось беспощадному гнету и произволу колониальных властей (в колониях) и местного государственного аппарата (в полуколониях). Поэтому крестьянство также боролось за ликвидацию всех и всяческих пережитков феодализма в политическом строе, было важнейшим носителем демократического движения.

Зарождавшийся пролетариат колониальных и зависимых стран Востока подвергался жесточайшей эксплуатации. Главная особенность капиталистической эксплуатации колониального пролетариата заключается в том, что он вынужден продавать рабочую силу по цене, которая значительно ниже ее стоимости. Искусственное торможение империализмом развития национальной фабричной промышленности в странах Востока крайне ограничивало спрос на рабочую силу и резко снижало цену на нее. Поэтому лишь небольшая часть пауперизированных крестьян могла превратиться в пролетариев, стать капиталистическими наемными рабочими в городе или деревне. Так, в условиях монополии империалистов и местных помещиков на землю создавалось на колониальном Востоке относительное аграрное перенаселение, складывалась огромная скрытая

резервная армия труда из людей, вынужденных продавать свою рабочую силу по любой, предельно низкой цене. Это позволяло капиталистам сильно снижать заработную плату рабочим, непосредственно занятым в производстве.

В свою очередь оплата рабочей силы по цене значительно ниже ее стоимости заставляла рабочих обращаться к ростовщику, оставлять свою семью в деревне, приводила к тому, что в промышленности сохранялась феодально-ростовщическая кабала. Наконец, непосильная эксплуатация вызывала огромную текучесть рабочей силы, затрудняла формирование постоянных кадров пролетариата.

Промышленный пролетариат в колониальных и зависимых странах еще не успел сложиться в класс для себя; он испытывал невыносимую тяжесть капиталистической эксплуатации, гнет ростовщической кабалы, подвергался национальной дискриминации и был обречен на полное бесправие. В начале XX в. пролетариат Азии делал лишь первые шаги на пути экономической борьбы. Массовых профессиональных союзов еще не существовало, политических организаций рабочего класса не было, политически пролетариат еще не отделял себя от революционной мелкой буржуазии.

Буржуазия как класс в колониальных и зависимых странах была неоднородна и различные ее группы по-разному вели себя в годы революционного подъема.

Кроме национальной промышленной буржуазии и до ее возникновения, в колониальных и зависимых странах Востока сложилась компраторская буржуазия, обслуживающая империализм путем посреднической торговли, заинтересованная в сохранении колониального господства империализма. В политическом отношении компраторская буржуазия блокировалась с классом помещиков и примыкала к лагерю реакции, возглавляемому империализмом.

Особенности складывания национальной буржуазии были связаны с характером развития капитализма в колониальных странах. Этот класс формировался главным образом из купцов и ростовщиков. Для местной буржуазии возможность вложения капиталов в промышленность была ограничена в силу господства на рынке импортных промышленных товаров и стремления империалистов удушить национальную промышленность. Отсюда преобладание среди местной буржуазии торгово-ростовщических элементов, слабость промышленной буржуазии и стремление вкладывать капиталы в покупку земли. Связанность большей части местной буржуазии с торговлей, ростовщичеством, с земельной собственностью определяли ее примирение с существующим строем земельных отношений. Поэтому она выступала против революционного разрешения аграрного вопроса.

Промышленная буржуазия⁸ оказывалась в известной зависимости от могущественных иностранных монополий по части получения промышленного оборудования, технической консультации, привлечения инженерно-технического персонала, по линии кредита. Но вместе с тем эта зависимость и побуждала буржуазию стремиться к созданию экономических и политических условий, обеспечивающих ей свободное развитие; а конкурентная борьба с иностранной империалистической буржуазией являлась главной школой ее национального самосознания. При этом национальная буржуазия апеллировала к массам, стремилась возглавить национальное движение, занять положение главы нации.

⁸ Эта прослойка на рубеже XIX и XX вв. сложилась лишь в немногих странах зарубежного Востока (Индия, Китай), где к этому времени возникла, хотя и весьма слабая, национальная фабричная промышленность.

Политическим идеалом местной буржуазии были реформы сверху, а не народная революция; господствующим политическим течением в ее среде был либерализм, стремление мирным путем добиться расширения своих экономических и политических прав. Она требовала национального равноправия и осуждала национальный гнет со стороны империалистов, возвышала свой голос против системы колониального грабежа и эксплуатации, протестовала против деспотического режима местных феодальных государей и т. д.

Но в странах колониального Востока, прежде всего в капиталистически более развитых — Китае и Индии, в начале XX в., наряду с движением либеральной буржуазии, складывалось и демократическое течение мелкобуржуазного национализма. Мелкобуржуазные националисты представляли широкие круги многочисленных мелких хозяйчиков — владельцев мануфактур, ремесленных мастерских — и те слои торговой буржуазии, которые теснее всего связаны с внутренним рынком. Выдающуюся роль в этом движении играла мелкобуржуазная интеллигенция из плохо обеспеченных лиц свободных профессий, мелких служащих и младших офицеров армии. Они были ближе к народу, чем либеральная буржуазия.

Однако характерным для движения мелкобуржуазных националистов этих времен являлось неверие в силу народа, непонимание, что освободить народ от феодального и колониального ига могут не отдельные герои-одиночки из числа интеллигентов, что победа может быть завоевана только самоотверженной революционной борьбой самих народных масс.

Таким образом, накануне буржуазных революций в Азии империалистический гнет и эксплуатация, с одной стороны, развитие капитализма, с другой, подготовили те классовые силы (буржуазия, пролетариат и крестьянство), которые и выступили в ходе последовавших буржуазных революций под знаменем национального освобождения и демократии.

* * *

Перейдем теперь к вопросу о конкретных проявлениях влияния русской революции 1905—1907 гг. на буржуазные революции и развитие национально-освободительной борьбы в различных странах колониального Востока.

Главным вопросом буржуазной революции в Османской империи был национальный вопрос в двух его аспектах: освобождение всех народов этого многонационального государства, включая и самих турок, от национального гнета и колониальной эксплуатации со стороны чужеземных империалистов и освобождение нетурецких народов империи от национального гнета со стороны помещиков и компрадорской буржуазии Турции, проводивших политику насильственной ассимиляции нетурецких народов.

В силу полуколониального положения страны турецкая буржуазия была чрезвычайно слаба. Крупная фабричная промышленность в стране отсутствовала. Число рабочих, занятых в промышленности и транспорте, не превышало 40—50 тыс. человек. Политические требования турецкой буржуазии (младотурки) были ограничены — она стремилась к восстановлению весьма умеренной конституции 1876 г., которую султан Абдул Хамид (1876—1909) фактически ликвидировал. Младотурки представляли глубоко законспирированную организацию заговорщического типа, которую возглавлял подпольный комитет «Единение и прогресс». Она не была связана ни с турецкими народными мас-

сами, ни с революционными организациями нетурецких народов (македонцев, армян, арабов).

Под влиянием русской революции усилилось революционное движение в Османской империи. Важнейшим его очагом стала Македония, где широкий размах получила партизанская борьба крестьян-четников. Несколько восстаний вспыхнуло в 1906—1907 гг. в Малой Азии. Волнения охватили и турецкую армию, в которой младотурки-офицеры вели подпольную работу. Военские части, вызванные на подавление восстания в Эрзеруме в 1906 г., отказались выполнять роль карателей. В 1907 г. восстал гарнизон в Скопле. Восставали моряки военного флота под непосредственным влиянием восстания русских моряков черноморского флота. Группа турецких офицеров направила письмо сестре лейтенанта Шмидта. «Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, — писали они, — что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески»⁹.

Русский пример сыграл крупнейшую роль в установлении общего фронта борьбы турок и других народностей Османской империи против султанского самодержавия. В 1907 г. в Париже на съезде революционных организаций был заключен блок между младотурками и армянскими буржуазными националистами (дашнакцуютю) о совместной борьбе против султанского самодержавия. Позже к этому блоку примкнули македонские революционеры.

Решающим событием турецкой буржуазной революции было восстание в 1908 г. в Македонии, в котором совместно выступили турецкие воинские части и партизанские отряды четников; часть армии перешла на сторону революции.

Турецкая буржуазная революция была верхушечной. Она не всколыхнула народных масс всей Османской империи, не пробудила их к самостоятельным революционным выступлениям. Младотурки, захватив власть и восстановив конституцию 1876 г., объявили революцию законченной и приняли меры к обузданию народа, направив свои усилия в первую очередь на подавление национально-освободительного движения нетурецких народов и забастовочного движения пролетариата.

Несмотря на свою половинчатость и верхушечность, турецкая буржуазная революция имела прогрессивное значение. Революция усилила стремление балканских народов к автономии и действительной демократии, а также способствовала подъему национально-освободительного движения арабов; она явилась началом политического пробуждения самого турецкого народа.

После революции 1908 г. в Турции началась борьба пролетариата, возникли первые профсоюзные и политические организации рабочего класса. Удар, нанесенный турецкой буржуазной революцией султанскому самодержавию, был ударом по империализму. Именно поэтому младотурецкая революция «...сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав...»¹⁰. Разрыв младотурками блока с революционными организациями нетурецких народов, проведение разнузданной великодержавной шовинистической политики с целью сохранения и расширения многонациональной Османской империи, имел роковые последствия для судеб турецкой революции.

⁹ «Новая история стран зарубежного Востока», т. II. М., 1952, стр. 385.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 198.

* * *

Характерной особенностью иранской революции 1905—1911 гг. является значительное развитие революционной самостоятельности и активности народных масс. С конца 1907 г. после принятия иранской конституции и дополнения к ней, удовлетворивших основные требования либеральной буржуазии, высшего духовенства и части помещиков, либеральная буржуазия и ее союзники постепенно отошли от революции. На первый план выступил демократический лагерь — рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия. Преимущественно мирные формы движения первых лет революции (демонстрации, массовые бесты, поход в 1906 г. столичного духовенства в Кум в знак протеста против невыполнения шахом своего обещания созвать меджлис) уступили место вооруженной борьбе. Героическая оборона Тавриза, который около двух лет (июнь 1907 г. — апрель 1909 г.) стойко сопротивлялся объединенным силам шахских войск и ополчений местных феодалов, вписала незабываемые страницы в историю иранской революции. Когда Тавриз был занят царскими войсками, новый важный очаг борьбы образовался в Реште (Гилян), откуда вооруженные отряды революционеров двинулись на Тегеран и, заняв столицу, вынудили шаха Мохаммеда-Али отречься от престола и добились созыва меджлиса. В эти годы развивалось крестьянское движение. Начавшись на севере страны (Иранский Азербайджан, Гилян), оно постепенно распространялось на весь Иран.

Рабочие Ирана, выступавшие в первых рядах борцов против шахского самодержавия и иностранных интервентов, создали свои первые профессиональные союзы и социал-демократические группы «Эджтемаюне-Амиюн». В годы революции бастовали рабочие на иностранных концессиях и на мелких предприятиях, принадлежащих местной буржуазии. Основной вооруженной силой революции становились добровольческие отряды феодалов. Федаи играли решающую роль и в обороне Тавриза, и в походе на Тегеран, и в отпоре попытке бывшего шаха вновь занять престол в июле 1911 г. Разоружение феодалов в Тегеране, проведенное в августе 1910 г. иранским конституционным правительством, располагавшим большинством в меджлисе второго созыва, было ярким выражением отхода либеральной буржуазии от революции.

Значительное политическое влияние, особенно в Иранском Азербайджане, приобрела нелегальная революционная демократическая мелкобуржуазная партия муджахидов. Муджахидам были присущи черты сектантства, им было также свойственно вредное увлечение индивидуальным террором. В то же время ряд требований программы муджахидов (всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, свобода слова, личности, собраний и стачек, восьмичасовой рабочий день, конфискация шахских земель и раздача их крестьянам) были отражением влияния русского социал-демократического движения. Что касается помещичьих земель, то программа муджахидов предусматривала их выкуп.

Революционная активность масс нашла свое выражение и в создании энджуменов, которые в ходе развития революции стали в самостоятельном порядке устанавливать свой контроль над центральным правительством и над деятельностью его губернаторов и чиновников на местах. Там, где буржуазно-демократическим элементам удавалось завоевать решающее влияние (в Тавризе и в Реште), энджумены фактически захватывали власть.

В ходе революции народные массы выдвинули собственных вождей, выдающихся революционеров-демократов Саттар-хана и Багир-хана. Саттар-хан и Багир-хан руководили героической обороной Тавриза; их революционная деятельность протекала главным образом в Иранском Азербайджане.

Буржуазно-демократические элементы в иранской революции 1905—1911 гг. с наибольшей силой проявили себя на севере и северо-западе страны — в Иранском Азербайджане и отчасти в Гиляне. Из трех главных территориальных очагов революции — Тегерана, Тавриза и Решта — на севере располагались два. Здесь и крестьянское движение получило наибольший размах. Именно в Тавризе и Реште энджумены превратились в органы революционной власти, и вооруженная борьба против шахского самодержавия отличалась огромным упорством и решительностью. На севере Ирана революционно-демократическая мелкая буржуазия — Саттар-хан и Багир-хан в Тавризе, революционеры, входившие в «Комитет имени Саттар-хана» в Реште, подготовившие восстание в этом городе, — сумела на время отеснить либеральные элементы от руководства революционным движением, в то время как в остальном Иране либеральная буржуазия, блокируясь с частью помещиков, сохранила руководство в своих руках¹¹. Именно депутаты от Иранского Азербайджана составляли революционное ядро в меджлисе. Передовую роль Иранского Азербайджана в революции 1905—1911 гг. определили следующие обстоятельства: капиталистические отношения здесь были развиты относительно больше и огромное значение приобрел земельный отход в Россию; азербайджанцы подвергались не только колониальной эксплуатации и феодальному гнету, но были в национальном отношении неравноправными; эта область имела давние и тесные экономические и культурные связи с Россией, находилась в соседстве с таким революционным центром, как Баку. Все это обеспечило исключительно сильное влияние русской революции на борьбу в Иранском Азербайджане.

Большую роль в передаче народам Ирана русского революционного опыта и распространении освободительных идей русской революции 1905—1907 гг. играли отходники из Иранского Азербайджана, отправлявшиеся в поисках заработка в Россию. По данным царских властей, число их достигло 62 тыс. в 1905 г.¹² В 1911 г. число отходников увеличилось до 200 тыс. человек. Иранские отходники, работавшие на нефтяных промыслах Баку, вовлекались в экономическую и политическую борьбу многонационального пролетариата этого важнейшего революционного центра Закавказья. Они испытывали влияние социалистических идей, распространявшихся созданной осенью 1904 г. большевиками для работы среди мусульманского населения организацией «Гуммет» (Энергия), во главе которой стояли М. Азизбеков и А. Джанаридзе. Возвращаясь на родину, иранские отходники становились в первые ряды борцов иранской революции. Многие из них стали членами социал-демократической организации «Эджтемаюне-Амиюн» и нелегальной революционно-демократической партии муджахидов.

Бакинская организация «Гуммет» поддерживала тесную связь с иранскими революционерами. В Закавказье была организована «Группа содействия тавризской революции». В Баку, Батуми, Тбилиси происходил сбор средств, шла отправка оружия, готовились люди для переброски в Тавриз. В Батумской подпольной типографии большевиков печатались прокламации. Верные своему интернациональному долгу, несколько сот закавказских революционеров нелегально перешли границу и влились в ряды борцов за независимость и свободу Ирана. Тем самым они вели борьбу против царизма, одинаково душившего русский и иранский (на севере Ирана) трудовой народ. В Тавризе закавказские

¹¹ См. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952, стр. 246.

¹² А. Л. Соболевский. Персия, социально-экономический очерк. М.—СПб., 1913, стр. 289.

революционеры развили широкую пропагандистскую деятельность, вели военное обучение федаев, наладили мастерскую, изготавливавшую бомбы и ручные гранаты, открыли больницу. Они принимали активное участие в боях с силами контрреволюции. Начальником артиллерии у Саттар-хана был русский матрос, участник восстания на броненосце «Потемкин». Около двадцати закавказских революционеров отдали жизнь на баррикадах Тавриза¹³.

По решению Бакинского комитета большевиков осенью 1909 г. в Иран был направлен Серго Орджоникидзе. Он принимал участие в боях с контрреволюционными бандами¹⁴, в связи с возложенными на него заданиями выезжал из Решта в Энзели и другие города Гиляна.

Иранская революция стала угрозой господству русского царизма на севере и английского империализма на юге Ирана, она поднимала на освободительную борьбу угнетенные народы других стран Ближнего и Среднего Востока. Поэтому английский империализм блокировался с царизмом для подавления иранской революции.

Поражение русской революции резко ухудшило положение народов Ирана, боровшихся за свою свободу и независимость. В результате англо-русского соглашения, заключенного 31 августа 1907 г., образовался единый фронт этих империалистических держав против иранской революции, последовала их вооруженная интервенция в Иране. Иностранная интервенция была одной из главных причин поражения иранской революции. Другой причиной поражения революции было то обстоятельство, что она не была поддержана крестьянской войной. Хотя крестьянское движение охватило почти всю страну, оно в целом носило форму пассивного сопротивления и не переросло в открытую борьбу за землю. Иранский пролетариат еще не сложился в класс для себя, а следовательно, не мог выступить в качестве самостоятельной политической силы, способной руководить крестьянством.

* * *

На рубеже XIX и XX вв. завершилось превращение Китая, которым правила маньчжурская династия Цинов, в полуколонию иностранного империализма¹⁵.

Цинская монархия была ненавистна китайскому народу. С цинской династией связывалась память о завоевании Китая маньчжурами. Цинская династия стала важнейшей опорой господства иностранцев-империалистов над Китаем, их помощником и пособником в деле колониального закабаления страны. Являясь носителем феодального и колониального гнета, маньчжурская династия богдыханов была главным препятствием на пути свободного развития Китая. Поэтому против монархии Цинов и направила свой основной удар революция 1911 г.

В условиях, когда китайский пролетариат еще не сложился в самостоятельную политическую силу, выразительницей интересов демократического лагеря в китайской революции выступала мелкобуржуазная демократия. Признанным вождем китайской демократии был Сунь Ят-сен, а основанная им в 1905 г. политическая партия Тунмэнхой сыграла крупную роль в подготовке революции 1911 г.

¹³ См. М. С. Иванов, Указ. соч. стр. 230; Е. Бор.-Раменский. К вопросу о роли большевиков Закавказья в иранской революции 1905—1911 гг.: «Историк-марксист», 1940, № 11.

¹⁴ См. З. Орджоникидзе. Путь большевика, М., 1939, стр. 6—7.

¹⁵ С любезного согласия автора в разделе о китайской революции был использован материал из неопубликованной работы Л. В. Симановской «Синьхайская революция».

Основными требованиями китайской демократии, сформулированными Сунь Ят-сеном в 1907 г. в виде трех народных принципов, были уничтожение маньчжурской монархии, республика и уравнивание прав на землю.

«Перед нами, — писал В. И. Ленин об этой платформе, — действительно великая идеология действительно великого народа, который умест не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая»¹⁶.

Тунмэнхой, хотя и являлся в Китае нелегальной организацией, но значительно вырос численно, окреп организационно и активизировал свою деятельность. К Тунмэнхой присоединялись мелкобуржуазные организации, во множестве возникавшие в эти годы в Китае. Требование уравнивания прав на землю привлекало под знамя Тунмэнхой крестьянство. Члены этой организации вели успешную агитацию среди войск новых формирований, где немало офицеров стали сторонниками революции. Китайское купечество в странах Южных Морей и другие китайские эмигранты жертвовали средства на дело революции. По стране распространялись тысячи листовок и прокламаций, напечатанных революционерами за границей. Серьезнейшим успехом Сунь Ят-сена было то, что он сумел привлечь на сторону Тунмэнхой тайные общества и братства, что дало китайским демократам возможность установить связь с крестьянами, рабочими, кули, ремесленниками. В период 1906—1910 гг. Тунмэнхой подготовил и возглавил несколько восстаний против маньчжурской монархии в провинции Гуандун, а также в южных районах Гуанси и Юньнани. Это уже не были выступления изолированных групп заговорщиков, в них участвовали рабочие, крестьяне, члены тайных братств и обществ, солдаты и офицеры войск новых формирований.

Пинсянское восстание в декабре 1906 г. ознаменовалось активным участием китайского пролетариата в политической борьбе. Хотя это восстание, равно как и другие восстания, подготовленные китайскими демократами, потерпели неудачу, они подрывали устои маньчжурской монархии, вооружали массы опытом борьбы и приближали революционный взрыв. В Китае все чаще происходили крестьянские выступления. В движение включилась и либеральная буржуазия, организовав петиционную кампанию за конституцию. Чтобы разрядить назревавшую революционную ситуацию, выиграть время и расширить свою социальную опору, правительство провело некоторые реформы в военном деле, в области народного образования, создало в 1909 г. совещательные комитеты в провинциях, сузило введение конституции. Но даже либеральная буржуазия не удовлетворялась этими ничтожными уступками, и совещательные комитеты стали центрами ее оппозиции правительству.

Наступление империалистических держав в 1909—1910 гг. на Китай, создание англо-германо-французского банковского консорциума для финансирования железнодорожного строительства в Китае, ряд новых международных соглашений империалистических держав, направленных на дальнейшее закабаление Китая, полная готовность маньчжурской монархии идти навстречу домогательствам колониальных хищников — все это вызвало подъем национально-освободительного движения в стране.

Победоносное восстание в одном из крупных пролетарских центров Китая — Учане 10 октября 1911 г. считается официальной датой начала китайской революции.

На следующий день восстание местных рабочих решило судьбу Ханьяня, а 12 октября революционные войска при поддержке железно-

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 144.

дорожников взяли Ханькоу. Народ одержал победу, но в образовавшемся временном правительстве решающее влияние получили представители либеральной буржуазии и случайные попутчики революции. Победа революционеров в троюградской Учан—Ханьян—Ханькоу получила широкий отклик в стране. В течение октября—ноября последовали восстания в Хунани, Цзюцзяне, Нанчане, Аньцзине, Шанхае, Ханчжоу, Дунцзяне, Дучжоу, Амое, Кантоне, Юнани. Там, где сильнее были организации Тунмэнхоя, где больше проявилась революционная самостоятельность рабочих, крестьян, городских низов, власть маньчжурских чиновников свергалась путем вооруженной борьбы. В других областях и городах маньчжурские наместники, напуганные успехами революции, сами передавали власть в руки либеральной буржуазии в лице провинциальных совещательных комитетов.

Примкнувшая к революции либеральная буржуазия южных и центральных областей Китая стремилась присвоить плоды победы, ограничить активность народных масс и закончить дело компромиссом. Ставший легальной партией Тунмэнхой пополнялся не только за счет трудящихся, но в его ряды проникали представители либеральной буржуазии и многочисленные попутчики революции. Под влиянием либеральной буржуазии Тунмэнхой не решился приступить к проведению в жизнь своего программного требования об уравнивании прав на землю, что создало первую трещину в союзе мелкобуржуазных демократов с крестьянством.

Монархия, сохранившая власть в Северном Китае, пошла на уступки либеральной буржуазии. Северо-китайское правительство создало административно-совещательную палату в Пекине, принявшую в ноябре 1911 г. основные принципы весьма умеренной конституции, предоставило опальному Юань Ши-каю, «кумиру либералов», крупный государственный пост, а вскоре назначило его премьер-министром.

Революционная война против цинской монархии вызвала огромное воодушевление народа. Тысячи крестьян, рабочих, ремесленников вступали в республиканские войска. Местные крестьяне снабжали их продовольствием, служили проводниками, несли на своих плечах снаряжение. Кули жертвовали последние медяки в фонд победы. Но либеральная буржуазия Севера во главе с Юань Ши-каем и либеральная буржуазия Юга, принявшая республиканскую платформу Тунмэнхоя, стремились прекратить гражданскую войну и путем переговоров добиться компромисса. В этом были заинтересованы также империалистические державы, опасавшиеся, что революция поколеблет их господство над Китаем.

Империалистические державы прибегли к грубому давлению на республиканские власти, подкрепляя свои дипломатические демарши концентрацией военно-морских сил у побережья Китая, усилением иностранных гарнизонов в сеттльментах. В результате этого в декабре 1911 г. в Шанхае открылись переговоры между Севером и Югом о прекращении военных действий и об установлении в Китае республики. Отказ Тунмэнхоя от продолжения гражданской войны до полного разгрома контрреволюции создал вторую, еще более глубокую трещину в союзе мелкобуржуазных демократов с крестьянством.

29 декабря на съезде представителей провинций, созванном властями революционного Юга, временным президентом Китайской республики был избран популярный вождь революции Сунь Ят-сен. Это вызвало тревогу в лагере реакции. Империалисты усилили свои военные приготовления, Юань Ши-кай отозвал из Нанкина мирную делегацию и стал демонстративно готовиться к возобновлению войны.

Сунь Ят-сен — этот полный благородства и героизма революционер-демократ оказался слишком «левым» для либеральной буржуазии Севера и не мог рассчитывать на поддержку собственной партии. Тунмэнхой к этому времени потерял свой боевой дух, зашел слишком далеко по пути сотрудничества с либералами и подчинения их влиянию, чтобы пойти на разрыв с либеральной буржуазией и решиться на продолжение гражданской войны и аграрные преобразования. Кроме того, над Китаем нависла опасность империалистической вооруженной интервенции. Сунь Ят-сен, считая основной задачей революции установление республики, выразил готовность передать президентство Юань Ши-каю при условии отречения цинской династии.

Юань Ши-кай, располагая фактической властью в Пекине, опираясь на либеральную буржуазию и пользуясь поддержкой империалистов, добился отречения Цингов от престола (12 февраля 1912 г.). Рухнула Цинская империя — оплот феодальной реакции. Китай стал республикой. Китайская свобода была завоевана союзом крестьянской демократии и либеральной буржуазии, но крестьянская демократия, не руководимая пролетариатом, не смогла удержать свои позиции против либералов. Власть перешла к Юань Ши-каю. Оценивая уроки китайской революции, В. И. Ленин указывал: «...власть никогда бы не перешла даже временно, даже условно, к либералу Юань Ши-каю, если бы не победила китайская демократия вопреки Юань Ши-каю»¹⁷.

Важнейшим уроком революции 1911—1912 гг. в Китае является то, что эти события показали народу истинное лицо либеральной буржуазии, открыто переметнувшейся в лагерь реакции, и обнаружили неспособность мелкобуржуазных демократов к сколько-нибудь прочному союзу с крестьянством на основе действительно революционной и решительной борьбы за претворение в жизнь трех народных принципов Сунь Ят-сена. Тунмэнхой в ходе революции оторвался от крестьянства и поэтому сам оказался в фарватере политики либеральной буржуазии. Таким образом, китайская буржуазно-демократическая революция старого типа была сорвана, прежде чем она по-настоящему развернулась. Тем не менее революция 1911—1912 гг. свергла монархию; она явилась важной вехой в развитии национально-освободительного движения китайского народа. Здесь впервые выступил на политическую арену китайский пролетариат. Революция оказала большое влияние на ход революционной борьбы в соседних странах Азии, и прежде всего в Монголии и Корее.

* * *

Расстановка классовых сил, ход и последствия национально-освободительного движения в менее развитых колониальных и зависимых странах Азии — Корее, Монголии и Афганистане — были несколько иными. Там еще не сложились свои пролетариат и национальная буржуазия, еще не созрели предпосылки для буржуазной революции. Однако под влиянием первой русской революции начался мощный подъем национально-освободительной борьбы в Корее и Монголии. В Корее это движение выразилось, с одной стороны, в деятельности многочисленных патриотических и культурных организаций¹⁸, а с другой, в героической партизанской войне народных масс против японских империалистов,

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 438.

¹⁸ Корейский историк Ли Чон Вон в своей работе «Очерк новой истории Кореи» (М., 1952, стр. 158) пишет, что просветительное движение возникло под влиянием идей первой русской революции.

оккупировавших страну. В рядах партизанской армии справедливости сражалось более 70 тыс. корейцев, главным образом крестьян, ремесленников и солдат, расформированных японцами корейских частей. Проводником освободительных идей русской революции 1905—1907 гг. среди корейских патриотов были вернувшиеся во время этих событий из России на родину корейские отходники (их в одной только Приамурской области насчитывалось более 20 тыс. человек) и политэмигранты; некоторые из них принимали непосредственное участие в революционных боях в России.

Об их деятельности сообщает «Записка о подавлении восстания в Корее», составленная японским генерал-губернаторством: «Большое количество корейцев-эмигрантов проживало в России и Китае, среди них было много антияпонски настроенных элементов. Эти элементы активизировали свою деятельность на корейской границе, создали там свои организации, вели устную и письменную пропаганду и оказывали большое влияние на темные слои населения... Основной целью их было возрождение страны, ее суверенитета»¹⁹. В другом месте «Записки» мы читаем: «Они [партизаны] скрывались на территории русского приморья и действовали от реки Туманган до Владивостока... Они имели большое количество последователей среди корейцев, эмигрировавших в эти районы... Главари их проводили большую агитационную работу и создали тайные анти-японские общества. На средства, собранные среди членов этих обществ, производилась закупка оружия»²⁰.

Не случайно в северных районах Кореи, непосредственно примыкавших к русской границе, антияпонское движение приняло наиболее широкий размах и отличалось исключительным упорством. Это нельзя не связать с влиянием первой русской революции.

Однако руководившие движением народного сопротивления патриотически настроенные выходцы из дворянства, бывшие офицеры корейской королевской армии и другие представители эксплуататорских классов корейского общества боялись повторения крестьянской войны 1894—1895 гг. в Корее и стремились предотвратить слияние антиимпериалистической и антифеодальной борьбы в общий могучий поток. Таким образом, в национально-освободительном движении корейского народа еще сохранялись элементы феодально-монархического национализма, связанного с участием в этом движении части дворянства.

Еще более яркий отпечаток наложил феодально-монархический национализм на освободительную борьбу монгольского народа, поднявшегося под влиянием русской революции 1905—1907 гг. и китайской революции 1911 г. против гнета маньчжурской империи и невыносимой эксплуатации со стороны китайских ростовщиков, комрадоров, иностранных монополий. Подавляя антифеодальные выступления аратства (восстание Аюши и другие), монгольские светские и духовные феодалы в то же время возглавляли борьбу за независимость страны и фактически восстановили в 1912 г. в виде автономной Монголии свое феодально-теократическое государство под покровительством русского царизма.

В Афганистане влияние русской революции 1905—1907 гг. нашло свое отражение в движении младоафганцев, объединившем крайне узкий круг передовых представителей афганского купечества и получившего современное образование чиновничества и офицерства. Младоафганцы, выставившие требования независимости Афганистана и проведения

¹⁹ «Записка о подавлении восстания в Корее», стр. 179—180. Цитирую с согласия автора по неопубликованной работе Ф. Шабшиной «Влияние русской революции 1905—1907 гг. на национально-освободительное движение в Корее».

²⁰ Там же, стр. 145.

отдельных реформ, представляли небольшую группу людей, недовольных существовавшим режимом и господством англичан в стране. В 1907 г. полузаговорщическая организация младоафганцев была разгромлена эмирской властью, и они надолго прекратили свою деятельность.

* * *

В отличие от Китая, Ирана, Османской империи и других полукOLONиальных стран Азии, Индия была колонией, где непосредственно и безраздельно господствовал британский империализм. Если в полукOLONиальных странах сохранялись старые государственные формы и местные правители вроде турецкого султана, персидского шаха, маньчжурского богдыхана, то в Индии силам национально-освободительного и демократического движения открыто противостояла диктатура чужеземных оккупантов, их централизованный военно-бюрократический аппарат. Колониальное порабощение Индии и политическая власть, полностью сосредоточенная в руках империализма, дала английским монополиям возможность более всесторонне и глубоко подчинить себе экономику Индии.

В начале XX в. в национально-освободительном движении Индии отчетливо различались три течения. Первое — движение либеральной буржуазии и части помещиков, группировавшихся вокруг основанного в 1885 г. Национального конгресса. Их требования ограничивались отдельными реформами, а методами политической деятельности были протесты и петиции. Пассивную тактику оторванных от народа индийских либералов демократ Б. Г. Тилак иронически характеризовал тремя «П» — просить, протестовать, подлаживаться (к англичанам).

Второе течение, представленное мелкобуржуазными националистами, называвшими себя «крайними» в отличие от «умеренных», или либералов, выдвигало на первый план политическую борьбу, вплоть до применения насильственных средств для свержения британского господства над Индией. Поэтому второе течение пользовалось популярностью в народе. Однако никаких аграрных требований они не выдвигали, что свидетельствовало о тесной связи городской мелкой буржуазии с зажиточной верхушкой деревни²¹. Поднимая рабочих и крестьян на борьбу с империализмом, «крайние» в то же время стремились помешать росту классового самосознания трудящихся.

Религиозно-индустская окраска, которую «крайние» стремились придать национально-освободительному движению, мешала сближению индусов и мусульман на почве совместной антиимпериалистической борьбы, что ослабляло движение в целом. Слабость «крайних» также состояла в том, что они не имели собственной политической организации и выступали в составе Национального конгресса в качестве оппозиции. В то же время мелкобуржуазные националисты создали сеть просветительных организаций, спортивных обществ, располагали довольно многочисленной прессой, вели агитационную работу среди рабочих, крестьян и городских низов, используя каждый акт английского грабежа, произвола и беззакония, чтобы разъяснить массам гибельные последствия колониального порабощения страны.

Третье течение представляли трудящиеся массы Индии. Но антиимпериалистическая и антифеодальная борьба народных масс (прежде всего крестьянства) в начале XX в. сохраняла средневековые формы и носила характер стихийных выступлений. Этим, в значительной мере разобщенным силам национально-освободительного движения противо-

²¹ Имеется в виду социальная прослойка, которую Мао Цзэ-дун, применительно к Китаю, называл кулаками старого типа.

стоял сплоченный лагерь реакции (князья, помещики, компрадорская буржуазия) во главе с империализмом.

Подъем национально-освободительного движения в Индии начался под непосредственным влиянием русской революции 1905—1907 гг., после раздела Бенгалии. Наиболее массовый характер революционное движение приобрело в Бенгалии и Бомбее, т. е. в тех областях страны, где было сосредоточено приблизительно три четвертых общего числа промышленного пролетариата.

Особенностью национально-освободительного движения в Индии, по сравнению с предшествующим периодом, стала его массовость, его сознательный демократический характер.

Объединение сил антиимпериалистического лагеря, достигнутое на первом этапе революционного подъема в Индии, само по себе было большим шагом вперед по сравнению с прошлым и в то же самое время способствовало размежеванию общественных классов в ходе национально-освободительной борьбы. Общей платформой национально-освободительного движения становились требования воссоединения Бенгалии, сварадж (свое управление) и свадеши (свое производство), т. е. политическая и экономическая самостоятельность Индии. Содержание требований свараджа и свадеши не было одинаковым для различных общественных классов, принимавших участие в национально-освободительном движении. Либеральная буржуазия понимала сварадж как весьма ограниченное самоуправление в рамках Британской империи, а свадеши как меры таможенного протекционизма в интересах национальной фабричной промышленности.

Председатель Всеиндийского национального конгресса либерал Дадабхай Наороджи в своей президентской речи на калькутской сессии Конгресса в 1906 г., требуя сварадж для Индии, заявил: «Если русские крестьяне не только подготовлены к самоуправлению, но сумели вырвать его из рук величайшего самодержавия на земле, если Китай на востоке Азии и Персия на западе просыпаются, если Япония уже проснувшись, если Россия героически борется за свое освобождение, то как можем мы, якобы свободные граждане Индо-Британской империи, оставаться бесправными подданными деспотизма»²². Дадабхай Наороджи снабдил выставленное им требование свараджа для Индии весьма характерной для либерала оговоркой: «Никто не думает, я полагаю, что вся нынешняя государственная машина может быть неожиданно сломана, и те права, которые я определил в качестве самоуправления Индии, могут быть сразу введены». Таким образом, и в период революционного подъема либералы попрежнему оставались законопослушными и ограничились протестами, резолюциями и петициями. На участие в кампании бойкота английских товаров Национальный конгресс пошел лишь под давлением масс, сохраняя тревожные опасения, как бы эта кампания не переросла в революционную борьбу.

Рабочие и крестьяне еще не были в состоянии отчетливо формулировать собственные требования, но именно их участие в национально-освободительном движении придало ему широкий размах и революционный характер.

Как по вопросу о понимании свараджа (независимость или самоуправление в рамках Британской империи), так и по вопросу о методах его осуществления в рядах «крайних» не было единства. Более последовательные и решительные из числа мелкобуржуазных националистов, ушедшие в подполье под ударами репрессий английских властей (например,

члены организации «Анушилан Самити»), видели в вооруженном восстании главное средство свержения колониального режима и достижения независимости²³. Но мелкобуржуазные националисты представляли восстание результатом действий сравнительно немногочисленной группы тщательно законспирированных заговорщиков. И именно потому из подготовки вооруженного восстания подпольными организациями мелкобуржуазных националистов ни в Бенгалии, ни в других частях Индии ничего не получилось. Эти организации были разгромлены английской охранкой, а их уцелевшие группы все чаще стали прибегать к индивидуальному террору против английских бюрократов. Тилак, оставшийся на легальном положении, признавал насильственные формы антиимпериалистической борьбы, но считал, что условия для вооруженного восстания еще не созрели.

Большинство «крайних» не разделяло взглядов Тилака, а тем более взглядов работавших в подполье мелкобуржуазных националистов, и подобно либералам стояло за применение мирных и легальных средств борьбы. Изгнание в 1907 г. «крайних» во главе с Тилаком из Национального конгресса означало, что либеральная буржуазия отступила перед империализмом. Этот поворот был обусловлен ростом массового крестьянского революционного движения в Бенгалии, Мадрасе, крестьянским восстанием в Пенджабе, в ходе которого повстанцы захватили город Равалпинди, и началом забастовочной борьбы индийского пролетариата. В 1907 г. произошла политическая забастовка железнодорожников Пенджаба, отказавшихся перевозить английские войска, направленные на подавление восстания в Равалпинди. В том же 1907 г. бастовали рабочие Восточно-Бенгальской, железной дороги, рабочие железнодорожных мастерских и печатники Калькутты. Летом 1907 г. в Индии разразилась большая забастовка почтово-телеграфных служащих.

Отход от народа либеральной буржуазии, испугавшейся подъема революционного движения, облегчался политикой колониальных властей, обещавших провести некоторые реформы в интересах эксплуататорских классов Индии.

Одновременно колониальные власти предприняли жестокие репрессии против «крайних». Одним из первых был арестован Тилак. В июле 1908 г. он предстал перед верховным судом в Бомбее по обвинению «в попытках разжигания ненависти и неуважения к властям, недовольства против правительства и в поддержании чувства враждебности среди различных классов подданных его величества»²⁴. На суде Тилак держался гордо и мужественно, отстаивал право народов Индии бороться за свое освобождение теми же методами, которые применяли русские во время революции 1905—1907 гг.²⁵ Голосами семи присяжных-англичан против двух голосов присяжных-индийцев Тилак был осужден на шесть лет каторжных работ.

В ответ на этот чудовищный приговор «крайние» призвали население Бомбея выйти на улицы и принять участие в демонстрациях протеста. В движении протеста принимала участие и мелкая городская буржуазия, но решающая роль принадлежала бомбейскому рабочему классу. 23 июля в Бомбее началась всеобщая политическая забастовка, продолжавшаяся шесть дней, по числу лет, на которые был осужден Тилак. В ней участвовали текстильщики, железнодорожники, грузчики и рабочие городского транспорта общим числом свыше 100 тыс. человек. В ходе забастовки рабочие проявили большую классовую солидарность, стойкость и мужество. Полиция и войска неоднократно открывали огонь по заба-

²³ См. «Sedition committee report». Calcutta, 1918, p. 88.

²⁴ «Times of India weekly». Bombay, 28 июня, 1908 г.

²⁵ «Times», 22 июля 1908 г.

²² См. «The Indian National Congresses». Full text of all presidential addresses. Reprint of all Congress resolutions, 2ed. Madras, 1918, p. 840.

стовщикам. Рабочие сооружали баррикады, осыпали полицейских градом камней, проявили замечательную стойкость и умение использовать преимущества местности в уличных боях. Бомбейская политическая забастовка 23—29 июля 1908 г. была кульминационным пунктом революционного подъема 1905—1908 гг. в Индии и наиболее ярким проявлением влияния русской революции на национально-освободительное движение народов Индии.

Бомбейской политической забастовкой закончился революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии. Историческое значение этой забастовки заключалось в том, что на арену политической борьбы выступил индийский пролетариат.

* * *

Огромное влияние русской революции 1905—1907 гг. — первой народной революции эпохи империализма — на пробуждение Азии было закономерным следствием перемещения центра мирового революционного движения в Россию. Страны зарубежного Востока, превращенные в колонии и полукolonии империализма, подчиненные действию основного экономического закона монополистического капитализма, неминуемо оказались втянутыми и в мировое революционное движение, ибо весь ход исторического развития поставил перед ними великую задачу освобождения от колониального господства иностранных империалистов.

Буржуазные революции на Востоке в начале XX в. уже показали их неразрывную связь с мировым революционным движением. Эти революции нанесли первый удар по колониальной системе империализма, вывели на арену политической борьбы пролетариат, пробудили к политической жизни сотни миллионов колониальных рабов, впервые выступивших в качестве сознательных борцов за независимость и демократические права.

Азия пробудилась к новой жизни, и неоспоримое стремление ее народов к национальной независимости и социальному освобождению уже нельзя было остановить. И как показали дальнейшие события, опыт массовой борьбы против империализма и гнета феодальных пережитков в период первых буржуазных революций в Азии не прошел бесследно для народов колониальных и полуколониальных стран Востока, закалит и вооружил их к дальнейшей борьбе. Обобщая историческое значение революционной эпохи пробуждения Азии, В. И. Ленин указывал: «...никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»²⁶.

²⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 546.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕРАСТАНИИ РЕВОЛЮЦИИ

(НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕРАСТАНИИ
НОВОДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РЕВОЛЮЦИЮ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ)

ШУ ВЭНЬ¹

I

Теория перерастания демократической революции в революцию социалистическую является важной частью марксистско-ленинского учения. Товарищ Мао Цзэ-дун, соединив общие положения марксизма-ленинизма с практикой нашей революции, установил, что генеральная линия первого этапа китайской революции, представляющего собой новодемократическую революцию народных масс, руководимую пролетариатом, состоит в том, что эта революция направлена против империализма, феодализма и бюрократического капитала. Результатом победы новодемократической революции является создание не буржуазной республики, а создание народной республики, руководимой рабочим классом. Через эту народную республику будет совершен переход к социализму и коммунизму. После победы революции во всем Китае было снова четко определено, что генеральная линия второго этапа нашей революции, представляющего собой революцию социалистическую, состоит в постепенном осуществлении социалистической индустриализации страны и социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговле. Руководствуясь этими указаниями, мы победоносно завершили переход от новодемократической революции к революции социалистической и приступили к великому делу построения социализма.

Для того чтобы после победы революции демократической сразу же начался ее переход в революцию социалистическую, демократическую революцию должен возглавить пролетариат. На это еще указывал Ленин, и в России на этапе от Февральской до Октябрьской революции такой переход был осуществлен.

Русская демократическая революция 1905 г. и февраля 1917 г. происходили как раз в империалистическую стадию мирового капитализма, старая же Россия представляла собой государство военно-феодалного империализма. Либеральная буржуазия России хотела завершить революцию сделкой с царизмом, так как нуждалась в сохранении

¹ Статья Шу Вэня была опубликована в китайском журнале «Сюэси», 1954, № 12. Перевел Ю. Парфионович.

его власти для подавления революционных сил рабоче-крестьянских масс, которых она более всего боялась. Но силы пролетариата России окрепли. Русский пролетариат не только значительно вырос количественно и имел высокую степень концентрации, но и, восприняв опыт мирового рабочего движения и цельную научную теорию коммунизма, он обрел собственную политическую партию нового типа — коммунистическую партию, ставшую его руководителем. Вместе с тем старая Россия являлась средоточием различных противоречий империализма, вследствие чего создались более благоприятные условия для руководства со стороны пролетариата широкими крестьянскими массами и всеми национальностями России в осуществлении демократической революции. Именно в этих условиях Ленин поставил перед пролетариатом задачу стать вождем демократической революции, чтобы после завоевания победы в революции, опираясь на сознательность и организующую роль пролетариата, не допустить спада революционной ситуации и сразу же направить усилия на перерастание демократической революции в социалистическую. Согласно указаниям Ленина, гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции, осуществляемая в условиях союза пролетариата со всем крестьянством, должна перерасти в гегемонию пролетариата в социалистической революции, осуществляемую в условиях союза пролетариата со всеми эксплуатируемыми трудящимися массами. В ходе демократической революции пролетариат оттесняет класс буржуазии от руководства революцией, а руководство пролетариата крестьянством и другими эксплуатируемыми трудящимися массами является условием для перехода от демократической революции к революции социалистической.

Единственно правильные ленинские принципы стратегии пролетариата в демократической революции не оставили камня на камне от оппортунистической теории меньшевиков, которые хотели уступить буржуазии руководство в буржуазно-демократической революции и обрекали пролетариат длительное время терпеть господство буржуазии. Эти принципы легли в основу стратегии партии большевиков, результатом чего явилась победа буржуазно-демократической революции под руководством русского пролетариата, т. е. победа Февральской революции.

Однако недостаточно высокая степень сознательности и организованности российского пролетариата в то время и преобладание мелкобуржуазной стихийности привели к тому, что после Февральской революции пролетариат не смог сразу взять в свои руки всю власть в стране. После Февральской революции в течение короткого времени существовало двоевластие — власть буржуазии и власть советов рабоче-крестьянских и солдатских депутатов. Однако вскоре кончилось и двоевластие, так как вся власть была узурпирована буржуазией. Исходя из революционной ситуации и расстановки классовых сил в то время, Ленин в работе «О задачах пролетариата в данной революции» (известные «Апрельские тезисы») выдвинул план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, и, спустя всего несколько месяцев, под руководством партии большевиков совершилась победоносная Октябрьская революция. Пролетариат вырвал власть из рук буржуазии, осуществил переход от демократической революции к революции социалистической.

Условия в Китае отличались от условий в России того времени. Старый Китай был полуколониальным и полуфеодальным государством. Основным противоречием в Китае было противоречие между империализмом с его цепными псами — феодализмом и бюрократическим капиталом, с одной стороны, и китайским народом — с другой. Это и определило пер-

вый этап китайской революции как революцию новодемократическую, направленную против империализма, феодализма и бюрократического капитала. В ходе этой революции, кроме господства империализма, подлежали ликвидации только феодализм и бюрократический капитал, но не осуществлялась общая ликвидация капитализма, в чем и состоит резкое отличие от социалистической революции, целью которой является уничтожение капитализма. Исторический ход нашей революции делится на два этапа: первый этап — завершение демократической революции, второй этап — завершение социалистической революции.

Исторические особенности Китая обусловили то, что национальная буржуазия, хотя в какой-то мере и выступала за демократическую национальную революцию, однако она не имела сил возглавить эту революцию, и лишь только пролетариат был в состоянии возглавить демократическую революцию и добиться победы. К тому же, поскольку эта революция имела антиимпериалистическую направленность, она также стала союзником мировой пролетарской революции. В ходе революции пролетариат не только, в соответствии с марксистско-ленинской теорией и примером КПСС, сразу же создал пролетарскую партию нового типа — Китайскую коммунистическую партию, но и под руководством товарища Мао Цзэ-дуна правильно решил вопрос пролетарского руководства демократической революцией и крестьянским революционным движением, правильно решил вопрос о различии и связях двух этапов китайской революции, разбил оппортунистические теории правого и «левого» уклонов и дал правильное направление развитию китайской революции. В ходе длительной борьбы за демократическую революцию, за укрепление вооруженных сил народа и создание освобожденных районов пролетариат, руководя всеми революционными классами и особенно крестьянством, организовал мощные революционные силы. Завоевав победу в третьей гражданской революционной войне, т. е. победу в новодемократической революции, пролетариат стал осуществлять руководство народно-демократической властью во всей стране. Гегемония пролетариата в новодемократической революции обеспечила нашей стране возможность перехода от новодемократической революции к революции социалистической, и этот переход был ознаменован созданием государственной власти, руководимой рабочим классом.

Как сказано выше, экономические и политические условия старого Китая определили, что на первом этапе революции свергалось только господство империализма, феодализма и бюрократического капитала над китайским народом, но не могла ставиться задача общей ликвидации капитализма. Поэтому после победы революции капиталистическая экономика не только продолжала существовать, но, вследствие устранения таких препятствий, как империализм, феодализм и бюрократический капитал, она даже получала известное развитие. Это является неизбежным результатом демократической революции в экономически отсталом Китае. Хотя экономика старого Китая была отсталой, и к моменту победы революции продукция всей современной промышленности составляла только около 17% в общей продукции промышленности и сельского хозяйства, однако эта современная промышленность отличалась крайне высокой степенью концентрации; основной и наиболее крупный капитал был сосредоточен в руках империалистов и их прихвостня — бюрократической буржуазии. Бюрократический капитал являлся компрадорским, феодальным, государственно-монополистическим капиталом, концентрировавшим огромные средства от 10 до 20 млрд. ам. долл. и монополизировавшим важнейшие отрасли народного хозяйства страны. В результате победы новодемократической революции бюрократический ка-

питал был конфискован в собственность народного государства, т. е. превратился в социалистический сектор народного хозяйства, способный возглавить экономику всей страны. Опираясь на демократическую диктатуру народа и социалистический сектор экономики, к тому же имея благоприятную международную обстановку, в том числе такой важный фактор, как помощь Советского Союза, можно постепенно реорганизовать частнокапиталистическое хозяйство и индивидуальное сельское хозяйство, а также кустарное производство с тем, чтобы завершить построение социалистического общества в нашей стране.

История и практика китайской революции подтверждают, что в нашей стране полностью существовали все условия для перерастания демократической революции в революцию социалистическую, анализ которых был дан еще Лениным и Сталиным. Товарищ Мао Цзэ-дун, исходя из обстановки в Китае, еще более конкретно и четко определил условия, при которых возможно перерастание новодемократической революции в революцию социалистическую.

В своей работе «Китайская революция и коммунистическая партия Китая» товарищ Мао Цзэ-дун, анализируя результаты новодемократической революции, писал: «В целом же результатом китайской революции будет, с одной стороны, развитие капиталистических элементов, а с другой — развитие социалистических элементов. Что же это за социалистические элементы? Это — повышение удельного веса пролетариата и коммунистической партии в политической жизни страны. Это — или уже имеющее место, или возможное в будущем признание крестьянством, интеллигенцией и городской мелкой буржуазией руководящей роли пролетариата и коммунистической партии; это — государственное хозяйство демократической республики и кооперативное хозяйство трудового населения. Таковы будут социалистические элементы. Если еще принять во внимание благоприятную международную обстановку, то нужно считать в высшей степени вероятным, что в конечном результате буржуазно-демократической революции Китай избежит капиталистического пути развития и пойдет по социалистическому пути»².

Товарищ Мао Цзэ-дун также указывал: «Демократическая революция является необходимой подготовкой к социалистической революции, а социалистическая революция — неизбежным направлением развития демократической революции»³, «... из двух фаз революции первая подготавливает условия для второй, ... эти фазы должны смыкаться и нельзя допустить, чтобы между ними вклинился этап буржуазной диктатуры...»⁴. В работе «Борьба за вовлечение многомиллионных масс в единый анти-японский национальный фронт» также указывалось, что демократическая революция должна держать курс на перерастание в социалистическую, и что условие для такого перерастания состоит в переходе от перевеса сил буржуазии к перевесу сил пролетариата в ходе длительного процесса демократической революции и борьбы за гегемонию пролетариата, в результате деятельности коммунистической партии по повышению сознательности и организованности пролетариата, по повышению сознательности и организованности крестьянства и городской мелкой буржуазии. Здесь также конкретно указывается на возможность бескровного перерастания. «Мы хотим перерастания без пролития крови и должны усиленно бороться за это; результат же будет зависеть от силы народных масс»⁵.

² Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, стр. 179.

³ Там же, стр. 180.

⁴ Там же, стр. 235.

⁵ Там же, т. 1. М., 1952, стр. 496.

Обстановка и все условия для перехода от демократической революции к революции социалистической сложились в результате победы новодемократической революции. Наша страна, полностью используя эти условия в своем развитии, осуществила такой переход.

Переход китайской демократической революции после ее победы сразу же в революцию социалистическую, так же как и переход демократической революции в России того времени сразу же в революцию социалистическую, являются примерами «непрерывной революции», руководимой пролетариатом. Однако в России пролетариат хотя и возглавил демократическую революцию, не смог после Февральской революции сразу же взять всю власть в свои руки, поэтому он совершил вторую, Октябрьскую революцию, вырвал власть из рук буржуазии и в ходе штурма буржуазии экспроприировал ее собственности, осуществив социалистическую революцию. После Октябрьской социалистической революции Россия, пройдя через этап напа, осуществив социалистическую индустриализацию страны, ликвидировав остатки капитализма в городе и деревне, завершила социалистическую реорганизацию сельского хозяйства и построила социалистическое общество. Результатом победы новодемократической революции в Китае явилось немедленное создание народно-демократической власти, руководимой рабочим классом и основанной на союзе рабочих и крестьян. Этим и была обеспечена возможность осуществить второй этап нашей революции не путем свержения существующей власти и создания новой, а путем постепенного развития социалистических элементов и постепенной реорганизации несоциалистических элементов при руководстве сверху уже созданной народно-демократической властью и при непосредственной поддержке снизу широкими народными массами и, в первую очередь, основными массами рабочих и крестьян. Таким образом, период социалистической революции в Китае есть период социалистических преобразований, период социалистического строительства. После победы демократической революции наша страна вступила в исторический период перехода к социализму, Россия же после победы Февральской революции еще должна была пройти через Октябрьскую революцию и только после этого могла вступить в исторический период перехода к социализму. Таких явлений, какие были в нашей стране, до сих пор в истории не возникало.

II

Конечно, и до изучения генеральной линии партии в переходный период у нас не было сомнений в том, что после победы новодемократической революции наша страна неизбежно пойдет по социалистическому пути развития. Однако, каким образом в конкретных условиях Китая переходить от революции новодемократической к революции социалистической, сразу ли после победы новодемократической революции приступить к социалистическим преобразованиям и строительству, сразу ли начинать социалистическую индустриализацию страны и социалистические преобразования несоциалистических секторов — по всем этим вопросам часть людей (в том числе и автор статьи) имели в той или иной степени смутные представления. Здесь в основном отсутствовало ясное понимание, каким образом после победы демократической революции создать экономические условия для построения социалистического общества, а также, какую позицию занять по отношению к капиталистическому и мелко-варному хозяйству. В общих чертах эти смутные представления сводились к следующему: так как после победы демократической революции

Китай попрежнему являлся экономически отсталой, аграрной страной, причем некоторые вопросы предыдущего этапа революции (этапа демократической революции) остались нерешенными (например, земельная реформа) и продолжали разрешаться после установления народно-демократической власти, поэтому считалось, что между новодемократической революцией и революцией социалистической неизбежно существует довольно длительный промежуточный период, считалось, что в этот промежуточный период, хотя и имеют место противоречия между капиталистическим и социалистическим секторами, однако в основном капитализм и мелкотоварное хозяйство еще могут свободно развиваться. Считалось, что, только пройдя такой этап, можно начать социалистическую революцию с задачей ликвидации капиталистического сектора и преобразования мелкотоварного хозяйства. Мы знаем, что подобные ошибочные представления, существовавшие в той или иной степени у части людей, уже оказали вредное влияние на практическую работу.

Самая главная причина, почему могли возникнуть эти ошибочные представления, заключается в отсутствии правильного понимания вышеприведенных указаний товарища Мао Цзэ-дуня о результатах полной победы новодемократической революции и об экономических и политических особенностях переходного периода, начавшегося после победы революции в нашей стране. Установленное анализом товарища Мао Цзэ-дуня одновременное существование и развитие капиталистических и социалистических элементов после победы новодемократической революции, а также условий, дающих возможность осуществления социалистического развития, являются главным исходным пунктом для постановки вопроса о необходимости немедленного перехода после новодемократической революции к революции социалистической, т. е. к социалистическим преобразованиям. Поскольку после победы новодемократической революции имеются капиталистические и социалистические элементы, каждый из этих элементов стремится к своему развитию. Вместе с тем в Китае значительный удельный вес занимает мелкотоварное хозяйство, которое ежедневно, ежедневно рождает капитализм и является основой его существования. При стихийном развитии мелкотоварное хозяйство выступает рука об руку с капитализмом против социализма, однако имеется также возможность провести социалистическую реорганизацию мелкотоварного хозяйства под руководством социалистических элементов, что сузит позиции капитализма. Это показывает, что основным противоречием нашего общества после победы новодемократической революции является противоречие между капитализмом и социализмом. И поскольку мы ставим своей целью добиваться осуществления социалистических перспектив, то возможен только курс на развитие социализма и победу его над капитализмом. Из положений, данных в анализе товарища Мао Цзэ-дуня, необходимо вытекает идея о немедленном переходе после победы новодемократической революции к революции социалистической, т. е. к социалистическим преобразованиям, опираясь на существующую уже власть, руководимую рабочим классом.

Мы знаем, что в решениях второго пленума ЦК КПК седьмого созыва, проходившего в марте 1949 г., т. е. за несколько месяцев до полной победы революции, уже была глубоко проанализирована экономическая и политическая обстановка, которая сложится после победы революции, был выдвинут четкий курс на «превращение из страны аграрной в страну индустриальную, превращение новодемократического государства в государство социалистическое» после победы революции. В решении указывалось, что основным противоречием в стране после победы рево-

люции является противоречие между пролетариатом и буржуазией, указывалось на руководящее место социалистического сектора, а также выдвигался курс на использование активности частного капитала города и деревни и ограничение капитализма, а ограничение и сопротивление ограничению являются основными формами классовой борьбы внутри демократического государства. Вместе с тем в решении выдвигался курс на использование таких форм, как госкапитализм и кооперирование сельского хозяйства и кустарной промышленности. В решении критиковались как недооценка отсталости нашей экономики, так и недооценка руководящей роли пролетариата и руководящей роли социалистического сектора, критиковались как ошибочные также и мнения о ненужности ограничения капитализма, и мнения о возможности очень быстрой его ликвидации. Основное направление государственного строительства, установленное решением второго пленума, впоследствии было развито в генеральную линию партии в переходный период, т. е. генеральную линию осуществления социалистической революции — социалистических преобразований.

Часть людей, стоявшая на той точке зрения, что от победы новодемократической революции и до социалистической революции существует промежуточный период, недооценивая опасности стихийного развития как капитализма города и деревни, так и мелкотоварного хозяйства, считала этот период якобы неизбежным для нашей экономически отсталой страны, что якобы, не пройдя этого периода, невозможно перейти к социалистической революции, невозможно построить экономическую базу социалистического общества. Нет сомнения, что такие представления целиком ошибочны.

Сейчас, возвращаясь к этому вопросу, мы можем сравнительно легко разобратся в нем. Во-первых, все уклады многоукладной экономики, существующей в нашем новодемократическом обществе, конечно, развивались в течение этих нескольких лет, но социалистический уклад в процессе развития производства доказал свои несравнимые преимущества. Госкапиталистический и кооперативный секторы, являющиеся результатом первичных социалистических преобразований, также более отвечают требованиям развития общественного производства, чем частнокапиталистический сектор, мелкотоварный сектор сельского хозяйства и кустарное производство. Поэтому в ходе государственного строительства необходимо в первую очередь развивать социалистический сектор и вместе с этим активно развивать секторы, имеющие социалистические элементы.

Во-вторых, в настоящее время еще необходимо допускать существование и известное развитие капиталистического сектора и мелкотоварного хозяйства, однако для ускорения развития производительных сил общества и чтобы быть на уровне требований развития социалистической промышленности, необходима постепенная реорганизация капиталистического сектора и мелкотоварного хозяйства. Наконец, — и это самое важное: за истекшие годы после земельной реформы в ходе развития сельского хозяйства, особенно в ходе работы по централизованным заготовкам продовольственных культур и другой основной сельскохозяйственной продукции, а также в ходе развития промышленности и торговли в городах за истекшие несколько лет, особенно в ходе движения «Уфань»⁶, мы поняли, что

⁶ Уфань — массовое движение «против пяти зол», начавшееся в 1952 г. и направленное против той части буржуазии, которая нарушала законы республики: давала взятки должностным лицам, уклонялась от уплаты налогов, расхищала государственное имущество, недобросовестно выполняла государственные заказы и занималась хищением экономической информации из государственных учреждений для использования ее в целях спекуляции.

Отсюда название Уфань: У — пять, фань — против. (Прим. ред.).

социализм и капитализм ведут между собой борьбу. В этой борьбе либо социализм победит капитализм, и в конечном счете это приведет к построению социалистического общества, либо капитализм победит социализм, что в конечном счете сорвет социалистическое строительство в целом и приведет к утрате всех завоеваний новодемократической революции. Среднего пути здесь нет. Поэтому целиком ошибочным является мнение, что между победой новодемократической революции и революцией социалистической может существовать промежуточный период. Есть единственно правильный путь: после победы новодемократической революции рабочий класс, опираясь на находящиеся у него в руках государственную власть и основные командные высоты в народном хозяйстве, сразу же приступает к социалистической индустриализации и социалистическим преобразованиям несоциалистических секторов, т. е. немедленно начинает этап социалистических преобразований — этап социалистической революции.

Исключительно сложная обстановка периода восстановления народного хозяйства вызвала у нас и некоторую идеологическую путаницу. За три года восстановительного периода в Китае, с одной стороны, продолжалось завершение демократических реформ. Так, в деревне надо было в первую очередь разрешить противоречие между феодализмом и демократией, т. е. завершить земельную реформу. С другой стороны, одновременно с этим уже началось проведение социалистических преобразований, например, превращение принадлежавших бюрократическому капиталу предприятий в предприятия социалистические, учреждение социалистического госбанка, создание социалистической государственной и кооперативной торговли, а также проведение начальных мероприятий по преобразованию частнокапиталистического сектора в сектор госкапитализма. Вместе с тем в деревне, кроме основной задачи завершения земельной реформы, также непосредственно приступили к социалистическим преобразованиям — развитию взаимопомощи и кооперирования. За три года восстановительного периода продукция промышленности и сельского хозяйства в основном достигла уровня, имевшегося перед антияпонской войной. В абсолютных цифрах продукция промышленности и сельского хозяйства, социалистических и капиталистических предприятий количественно выросла, но вместе с тем произошла качественная перестройка, появились новые пропорции. Так, с 1949 по 1952 г. удельный вес современной промышленности в общей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства увеличился с 17 до 28%; удельный вес социалистической государственной промышленности в валовой продукции всей промышленности увеличился с 34 до 51%, а удельный вес кооперативной и госкапиталистической промышленности с 3 до 9%, удельный же вес капиталистической промышленности упал с 63 до 40%. К 1952 г. доля государственной и кооперативной торговли в общем товарообороте на внутреннем рынке составила более 50%. К концу 1953 г. число крестьянских дворов, входящих во временные и постоянные бригады взаимопомощи, а также сельскохозяйственные производственные кооперативы, составило 43% от общего числа крестьянских дворов; в том числе свыше 273 тыс. крестьянских дворов уже вошло в более чем 14 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов⁷. Очевидно, что без этих качественных изменений, без роста социалистического сектора и укрепления его руководящей роли в народном хозяйстве в целом, а также без

проведения правильной хозяйственной политики во всех областях невозможно было бы в такой короткий срок, как три года, залечить военные раны, нанесенные более чем за десять лет со времени антияпонской войны, и выполнить задачу восстановления уровня производства. Также невозможно было бы заложить фундамент для начавшихся с 1953 г. планового экономического строительства и систематической реорганизации несоциалистических секторов. Поэтому восстановительный период, хотя и явился неизбежным подготовительным этапом для того, чтобы начать осуществление пятилетнего плана строительства, однако, это было не простое восстановление производственного уровня промышленности и сельского хозяйства, а восстановление народного хозяйства в целом в условиях проведения курса на первоочередное развитие социалистического сектора.

Однако являющийся для нас специфическим факт отсталости нашей экономики не мог не породить ряда особенностей на втором этапе революции, а именно: с одной стороны, конечная цель этого этапа заключается в необходимости полного уничтожения капиталистического сектора в городе и деревне и построении в нашей стране социалистического общества, где будут уничтожены эксплуатация и нищета. Эта задача одинакова с задачами социалистической революции во всех государствах. С другой стороны, вследствие отсталости нашей экономики социалистическая система хозяйства не может сразу же после победы новодемократической революции включить в себя все отрасли экономики и требует длительного периода для формирования, развития и совершенствования социалистической системы хозяйства. Широко распространенное единоличное сельское хозяйство и кустарное производство нуждаются в относительно длительном времени для их реорганизации. Капиталистическая торговля и промышленность продолжают существовать, составляя довольно большой удельный вес в народном хозяйстве, и в течение известного времени также необходимо использовать их активность, выгодную для дела народного благосостояния; вместе с тем постепенно ограничивать и преобразовывать этот сектор до полной ликвидации его. И в этом моменте обстановка у нас также оказывается отличной от обстановки в относительно развитых странах, где рабочий класс взял власть. Если, исходя из экономической отсталости Китая, считать возможным разрешить капитализму и мелкотоварному хозяйству стихийно развиваться после победы новодемократической революции и отрицать необходимость немедленного перехода к социалистической революции, то возникнет правый уклон. Наоборот, если исходить из того, что наша страна немедленно должна перейти к социалистическому этапу революции и делать на основании этого вывод о необходимости немедленной ликвидации всего капиталистического сектора и мелкотоварного хозяйства, то возникнет «левый» уклон. В решениях второго пленума ЦК седьмого созыва, а также в указаниях товарища Мао Цзэ-дуна о генеральной линии партии в переходный период особо подчеркивается необходимость быть бдительным на любой работе и преодолевать как правые, так и «левые» ошибки.

⁷ Как сообщала «Жэньминьжибао» 10 марта 1955 г., к февралю 1955 г. в КНР насчитывалось 600 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов, которые объединяют 15 млн. крестьянских дворов, что равняется 13% всех дворов. (Прим. ред.)

В. И. ЛЕНИН ОБ АНГЛИЙСКОМ ГОСПОДСТВЕ В ИНДИИ

Э. И. КОМАРОВ

Созданная великим вождем трудящихся всего мира В. И. Лениным Коммунистическая партия Советского Союза всегда последовательно отстаивала право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование. Коммунисты во главе с В. И. Лениным решительно поддерживали демократическое национально-освободительное движение угнетенных народов, подчеркивая его глубоко справедливый характер, неустанно разоблачали колониальную политику империализма. В. И. Ленин боролся против всяких попыток оправдать существование колониального режима, откуда бы они ни исходили; он клеймил позором оппортунистов из II Интернационала, которые, рассуждая о «положительной социалистической колониальной политике», на деле поддерживали империализм. В 1911 г. В. И. Ленин писал: «... ревизионисты давно твердят, что-де колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, а потому «обличать его в жадности и жестокости» никчемно, ибо «без этих свойств» капитал как «без рук»¹.

Вскрывая реакционный характер и грабительскую сущность колониальной системы империализма, изучая развитие национально-освободительного движения, В. И. Ленин неоднократно обращался к положению в колониальной Индии. Высказывания В. И. Ленина об Индии проникнуты глубокой симпатией к индийскому народу, поднимавшемуся на борьбу за свободу и демократию. В то же время В. И. Ленин со всей силой своего огромного публицистического таланта гневно обрушивался на английских поработителей Индии, разоблачал установленный ими жесточайший режим эксплуатации, национального гнета и террора против освободительного движения.

В 1900—1901 гг. в «Искре» В. И. Ленин писал, что история колониального господства европейских держав в странах Востока — это история кровавых захватнических войн, беспощадного грабежа и восстаний доведенного до отчаяния населения поработенных ими стран. В качестве одного из примеров он приводил положение в Индии и народное восстание индийцев против английских поработителей в 1857—1859 гг. «Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью, — писал В. И. Ленин, — очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которую отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 384.

войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами»².

На основе изучения фактов В. И. Ленин дал общую характеристику английского колониального режима и положения народных масс Индии. В 1908 г. В. И. Ленин писал: «Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете — за исключением, конечно, России — такой нищеты масс, хронической голодовки населения»³. В другом месте В. И. Ленин, образно характеризуя гнет колониальной эксплуатации, писал, что в Индии «...задавлено триста миллионов человек английских батраков...»⁴.

В трудах В. И. Ленина, наряду с общей характеристикой колониального ограбления Индии и его губительных последствий для индийского народа, содержатся также указания на основные методы колониальной эксплуатации страны английскими поработителями.

В цитированной выше статье, опубликованной в «Искре» в 1900 г., В. И. Ленин указывал на эксплуатацию колоний в качестве рынка сбыта для капиталистической промышленности метрополии. Индия раньше других колониальных и зависимых стран Азии стала в широком масштабе подвергаться колониальной эксплуатации в интересах промышленного капитала, что обусловило и более раннее развитие связей Индии с мировым капиталистическим рынком. В этом отношении важное значение для изучения экономической истории Востока имеет замечание В. И. Ленина о том, что широкое вовлечение большинства стран Азии в мировую капиталистическую торговлю совершилось лишь в конце XIX в., тогда как до тех пор только Индия да небольшая часть окраины Азии была тесно связана с мировым рынком.

Характеризуя дальнейшее развитие колониальной эксплуатации в эпоху империализма, В. И. Ленин показал, что наряду с сохранением «старых» методов и «мотивов» ограбления слабых, отсталых стран, при монополистическом капитализме на первый план выдвигается и становится типичным вывоз капитала; огромное значение приобретает погоня империалистов за источниками сырья, борьба между империалистическими державами за «сферы влияния» и за «хозяйственную территорию вообще»⁵. Перечисляя крупнейшие страны Азии, которые «подвергаются эксплуатации финансового капитала» империалистических держав, В. И. Ленин на первое место ставит Индию.

Методы колониальной эксплуатации, свойственные эпохе империализма, получили в Британской Индии наиболее полное, многостороннее, а также и наиболее раннее развитие. В своем анализе исторического развития финансового капитала В. И. Ленин отмечал, что в Англии две важные отличительные черты империализма существовали уже с середины XIX в., а именно — громадные колониальные владения и монопольное положение на мировом рынке. Изучение советскими индологами конкретного исторического материала в свете этого положения В. И. Ленина приводит к выводу, что важнейшая английская колония — Индия еще во второй половине XIX в. становилась объектом империалистической

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 348.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 160—161.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 365.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 285.

эксплуатации. Уже в то время начался вывоз в Индию английского капитала и стремительно возрастал экспорт сырья из Индии.

В. И. Ленин указывал, что до наступления эпохи империализма колониальные страны втягивались только в обмен товаров, но еще не в само капиталистическое производство. «Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»⁶. Эксплуатация Индии империалистическими методами в какой-то мере подтолкнула развитие в ней капитализма. Во второй половине XIX в. в Индии возникла фабрично-заводская промышленность, начали формироваться индийский пролетариат и буржуазия. Вместе с тем империализм стремился подчинить развитие экономики Индии интересам колониальной эксплуатации и держать на привязи развивающуюся индийскую промышленность. Империализм давил, уродовал и задерживал экономическое развитие страны.

В. И. Ленин показал, что империалистическая буржуазия «поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое», что она поддерживает реакцию «...в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников-капиталистов»⁷. Ради сохранения эксплуатации Индии английский империализм консервировал феодальное землевладение, феодальные и полufeодальные методы эксплуатации крестьянства, сохранял на 1/3 территории страны так называемые туземные княжества — заповедники феодального деспотизма, поддерживал кастовое неравенство и другие феодальные пережитки в области социальных отношений.

Английский империализм всеми мерами стремился задержать рост тех отраслей индийской промышленности, развитие которых могло бы подорвать экономическую зависимость Индии от империалистической Англии. «Англия душит промышленность страны», — писал В. И. Ленин⁸.

В трудах В. И. Ленина охарактеризована «система английского управления Индией», т. е. те методы, при помощи которых английский империализм удерживал свое господство над поработанной страной.

На примере английских колониальных порядков в Индии В. И. Ленин разоблачал «либерализм» английской буржуазии и показывал подлинную цену той «самой высшей школы конституционализма», которую проходили ее политические деятели. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что управление англичан в Индии являлось чисто диктаторским, авторитарным⁹. В Индии «...почти 300 миллионов населения отданы на грабеж и насилия английской бюрократии...»¹⁰.

Это была хитрая, прекрасно вышколенная бюрократия, на содержание которой английская буржуазия не скупилась в деньгах, отнимая эти средства у индийского народа. «Гражданское ведомство в Индии», — отмечал В. И. Ленин, — около 1000 человек, штаб превосходно оплачиваемых превосходных чиновников»¹¹. В замечаниях В. И. Ленина по брошюре Вегенера «Современная Индия» (1912) содержится разоблачение коварных маневров, к которым английские колонизаторы прибегали в целях сохранения своего господства в Индии. «Англичане господствуют

посредством политики «разделяй и властвуй»...», — писал В. И. Ленин. «Бенгальцев» = 70 миллионов. Раздел Бенгалии англичанами (чтобы ослабить движение национальное) в 1905 г.»¹². Английские колонизаторы в 1905 г. разделили Бенгалию на две административные единицы. В одной из двух вновь созданных провинций большинство населения составили бенгальцы-мусульмане, а в другой — бенгальцы-индусы. Путем раздела Бенгалии, а также ряда предпринятых в связи с ним мер английские колонизаторы стремились разжечь в Бенгалии религиозную рознь и ослабить национальное движение. Движение протеста против раздела Бенгалии явилось началом общего подъема национально-освободительного движения в Индии в 1905—1908 гг.

Накануне первой мировой войны английские империалисты перед лицом военной угрозы своим владениям в Индии и под давлением национально-освободительного движения были вынуждены пойти на некоторые уступки. В. И. Ленин отмечал: «В 1911 г. (коронование в Дели) — обещано *отменить* эту меру»¹³, т. е. раздел Бенгалии.

Разоблачая политические маневры колонизаторов, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что колониальный государственный аппарат осуществлял прямое насилие над народом; «...англичане вооружены здесь «до зубов»»¹⁴.

Однако английские колонизаторы не могли не браться собственной колониальной армией, в значительной своей части состоявшей из завербованных ими индийцев. «Главная опасность восстания сипаев (1857), — писал В. И. Ленин, — переход туземной армии к повстанцам»¹⁵. После этого крупнейшего антианглийского восстания в Индии колонизаторы приняли все меры для того, чтобы изолировать армию от влияния освободительной борьбы народа, посеять среди солдат национальную и религиозную рознь. Подчеркивая «архиосторожность» англичан в отношении к своей колониальной армии, В. И. Ленин отмечал, что туземные войска рекрутировались из разных племен, что «(артиллерию и арсеналы англичане... дают только белым войскам.)»¹⁶. Эту специально подобранную, вымуштрованную и одурманенную армию английские колонизаторы использовали не только для подавления индийского народа, но также бросали ее на защиту своих империалистических интересов за пределами Индии. Английские империалисты неоднократно по своему произволу втягивали Индию в войну, ни в малейшей степени не считаясь с мнением индийского народа. В. И. Ленин писал, что во время первой мировой войны Англия тащила полки из Индии, чтобы сражаться против немцев. Франция призвала под ружье миллионы негров, чтобы сражаться против немцев. Из них составлялись ударные группы, их бросали в самые опасные места, где пулеметы косили их, как траву»¹⁷.

В заметке «Культурные европейцы и дикие азиаты», опубликованной в «Правде» в 1913 г., В. И. Ленин показал, что английский колониальный суд в Индии оправдывал любое насилие расправлявшегося колонизатора над индийцами.

В. И. Ленин разоблачал жандармские порядки, установленные в Индии колонизаторами, террор и зверские репрессии английской империа-

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 323.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 77.

⁸ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 444.

⁹ См. там же.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 147.

¹¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 444.

¹² В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 443.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 444.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 364—365.

либеральной буржуазии против национально-освободительного движения. «Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, — писал В. И. Ленин в 1908 г., — все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия... Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли ¹⁸ (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до сечения политических протестантов!... влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубовным говорят об «агитаторах», нарушающих покой Индии, и приветствуют чисто-русские, племенные, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов» ¹⁹.

В. И. Ленин горячо приветствовал пробуждение индийского народа к политической жизни, к сознательной борьбе за свое национальное и социальное освобождение. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию, — писал В. И. Ленин в «Правде» в 1913 г. — Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застои, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» ²⁰. В Индии это была борьба за самостоятельность — национальную независимость, как отмечал В. И. Ленин.

В. И. Ленин призывал силы подлинной демократии во всем мире оказать решительную поддержку борьбе угнетенных народов Азии, а также давал отповедь империалистическим клеветникам, которые стремились дискредитировать революционное движение народов Востока.

В. И. Ленин разоблачал жестокие преследования, которым английские колонизаторы подвергали индийскую демократическую печать и ее деятелей, активно выступавших против английского господства и призывавших народ к решительной борьбе за свободу Индии. «Но за своих писателей и политических вождей, — отмечал В. И. Ленин, — начинает заступаться в Индии улица» ²¹.

В. И. Ленин гневно заклеил судебную расправу над крупнейшим представителем индийского национально-освободительного движения Б. Г. Тилаком, который решительно боролся против английского колониального гнета, за республику в Индии. Осуждение Тилака английским колониальным судом в 1908 г. вызвало всеобщую стачку бомбейского пролетариата. Стачка продолжалась шесть дней, по числу лет заключения в приговоре Тилаку. В ней приняли участие десятки тысяч бомбейских рабочих, а также ремесленники и торговцы. На улицах Бомбея происходили многотысячные демонстрации, стычки с полицией и войсками. Это был кульминационный пункт подъема национально-освободительного движения в Индии в 1905—1908 гг.

В связи с этими событиями В. И. Ленин писал: «Подлый приговор

¹⁸ В то время министр по делам Индии.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 159—161.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 161.

английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak); — он осужден на пожизненную ссылку, причем запрос, сделанный на днях английской палате общин; выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее» ²².

В. И. Ленин определил ведущую силу индийского национально-освободительного движения и его будущие успехи еще в ту пору, когда это движение лишь начинало выходить на историческую арену. В. И. Ленин пришел к выводу, что вступление индийского пролетариата в политическую борьбу предопределяет крушение английского господства в Индии. «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — писал В. И. Ленин в 1908 г., — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!» ²³.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции национально-освободительная борьба народных масс в странах Востока, и в том числе в Индии, поднялась на новую ступень. Начался кризис колониальной системы империализма. «Империалистическая война 1914—1918 годов и Советская власть в России, — писал В. И. Ленин, — окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма» ²⁴.

Подъем национально-освободительного движения в Индии в 1919—1922 гг. отличался прежде всего широким вовлечением в борьбу народных масс — пролетариата и крестьянства — в большинстве районов страны. В своем послании Индийской революционной ассоциации (1920 г.) В. И. Ленин говорил о «пробуждении индийского рабочего и крестьянина» и приветствовал «сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу». В. И. Ленин обращал внимание на необходимость тесного союза индусов и мусульман в освободительной борьбе и выражал надежду на то, что союз «мусульманских и немусульманских элементов» распространится среди «всех трудящихся Востока». Послание заканчивалось призывом: «Да здравствует свободная Азия!» ²⁵.

В 1921 г. В. И. Ленин вновь подчеркнул историческую роль индийского пролетариата в борьбе за освобождение Индии от колониального гнета, а также отметил более высокий в то время уровень национально-освободительного движения в Индии, чем в других странах Азии. «Британская Индия, — писал тогда В. И. Ленин, — стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар) ²⁶, и к публичным поркам и т. п.» ²⁷.

В одной из своих последних статей В. И. Ленин подчеркивал международное значение индийского национально-освободительного движения в борьбе против империализма. «Исход борьбы зависит, в конечном

²² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 161.

²³ Там же.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 430.

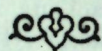
²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 116.

²⁶ Речь идет о расстреле массового митинга в г. Амритсар (Пенджаб) в апреле 1919 г. В результате этой зверской расправы английских колонизаторов с безоружными людьми было убито несколько сот человек и намного больше ранено.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 430—431.

счете, от того, — писал он в 1923 г., — что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»²⁸.

Более тридцати лет назад великий Ленин с гениальным предвидением показал обреченность колониальной системы империализма. Одним из важных проявлений распада этой системы в наши дни является провозглашение в Индии республики и вступление Индии на путь суверенного развития, что стало возможным в результате длительной и упорной освободительной борьбы индийского народа, в результате огромного роста демократических сил во всем мире.

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ТРУДОВОЙ ПАРТИИ КОРЕИ В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. Ф. КИМ

В великом возрождении народов колониального Востока, составляющем важнейшую черту нашего времени, видное место занимает борьба корейского народа за создание объединенной, независимой и демократической Кореи. Эта борьба отражает огромные перемены, происшедшие на Востоке после Великой Октябрьской социалистической революции, показывает, что сегодняшний Восток — могучий фактор борьбы с империалистической агрессией. В результате разгрома империалистической Японии, благодаря мужественной борьбе народных масс Кореи было создано народно-демократическое государство — Корейская Народно-Демократическая Республика. Развитие КНДР служит ярким примером жизнеспособности и устойчивости народно-демократического государства и общественного строя.

Период создания и дальнейшего упрочения Корейской Народно-Демократической Республики насыщен важными событиями. Одним из них является трехлетняя героическая борьба корейского народа против объединенных сил империалистических интервентов, возглавляемых США. Корейский народ с честью выдержал тяжчайшие испытания войны, совместно с китайскими народными добровольцами нанес сильный удар агрессорам, расстроил их планы.

В данной статье мы касаемся лишь событий довоенного периода (1945—1950 гг.), во время которого происходило создание и укрепление корейского народно-демократического государства. Успехи корейского народа в борьбе с внешними и внутренними врагами, в демократическом строительстве обусловлены прежде всего тем, что во главе патриотических сил страны стала закаленная в боях, вооруженная великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина Трудовая партия Кореи.

* * *

Август 1945 г. — памятная дата в истории Кореи. Советская Армия, разгромив части японской Квантунской армии, принесла освобождение корейскому народу.

«Если бы Советская Армия не освободила Кореи, — говорит Ким Ир Сен, — то не могла бы существовать Корейская Народно-Демократическая Республика и не могло бы так победоносно развиваться наше национально-освободительное движение»¹.

¹ Ким Ир Сен. Таны квонокхварыль вихаё (За укрепление партии). Пхеньян, 1951, стр. 341—342.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 458.

С ликвидацией японского колониального режима была уничтожена главная опора корейской реакции, главная сила, в течение длительного времени противостоявшая коалиции демократических сил Кореи, руководимых рабочим классом. Освобождение страны вызвало широкую политическую активность народных масс Кореи. Руководителем народных масс выступил рабочий класс и его партия, прошедшие суровую школу борьбы за освобождение родины.

Выдвижение коммунистов Кореи в качестве руководящей силы народа является закономерным явлением. Коммунистическая партия Кореи была создана в апреле 1925 г. В чрезвычайно тяжелых условиях японского колониального господства она выступила организатором национально-освободительной борьбы. Японские колонизаторы обрушились жестокими репрессиями на молодую Коммунистическую партию Кореи. Многочисленные аресты руководящего состава привели к ослаблению партии. Этим воспользовались неустойчивые элементы из мелкобуржуазной интеллигенции. В партии началась фракционная борьба, и в 1928 г. компартия Кореи как организованная сила перестала существовать.

Однако стойкие коммунисты продолжали борьбу и оставались в авангарде национально-освободительного движения народа, которое в тридцатые годы получило новый размах и поднялось до уровня открытой вооруженной борьбы.

В последующие годы была создана монолитная коммунистическая организация Кореи. В мае 1935 г. по инициативе этой коммунистической организации возник единый антиимпериалистический фронт — Общество возрождения родины (Чжгоук кванбокхве), — объединивший все патриотические организации корейского народа². Под непосредственным руководством корейских коммунистов велась вооруженная борьба корейского народа, продолжавшаяся до освобождения страны.

Коммунисты стойко и самоотверженно боролись против японских колонизаторов, за свободу своей родины. Корейские патриоты вели вооруженную борьбу как на территории Кореи, так и на территории Северо-Восточного Китая. В Китае корейские партизаны вели борьбу против японских поработителей в тесном боевом содружестве с Китайской Народно-революционной армией. Эта совместная борьба заложила прочный фундамент дружбы между китайским и корейским народами. В августе 1945 г. партизанская армия, основной костяк которой составляли коммунисты, мужественно сражавшаяся на полях Маньчжурии и Кореи, вернулась на родину. Эта часть корейских коммунистов, накопившая богатейший опыт руководства народными массами, совместно с коммунистами, работавшими в глубоком подполье в стране, встала во главе борьбы народных масс. «Коммунистическая партия, — отмечает Ким Ир Сен, — является самой патриотической партией, которая в период жестокого гнета японского империализма и глубокого национального бедствия, не жалея сил, крови и жизни, боролась за честь нации, и ее члены с оружием в руках организовали блестящее антияпонское движение за свою родину, за свой народ»³.

Воссозданная в 1945 г. Коммунистическая партия Кореи выдвинула четкую программу народно-демократической революции, основным стратегическим лозунгом которой стало создание в Кореи народно-демократической республики. Свою тактику Коммунистическая партия

² В Общество возрождения родины вошли такие патриотические организации, как Антиимпериалистический союз, Антияпонское общество, Крестьянский союз, Крестьянские отряды самообороны, женские, юношеские и другие массовые организации.

³ Ким Ир Сен. Указ. соч., стр. 70.

Кореи строила на основе трезвой оценки соотношения классовых сил в стране.

Ведущей силой революционного лагеря в Кореи был рабочий класс. Известно, что крупное военно-промышленное строительство, развернутое японскими колонизаторами в Кореи в годы подготовки второй мировой войны, привело в значительному росту численности рабочего класса. К 1945 г. корейский пролетариат насчитывал в своих рядах более 2 млн. человек, в том числе более 600 тыс. фабрично-заводских рабочих. В Кореи за эти годы особенно быстро рос фабрично-заводской пролетариат, самое революционное ядро рабочего класса.

Одновременно с количественным ростом происходил процесс концентрации рабочих на крупных предприятиях. Такие крупнейшие промышленные предприятия, как Хыннамский химический комбинат, Чхонжинский, Сенчжинский металлургические комбинаты и другие насчитывали тысячи и десятки тысяч рабочих.

Количественно выросший, политически окрепший пролетариат Кореи выступал самой активной силой национально-освободительного движения в Кореи, его руководящим ядром. Основным союзником рабочего класса в этом движении было корейское крестьянство. Известно, что основную массу населения Кореи составляло крестьянство. Сельское хозяйство Кореи в период японского колониального господства имело большой удельный вес в экономике страны. По данным корейской статистики доля сельского хозяйства вместе с лесным и морским промыслами составляла более 55% продукции всего народного хозяйства⁴. В 1945 г. в сельском хозяйстве Кореи было занято 66,2% всего самостоятельного населения страны. Посевная площадь Кореи в годы второй мировой войны составляла примерно 4 509 тыс. чонбо⁵ земли, из которых 1 769 тыс. чонбо занимали поливные поля⁶.

В руках помещиков находилось более 60% лучших поливных земель, занятых под посев риса, и более половины суходольных полей. Помещичьи хозяйства, составляющие лишь 3,3% всех хозяйств (100 536 хозяйств), владели более 2 775 тыс. чонбо земли. На долю 96% крестьянских хозяйств (около 3 млн. хозяйств) приходилось всего 37,8% или 1 640 тыс. чонбо посевных площадей⁷. Почти вся помещичья земля сдавалась крестьянам в аренду на кабальных условиях. Более 70% крестьян Кореи были либо полуарендаторами, имеющими ничтожные земельные наделы, либо арендаторами.

Крестьянство Кореи, особенно арендаторы и полуарендаторы, подвергавшееся чудовищной эксплуатации со стороны местных помещиков и колонизаторов, решительно требовало демократических преобразований в стране.

Кроме рабочего класса и крестьянства, составляющих основу единого антиимпериалистического фронта, в лагере революционных сил находились прогрессивная интеллигенция и значительная часть городской мелкой и средней буржуазии. Все эти социальные слои корейского народа выступали против империализма и феодализма на основе общности интересов в борьбе за национальную независимость.

Лагерь внутренней реакции в Кореи составляли крупная буржуазия и помещики. Особенностью колониальной Кореи было то, что корейская

⁴ См. «Чосон чунан пёнгам» (Корейский центральный ежегодник). Пхеньян, 1950, стр. 267.

⁵ 1 чонбо = 0,99 га.

⁶ См. «Чосон кёпчжэ пёнгам» (Корейский экономический ежегодник), ч. 1. Сеул, 1948, стр. 27.

⁷ См. «Чосон чунан пёнгам», 1950, стр. 270.

крупная буржуазия была крайне слаба в экономическом и политическом отношении. О степени экономической слабости корейской буржуазии свидетельствуют, например, такие факты: в важнейших отраслях промышленности, а именно, в химической, газовой, электрической, составляющих половину всего объема промышленности, вовсе не был представлен корейский национальный капитал. Доля корейского акционерного капитала в различных отраслях промышленности, по данным на 1940 г., не превышала 6%^а. Корейская крупная буржуазия блокировалась с японскими империалистами. Вышедшая главным образом из недр помещичьего класса она была тесно связана с феодальным землевладением, многие из ее представителей часто являлись и крупными помещиками.

Вступление американских войск в Южную Корею в сентябре 1945 г. внесло изменение в расстановку классовых сил, ибо южнокорейская реакция стала получать большую поддержку со стороны американских империалистов. Американская армия с первых дней пребывания в Южной Корее встала на путь жестокого подавления демократических сил.

Американские империалисты поставили своей целью задушить народную революцию в Корее. Демократическим силам страны предстояло вести самую решительную борьбу не только против внутренней реакции, но и главным образом против американских колонизаторов.

Коммунистическая партия Кореи, исходя из своеобразной политической обстановки, сложившейся в стране в результате американской оккупации Южной Кореи, решила создать Коммунистическую партию Северной Кореи отдельно от Коммунистической партии Южной Кореи.

В октябре 1945 г. создается Руководящий комитет Коммунистической партии Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном. При создании Коммунистической партии Северной Кореи были выдвинуты следующие основные задачи: 1. Для создания народно-демократической республики привлечь все патриотические и демократические силы страны через Единый демократический национальный фронт. 2. В области демократизации страны вести беспощадную борьбу за ликвидацию прояпонских элементов и других национальных предателей. 3. Для создания Временного демократического правительства опираться на органы народной власти — народные комитеты. Вести быстрыми темпами восстановительную работу, улучшить жизнь трудящихся. Создать базу строительства независимого демократического государства. 4. Укреплять партию и объединять вокруг партии все слои населения, для чего вести необходимую работу по созданию и укреплению массовых демократических организаций^б.

Зональное разделение Коммунистической партии Кореи было продиктовано самой обстановкой, ибо в двух частях страны сложились совершенно различные условия развития народно-демократической революции: полная свобода волеизъявления в Северной Корее и жестокий военно-полицейский террор в Южной Корее.

Коммунистическая партия Северной Кореи считала своей важной задачей борьбу за создание и укрепление демократической базы в северной части Кореи. Перед народными массами Южной Кореи стояла задача борьбы против колонизаторской политики американских империалистов. Эта борьба слилась с борьбой народных масс Северной Кореи и составила единый поток народно-демократической революции в Корее. Базой этой революции могла стать и действительно стала северная часть Кореи —

^а См. «Чосон чунан нёнгам», 1949, стр. 182.

^б См. Ким Ир Сен. Указ. соч., стр. 38—39.

главный промышленный район страны с крупными рабочими центрами — Пхеньяном, Хынамом, Вонсаном и другими.

Известно, что Северная Корея уже в 30-х годах была ареной ожесточенной национально-освободительной борьбы, в ходе которой складывались славные революционные традиции корейского народа. Из среды передовых рабочих, крестьян и интеллигенции ковались тогда стойкие революционные кадры. Именно в Северной Корее произошло наиболее четкое классовое размежевание, сплачивались демократические силы. Таким образом, в ходе длительной антияпонской борьбы Северная Корея стала оплотом демократических сил всей страны. Создание Коммунистической партии Северной Кореи имело решающее значение в успешном развитии народно-демократической революции в Корее.

* * *

Зональное разделение партии и выдвижение задачи строительства демократической базы в Северной Корее происходили в условиях острой борьбы в самой партии. В первый период после освобождения страны, в обстановке мощного подъема демократического движения в партию проникло много случайных, а подчас и чуждых элементов. Вражеские элементы, пробравшиеся в партию, выступали против ее зонального разделения, прикрываясь демагогическими лозунгами «единства партии».

В конце декабря 1945 г. был созван III расширенный пленум ЦК Коммунистической партии Северной Кореи, принявший по докладу Ким Ир Сена решение, направленное на ликвидацию фракционных и сектантских элементов в партии и на решительное улучшение работы с массами.

Для того чтобы привлечь широчайшие народные массы, нужно было конкретизировать программные задачи революции. В качестве основных задач программой были предусмотрены: ликвидация последствий японского империалистического господства, решительная борьба с антидемократическими элементами и революционное разрешение земельного вопроса; национализация крупных промышленных предприятий, основных средств транспорта, банков и средств связи; демократизация общественного строя и предоставление трудящимся широких прав в экономическом, политическом и культурном строительстве.

С первых дней революции партия взяла курс на создание и укрепление массовых организаций трудящихся. При этом ставились задачи через массовые организации приобщить трудящихся к активной политической жизни страны, мобилизовать творческую энергию масс и направить ее на решение важнейших революционных задач.

В Северной Корее сразу же после освобождения были легализованы профессиональные союзы, создаваемые по отраслевому принципу. Уже 30 ноября 1945 г. 13 отраслевых профсоюзов образовали Объединение профсоюзов Северной Кореи, охватившее более 130 тыс. членов.

Верным помощником коммунистической партии явился Союз демократической молодежи, созданный в январе 1946 г. на базе Коммунистического союза молодежи.

Наиболее передовая часть трудящихся женщин Северной Кореи объединилась в Демократический женский союз.

Огромную помощь коммунистической партии в деле проведения ее аграрной политики, в деле консолидации крестьянских масс оказывал Крестьянский союз Северной Кореи, объединивший к концу 1945 г. более 800 тыс. членов.

Эти демократические организации были основными каналами, через которые партия оказывала свое влияние на широкие массы трудящихся. К 1946 г. массовые организации Северной Кореи объединили в своих рядах более 3 750 тыс. членов.

Большое значение придавала Коммунистическая партия Кореи единому фронту. Многолетний опыт антияпонской борьбы корейского народа и опыт китайской народной революции наглядно подтверждали его необходимость.

Единый фронт был нужен как организация, объединяющая все демократические и патриотические силы страны, поскольку массовые общественные организации не охватывали всех тех, кто мог принять активное участие в демократическом строительстве.

Фактически единый фронт был создан в конце 1945 г. Его организационное закрепление произошло несколько позже — в июне 1946 г. В единый фронт (он именовался Единым демократическим национальным фронтом Северной Кореи. — Г. К.), кроме коммунистической партии, вошли новая народная партия (синминдан), представлявшая интересы трудового крестьянства и прогрессивной интеллигенции, демократическая партия (минчжудан), представляющая интересы мелкой и средней буржуазии и партия Ченудан, состоящая преимущественно из зажиточных крестьян, находящихся под влиянием религиозной секты «Чендогио». В единый фронт вошли также многочисленные демократические общественные организации. В результате под руководством рабочего класса была создана широкая демократическая коалиция, объединяющая в своих рядах более 5 млн. членов.

Народные комитеты, созданные по инициативе народных масс после разгрома японских империалистов и ликвидации органов японской колониальной администрации, в своей практической деятельности стали опираться на единый фронт.

8 февраля 1946 г. по предложению коммунистической партии на совещании представителей политических партий и народных комитетов был создан Временный народный комитет Северной Кореи (ВНКСК) в качестве временного высшего органа власти в стране во главе с Ким Ир Сеном.

Создание ВНКСК было важным этапом в развитии демократического движения в Северной Корее, так как это означало создание стройной системы органов народной власти снизу доверху и завершение подготовки к проведению демократических преобразований.

Под руководством коммунистической партии в Северной Корее в короткие сроки были осуществлены такие важнейшие революционные преобразования, раскрепостившие трудовое крестьянство, как земельная реформа, осуществленная путем ликвидации помещичьего землевладения и передачи безземельным и малоземельным крестьянским хозяйствам около 1 млн. га земли, а также национализация важнейших промышленных предприятий, транспорта, средств связи и банков, в результате которой в стране был создан крупный обобществленный государственный сектор, охватывающий почти 80% всего объема промышленного производства. Кроме того, было провозглашено равноправие женщин, введено демократическое трудовое законодательство и т. д. В результате этих преобразований влияние партии в массах резко возросло.

Особенно важно отметить, что в процессе революционных преобразований произошло дальнейшее упрочение союза рабочего класса с трудовым крестьянством и интеллигенцией. Коммунистическая партия, учитывая интересы всего корейского народа, с целью дальнейшего расширения социальной базы партии, сочла возможным пойти на объединение с новой

народной партией, программные положения которой по многим важнейшим принципиальным вопросам совпадали с программными положениями коммунистов.

«Поэтому встал вопрос, — пишет Ким Ир Сен, — об объединении коммунистической партии, представляющей рабочий класс, и новой народной партии, представляющей интересы крестьянства и интеллигенции»¹⁰.

В конце августа 1946 г. состоялся учредительный съезд Трудовой партии Северной Кореи. Объединение коммунистической партии с новой народной партией произошло на принципах марксизма-ленинизма. Особенно большое значение для Трудовой партии Кореи, как и для всех коммунистических и рабочих партий мира, представляет богатейший опыт Коммунистической партии Советского Союза. «Наша партия, — говорит Ким Ир Сен, — считает марксистско-ленинское учение своей теоретической основой, а боевой опыт большевистской партии — путеводителем в своей практической работе»¹¹.

Оставаясь партией рабочего класса, трудовая партия расширила сферу своего непосредственного влияния путем более широкого вовлечения в свои ряды наиболее передовых представителей трудового крестьянства и интеллигенции. Отражая коренные интересы корейского народа, трудовая партия приняла программу-минимум народно-демократической революции. В этой программе партия поставила своей основной целью «строительство сильного независимого демократического государства»¹². Для достижения этой стратегической цели трудовая партия наметила следующие основные задачи.

1. В области экономики страны: добиться осуществления в общенациональном масштабе земельной реформы, одновременно закрепляя достижения земельных преобразований Северной Кореи; национализировать все промышленные предприятия, принадлежавшие японским империалистам и национальным предателям; ввести восьмичасовой рабочий день для рабочих и служащих, систему социального страхования; ликвидировать антинародную налоговую систему, действовавшую в годы японского господства, и ввести новую справедливую систему налогов.

2. В политической и культурной областях: всю полноту власти в стране передать народным комитетам как единственно правомочным органам народной власти; предоставить всем гражданам, достигшим двадцатилетнего возраста, независимо от пола, вероисповедания, образования и имущественного положения, право избирать и быть избранным; обеспечить всем гражданам свободу слова, собраний, демонстраций и организаций; обеспечить женщинам равные с мужчинами права в экономической и политической жизни; ликвидировать остатки японской идеологии в системе школьного воспитания путем осуществления реформы народного образования, предоставить всем гражданам право на образование; ввести систему обязательной воинской повинности и создать национальную армию; установить дружественные отношения со всеми миролюбивыми странами и народами.

Программа трудовой партии, отражая насущные задачи народно-демократической революции, полностью соответствовала интересам демократических сил страны. Ким Ир Сен указывает, что трудовая партия

¹⁰ Ким Ир Сен. Указ. соч., стр. 53.

¹¹ Там же.

¹² «Нодонтаны канрёккна кююк» (Программа и устав Трудовой партии Кореи). Спец. выпуск. Пхеньян, 1952, стр. 3, § 1.

«есть боевая революционная марксистско-ленинская партия нового типа — авангард трудового народа, ядром которого является рабочий класс»¹³.

Трудовая партия в основу своего организационного строения положила ленинский принцип демократического централизма. Этот принцип, предусматривающий выборность всех руководящих органов партии снизу доверху, периодическую отчетность партийных органов перед соответствующими партийными организациями, строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству, обязательность решений вышестоящих партийных органов для низовых, позволяет трудовой партии стать передовым, боевым, единодействующим и организованным отрядом рабочего класса и успешно руководить борьбой всего народа¹⁴.

Принцип демократического централизма, закрепленный в уставе трудовой партии, предусматривает широкую внутрипартийную демократию, имеющую своей целью максимально развивать самостоятельность, активность и сознательность партийных масс. Ярким проявлением внутрипартийной демократии в трудовой партии является коллегиальность руководства, которая позволяет партии при решении сложных задач опираться на коллективный опыт членов партии.

Внутрипартийная демократия является основой для широкого развертывания критики и самокритики. Трудовая партия при этом руководствуется необходимостью смело вскрывать и преодолевать ошибки и недостатки, что воспитывает и закаляет членов партии.

Учредительный съезд, принявший новую программу и устав, сыграл большую роль в дальнейшем развитии трудовой партии. Партия, объединив в своих рядах лучших представителей рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции, быстро становится массовой.

В результате улучшения идеологической и партийно-организационной работы, а также работы с массовыми организациями к 1948 г. значительно выросли ряды партии. Если к моменту объединения в обеих партиях насчитывалось 366 тыс. членов, то к 1 января 1948 г. их число достигло 750 тыс.¹⁵

При этом партия пополнялась главным образом за счет передовых рабочих и представителей беднейшего крестьянства. Так, например, накануне объединения в обеих партиях (коммунистической и народной) было 73 тыс. рабочих и 105 тыс. представителей беднейшего крестьянства, а к январю 1948 г. их число соответственно выросло до 143 и 374 тыс.¹⁶

Трудовая партия обращает серьезное внимание на работу низовых партийных организаций. К концу 1947 г. было создано около 28 тыс. партийных ячеек, что в два с лишним раза превышает их число до объединения¹⁷.

Вооруженная новой программой, Трудовая партия Северной Кореи развернула кипучую работу в области демократического строительства. В начале 1947 г. по ее инициативе впервые в истории Кореи был составлен и принят народнохозяйственный план на 1947 г., а затем план на 1948 г.

К 1948 г. народные массы Северной Кореи добились огромных успехов в экономическом и культурном строительстве. Была создана прочная база для демократического развития страны: политическая основа для

¹³ «Нодон синмун», 11 ноября 1951 г.

¹⁴ См. «Нодонтанга напрынхва нюнун», стр. 8—10.

¹⁵ См. *Ким Ир Сен. Уста. соч.*, стр. 182.

¹⁶ См. там же, стр. 183.

¹⁷ См. там же, стр. 184.

создания народно-демократического государства (народные комитеты) и экономическая основа, возникшая и укрепившаяся в результате проведения демократических преобразований в области экономики и успешного выполнения народнохозяйственных планов 1947 и 1948 гг. В этом историческая заслуга Трудовой партии Северной Кореи, объединившей все демократические силы страны и направившей их на строительство единого независимого демократического государства.

* * *

Совершенно иная обстановка сложилась в Южной Кореи в результате американской оккупации. Коммунистическая партия Южной Кореи на первом этапе борьбы против американского империализма ставила своей основной задачей объединение сил, способных оказать действительное сопротивление колонизаторам. Очень важную роль в консолидации демократических сил Южной Кореи сыграли проведенные коммунистической партией кампании по широкому разъяснению сущности решений Московского совещания о Кореи¹⁸.

В январе 1946 г. Коммунистическая партия Южной Кореи организовала по всей стране митинги и демонстрации и поддержку решений Московского совещания о Кореи. Грандиозный митинг состоялся 3 января 1946 г. в Сеуле. На этом митинге присутствовало более 300 тыс. человек.

Американские империалисты проводили политику жестокого подавления демократических сил и совместно с южнокорейской реакцией всячески пытались сорвать выполнение решений Московского совещания. В этих условиях нужна была консолидация всех патристических сил, нужен был единый антиимпериалистический фронт. Коммунистическая партия пользовалась влиянием среди рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции и среди патристически настроенной части национальной буржуазии. Это подготовило основу для создания Единого демократического фронта Южной Кореи.

В феврале 1946 г. по инициативе и под руководством коммунистической партии был создан единый антиимпериалистический фронт Южной Кореи, причем его программной основой стала платформа народно-демократической революции, выдвинутой корейскими коммунистами.

Создание единого фронта, включившего все демократически и патристически партии и общественные организации, было большой победой рабочего класса и его революционной партии.

Первой крупной битвой, которую южнокорейские трудящиеся под руководством коммунистов дали американским оккупантам и их агентуре на лагери южнокорейской реакции, было октябрьское народное выступление в 1946 г. Это движение охватило самые различные слои трудового населения Южной Кореи. Оно происходило в тот период, когда на севере страны осуществлялись основные демократические преобразования. Поэтому в числе важнейших требований южнокорейских трудящихся было требование немедленного проведения демократических преобразований: земельной реформы, демократизации органов власти и т. п. В ходе этого движения еще более возросло влияние рабочего класса на другие слои южнокорейских трудящихся и проведение всего на крестьянство. Конкретным выражением крепящего союза рабо-

¹⁸ В декабре 1945 г. Московское совещание министров иностранных дел приняло по предложению СССР разноречивое решение о Кореи, в целях скорейшего создания единого независимого демократического государства, предусматривавшее образование временного демократического правительства с участием представителей демократических партий и общественных организаций страны.

чего класса с крестьянством явилось создание Трудовой партии Южной Кореи. Решение о создании на широкой социальной основе партии рабочего класса было принято еще до октябрьского народного движения. В ходе борьбы рабочий класс руководил крестьянскими выступлениями, в результате возросло влияние рабочего класса, усилилась его руководящая роль, и уже в ноябре 1946 г. по инициативе коммунистической партии произошло слияние трех важнейших южнокорейских партий, представлявших интересы трудового населения Южной Кореи. Коммунистическая партия объединилась с Народной и с Новой народной партиями Южной Кореи¹⁹. А это означало, что партия рабочего класса приобрела более широкую социальную базу. В Трудовую партию Южной Кореи были включены лучшие представители рабочего класса, трудового крестьянства и прогрессивной интеллигенции. Слияние партий произошло на принципах марксизма-ленинизма.

Создание Трудовой партии Южной Кореи было крупной победой рабочего класса и делом укрепления его единства и его союза с крестьянством. В ходе народно-демократической революции борьба южнокорейских трудящихся за свое национальное освобождение прошла ряд этапов. На каждом этапе трудовая партия в связи с общей обстановкой выдвигала конкретные лозунги, применяла соответствующие методы борьбы.

Трудовая партия понимала, что в обстановку тягчайшего террора, проводимого лисымановской кликой с помощью американских вооруженных сил, необходимы самые различные формы борьбы, вплоть до организации высшей формы борьбы — партизанского движения. После октябрьских событий 1946 г. в различных частях Южной Кореи на базе разветвляющегося массового движения стали создаваться партизанские отряды, руководимые членами трудовой партии.

Однако на первом этапе партизанская борьба еще не являлась основной формой борьбы, не приняла массового характера. Это и понятно, ведь для организации широкой партизанской борьбы нужно было провести огромную подготовительную работу. Поэтому на первом этапе основной формой борьбы южнокорейских трудящихся стали массовые выступления: забастовки, стачки, митинги и демонстрации. Организаторами и самими боевыми участниками таких выступлений были южнокорейские рабочие, руководимые трудовой партией.

Новый этап освободительной борьбы южнокорейских трудящихся начался в 1948 г., когда американские империалисты, стремясь превратить Южную Корею в свой военный плацдарм, встали на путь закрепления существующего раскола страны. С этой целью они, прикрываясь флагом ООН, начали в Южной Корее подготовку «выборов» в так называемое Национальное собрание. Корейский народ решительно выступил против колонизаторских действий США. Массовые митинги, демонстрации, забастовки охватили все уголки Южной Кореи. В ряде мест поднялись вооруженные восстания против оккупантов и южнокорейской клики. Наиболее крупное восстание произошло на острове Чжечжу. К этому восстанию примкнули и расположенные на острове гарнизоны южнокорейской армии. Вооруженная борьба рабочих, крестьян и войск на острове Чжечжу открыла новую страницу в истории освободительной борьбы южнокорейских трудящихся, она положила начало этапу вооруженной партизанской борьбы народных масс Южной Кореи.

Во главе вооруженных партизанских отрядов становятся лучшие сыны корейского народа — члены трудовой партии. К концу 1948 г. партизанским движением было охвачено 77 уездов Южной Кореи. Активные боевые

¹⁹ Объединенная партия стала именоваться Трудовой партией Южной Кореи.

операции партизан развинулись по всем восьми провинциям Южной Кореи. Особенностью этого этапа было появление первых освобожденных районов Южной Кореи, где создавались органы народной власти. Эти районы становились базой для дальнейшего развертывания партизанской борьбы.

Таким образом, к 1948 г. были созданы необходимые условия для образования Корейской Народно-Демократической Республики. На севере страны под руководством трудовой партии была создана экономическая и политическая база независимости и единства страны. На юге страны рабочий класс и его революционная партия сплотили вокруг себя демократические и патристические силы, развернувшие мужественную вооруженную борьбу против внутренней и внешней реакции.

Борьба народных масс Северной и Южной Кореи под руководством трудовой партии составляет единое развитие корейской народно-демократической революции, которая привела к образованию Корейской Народно-Демократической Республики.

* *

Огромное значение в деле дальнейшего сплочения всех патристических сил страны имел II съезд Трудовой партии Северной Кореи (март 1948 г.), намечивший конкретные шаги для создания Корейской Народно-Демократической Республики.

Съезд считал необходимым созвать в апреле 1948 г. совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, и на этом совещании выработать конкретные меры в связи с готовящимися в Южной Корее фальсифицированными выборами.

По решению этого совещания трудовая партия возглавила кампанию все-народного бойкота инспирированных американскими колонизаторами сепаратных «выборов» на юге страны, которые должны были состояться 10 мая 1948 г. В результате кампании бойкота эти «выборы» провалились, избиратели отказались в них участвовать, что, однако, не помешало американским властям и «комиссии ООН по Корее» нагло заявить об «успешном исходе выборов». Было сколочено марионеточное правительство Южной Кореи во главе с Ли Сын Маном и тем самым закреплено существующее разобщение страны.

Июньское совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи решило создать единый законодательный орган и правительство, которые бы возглавили борьбу народных масс за единство. 25 августа 1948 г. в Корее были проведены всеобщие выборы, вылившиеся в яркую демонстрацию непреклонной решимости всего корейского народа отстоять свою национальную независимость. Даже в Южной Корее, где царил режим жестокого террора, в голосовании, происходившем в условиях подполья, участвовало 77,5% избирателей, не говоря уже о Северной Корее, где в голосовании участвовали все избиратели.

В результате этих выборов была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, было образовано центральное правительство республики во главе с руководителем трудовой партии Ким Ир Сеном. КНДР объединила под своим знаменем все демократические и патристические силы обеих частей страны, намного усилив фронт, противостоящий американским колонизаторам.

Важнейшей задачей, стоявшей перед КНДР, была решительная борьба против американских империалистов за единство и независимость

родины. Политика трудовой партии после провозглашения КНДР была направлена, с одной стороны, на укрепление демократической базы республики и, с другой стороны, на организацию борьбы за объединение страны на мирной и демократической основе. На этом этапе раздельное существование трудовой партии в обеих частях страны не могло уже способствовать успешному решению поставленных задач. Поэтому в августе 1948 г. было принято решение о создании единой трудовой партии.

В июне 1949 г. одновременно с объединением демократических сил обеих частей страны, путем создания общенационального Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ), произошло объединение трудовых партий Северной и Южной Кореи. На Объединительном пленуме ЦК была создана единая Трудовая партия Кореи. В том же месяце учредительный съезд ЕДОФ, по предложению Трудовой партии Кореи, вынес решение о мирном объединении родины.

Своевременность этого решения была очевидна, если учесть, что, потерпев поражение в Китае, американские империалисты в этот период приступили к форсированной подготовке агрессии в Корею, для чего в спешном порядке обучали и вооружали марионеточную южнокорейскую армию, которая должна была вступить в бой по сигналу Вашингтонских хозяев.

Основным в программе мирного объединения страны было требование вывода американских войск из Южной Кореи и предоставления корейскому народу права самому решить вопрос объединения родины.

Однако огромные усилия корейского народа на пути к мирному объединению родины не увенчались успехом. Американские империалисты и их наемная банда — клика Ли Сын Мана 25 июня 1950 г. порочно напали на Северную Корею и в течение трех с лишним лет неистовствовали на полях Кореи, стремясь реализовать свои захватнические планы. На борьбу против американских агрессоров выступил единый фронт демократических сил во главе с Трудовой партией Кореи.

* * *

Кровопролитная война, навязанная американскими агрессорами и кликой Ли Сын Ман, потребовала от трудовой партии решительных мер по организации всенародного сопротивления агрессии. В условиях развертывания всенародной борьбы за свободу и независимость своей родины партия главным образом уделяла вопросам укрепления связи с массами, что потребовало, прежде всего, идейно-организационного сплочения ее рядов. Поэтому на пленумах ЦК трудовой партии Кореи, происходивших во время войны, в центре внимания неизменно стояли вопросы идейно-организационного укрепления партии и укрепления единого фронта.

Корея в течение длительного времени была колонией иностранных империалистов. Поэтому в ее социально-экономической жизни были сильны пережитки феодализма, а основную массу населения составляло крестьянство. IV пленум ЦК подверг острой критике тех руководителей партийных организаций, которые недооценивали эти обстоятельства и допускали ошибки в организационной работе. Отдельные руководители партийных органов препятствовали вступлению в партию представителей трудового крестьянства под предлогом усиления прослойки рабочих. Некоторые партийные работники подменяли воспитание членов партии администрированием, недооценивая того факта, что многие вступили в ряды тру-

довой партии в дни освободительной войны и, следовательно, нуждались в терпеливой воспитательной работе.

Серьезное внимание было обращено на выдвижение и расстановку кадров. Здесь основное ало заключалось в том, что зачастую кадры перемещались без достаточных на то оснований. Так, в ряде провинциальных комитетов в дни войны наблюдалась большая текучесть инструкторских кадров.

В годы войны в результате высокой бдительности членов партии была разоблачена и обезврежена шпионско-диверсионная группа Пак Хон Ена — Ли Сын Ена, которая, пробравшись в руководящие органы трудовой партии и правительства, развращала подрывную деятельность. Очищение партии от вражеских элементов сыграло огромную роль в деле ее идейно-организационного укрепления.

Трудовая партия, руководствуясь решениями III и IV пленумов, решительно улучшила свою организационную работу. В партию были привлечены лучшие представители рабочих, крестьян и интеллигенции, доказавшие в тяжелых условиях войны свою беспредельную преданность родине и народу. В дни войны в партию вступило более 450 тыс. новых членов. Трудовая партия к концу 1952 г. имела около 49 тыс. первичных партийных организаций и насчитывала в своих рядах один миллион членов. При этом значительно улучшился социальный состав партии. Ее ряды пополнились рабочими и крестьянами-бедняками. Социальный состав трудовой партии к этому времени был следующим: рабочие составляли 21 %, крестьяне-бедняки — 57,9 %, служащие — 16,6 %, крестьяне-середняки — 3,5 %, прочее — 1%²⁰.

Трудовая партия в период войны остро поставила вопрос о необходимости решительного улучшения работы партии по укреплению ЕДОФ.

«Политическое положение, сложившееся в нашей стране, — говорил Ким Ир Сен на IV пленуме ЦК, — требует широкого участия всех слоев населения во всенародной борьбе за быстрое завоевание независимости нашей родины, разгром и изгнание всех врагов с ее территории.

Вот почему вопрос о расширении и укреплении Единого демократического отечественного фронта, охватывающего сегодня самые широкие массы народа, является самым важным вопросом для нашей партии»²¹.

Трудовая партия решительно боролась против тех, кто недооценивал значения единого фронта. Дело в том, что некоторые члены трудовой партии высказывали неверную точку зрения о невозможности блока с такими патристическими партиями, как Ченудан и демократическая по той причине, что часть членов этих партий в период временной оккупации Северной Кореи сотрудничала с интервентами.

На самом деле роспуск ЕДОФ означал бы резкое сужение сферы влияния трудовой партии. Безусловно, что трудовая партия «не может принять в свои ряды всех тех, — отмечалось на IV пленуме ЦК, — кто желает, чтобы наша родина стала сильным демократическим независимым государством. Но мы не можем оставить на произвол судьбы те прогрессивные элементы, которые находят в нас нашей партии и не могут быть приняты в нашу партию. Мы должны привлечь их к работе в какой-либо организации, политически воспитывать их и идеологически закалить, и этим самым дать им возможность включиться в великое дело борьбы нашей родины за разгром врага»²².

Отсюда вытекает и настоятельная необходимость единой организации, охватывающей все демократические и патристические организации,

²⁰ См. «Нодон синмун», 22 ноября 1952 г.

²¹ «Нодон синмун», 11 ноября 1951 г.

²² Ким Ир Сен. Таша квонокхвариль вихай, стр. 360.

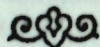
через которые можно проводить работу по разъяснению политики трудовой партии среди широких народных масс и по мобилизации их на осуществление этой политики. Трудовая партия Кореи укрепляла связи с патристическими партиями и общественными организациями, которые вошли в ЕДЮФ.

Благодаря этой неустанной работе трудовой партии было создано прочное единство народа, имевшее решающее значение в борьбе против агрессоров.

* * *

После прекращения войны корейский народ при бескорыстной братской помощи Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии с еще большей энергией борется за быстрое восстановление разрушенного войной хозяйства, тесно связывая эту задачу с проблемой объединения страны на мирной и демократической основе.

Как указывает Ким Ир Сен, Трудовая партия Кореи, следуя ленинскому учению, «...в послевоенное время поставила и осуществляет задачу строительства в КНДР основ социализма. Решающим условием этого является дальнейшее всемерное укрепление союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса и, на базе достигнутых успехов в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства, создание экономических предпосылок строительства социализма»²³.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИИ ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

И. И. ПОТЕХИН

Потери своих позиций в Китае, Индии и ряде других районов мира империалистические державы рассчитывали компенсировать путем усиления эксплуатации народов африканских колоний. Они продолжали рассматривать Африку как надежный колониальный резерв империализма. Английские империалисты заговорили о создании «третьей империи в Африке». «Африка является нашей великой надеждой, быть может, нашей последней надеждой», — писала в 1948 г. английская буржуазная газета «Дейли майл». «Все будущее стерлингового блока и его способность выжить, — говорил английский министр финансов Стаффорд Криппс 12 ноября 1947 г. — зависят, с моей точки зрения, от быстрого и широкого развития наших африканских ресурсов»¹.

Четыре основных фактора определяют послевоенное развитие Африки. Первый — рост активности иностранных империалистических монополий в африканских колониях и зависимых странах, выражающийся в создании новых горнопромышленных предприятий, в развитии крупного плантационного хозяйства, в усилении эксплуатации непосредственных производителей. Второй — усиление позиций капитала США и вызванное этим обострение противоречий между старыми империалистическими хозяевами африканских рынков сбыта и источников сырья, с одной стороны, и американскими монополиями, с другой. Третий — включение африканского континента в военные планы агрессивного Североатлантического блока, сопровождающееся строительством военных баз и стратегических путей сообщения, созданием новых колониальных армий для подавления национально-освободительного движения в Азии (как, например, посылка нескольких батальонов африканских солдат из Кении в Малайю). Четвертый — и главный фактор — активизация народных масс, и в первую очередь рабочего класса, в борьбе против империалистического режима угнетения и эксплуатации, за независимость, демократию и мир.

Расчеты империалистических держав на Африку как на свой надежный колониальный тыл не оправдались. Углубление кризиса колониальной системы распространилось и на Африку. Все послевоенное десятилетие характеризуется усилением антиимпериалистических сил и ослаблением позиций империализма. Лживость всех обещаний, которые были даны африканским народам в годы второй мировой войны правительствами колониальных держав, ухудшение положения народных масс при невиданном ранее обогащении монополий усилили веками накапливающуюся

²³ «За прочный мир, за народную демократию», 15 апреля 1955 г.

¹ Цит. по Р. Палм Датт. Кризис британской империи. М., 1950, стр. 125.

ненависть африканцев к иностранным порабощателям, вселили горячее желание освободиться, стать хозяевами своей судьбы. За послевоенный период вырос и окреп рабочий класс как наиболее организованная и активная сила антиимпериалистического фронта. Успехи национально-освободительного движения в Азии, усиление лагеря мира и демократии, повседневная морально-политическая поддержка со стороны миролюбивых сил всего мира укрепляют в народах Африки веру в свои силы, в возможность завоевания победы. Правда, еще ни в одной из африканских колоний народ не добился национальной независимости, но рост национально-освободительного движения в них расшатывает и подрывает всю систему ненавистного народам колониализма, заставляет правительства колониальных держав идти на политические уступки.

Франция проводит в своих северо-африканских колониях одну «реформу» за другой, рассчитывая отделаться частичными уступками и сохранить основы своего господства. Но патриоты Алжира, Туниса и Марокко усиливают свой нажим на правительство Франции, требуя не фиктивного, а подлинного самоуправления. Под давлением народных масс был денонсирован англо-египетский договор 1936 г. В Нигерии и на Золотом Береге, в Англо-Египетском Судане английские империалисты были вынуждены пойти на создание национальных правительств. Создание этих правительств еще не означает ликвидации колониального режима и завоевания национальной независимости, но нельзя недооценивать значения этой уступки.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать углубление кризиса британской колониальной системы в Африке на примере одной колонии — Золотой Берег.

* * *

Около шестидесяти лет тому назад, в 1897 г., английские колониальные войска, после многократных неудачных попыток, в результате вероломного нарушения подписанного Англией договора о ненападении захватили столицу Ашанти, одного из африканских государств — город Кумаси, низложили и выслали на Сейшельские острова главу государства и создали свою нынешнюю колонию — Золотой Берег².

За прошедшие шестьдесят лет Англия вывезла из Золотого Берега огромное количество ценного сырья — какао, пальмовых продуктов, каучука, леса, марганца, бокситов, а также алмазов и золота. Внешняя торговля Золотого Берега с 2 млн. ф. ст. в 1901 г. выросла до 155 млн. в 1951 г. Английские монополии, действующие на Золотом Береге, нажили огромные состояния. Например, старейшая «Ашанти голдфилдз компани», основанная в 1899 г., за первые двадцать пять лет выплатила держателям акций 1142% прибыли, т. е. ежегодно в среднем по 45%, за следующие двадцать пять лет — в среднем по 75% в год, а в последние годы прибыль превышает 90%.

Но Золотой Берег как был, так и остался отсталой, в основном сельскохозяйственной страной. На 4 478 тыс. человек населения насчитывается только 216 тыс. рабочих, занятых в промышленности, на строительстве, транспорте и в предприятиях коммунального обслуживания, что составляет менее 5% общей численности населения³.

За шестьдесят лет английское господство на Золотом Береге не построено ни одного машиностроительного завода и даже ни одной текстильной фабрики. По официальным данным, в 1951 г. в колонии было 24 ле-

сопилки, семь мебельных фабрик, восемь заводов фруктовых вод, один мыловаренный и один пивоваренный завод⁴. В колонию ввозится даже мешки для упаковки экспортной сельскохозяйственной продукции. Развитое в прошлом ремесло заглохло под давлением английских импортных товаров. Единственная отрасль промышленности, которая интересует английских империалистов и в которую они вкладывают свои капиталы, — горнодобывающая промышленность. Но и эта промышленность получила некоторое развитие лишь после второй мировой войны. Увеличилась добыча марганца. Проектируется строительство гидроэлектростанции на р. Вольте, на базе которой будет развиваться алюминиевая промышленность. Сейчас в горной промышленности занято 48 тыс. рабочих, а ее продукция составляет около одной четверти всего экспорта.

Отличительной особенностью империалистической системы эксплуатации Золотого Берега является сохранение мелкого крестьянского хозяйства. Крупных плантаций, принадлежащих иностранным компаниям, на Золотом Береге нет; нет и европейских поселенцев с крупными фермерскими хозяйствами. Но, сохранив мелкое крестьянство, английские империалисты отдали его под власть монополистических хищников и заставили специализироваться на выращивании одной экспортной культуры — какао. Золотой Берег — типичная страна монокультуры: какао составляет более 90% экспорта сельскохозяйственной продукции и около 70% общей массы экспорта (в 1901 г. какао составляло лишь 8% всего экспорта, 70% приходилось на долю пальмовых продуктов и каучука). По экспорту какао Золотой Берег стоит сейчас на первом месте в мире.

На скупке и экспорте какао английские компании наживают огромные барыши; в бюджете английской колониальной администрации Золотого Берега экспортные пошлины на какао составляют основную статью дохода. Большое количество какао экспортируется сейчас в США, что приносит Англии столь необходимые ей доллары. Долларовая выручка Золотого Берега от экспорта какао в США составила в 1951 г., например, в переводе на английскую валюту 76 млн. ф. ст. Раньше какао называли «зеленым золотом», теперь называют его «культурой, делающей доллары».

Но основной массе крестьянства Золотого Берега какао принесло кабалу. Какао вытеснило продовольственные культуры и поставило крестьян в полную зависимость от английских монополий, скупающих какао и поставляющих крестьянам продовольственные товары. Снижение мировых цен на какао влечет за собой разорение производителей какао, а на повышении мировых цен зарабатывают экспортные монополии. Если мы для примера сравним движение скупочных цен на какао и цен на импортный текстиль за период 1926—1938 гг., включающий в себя годы мирового экономического кризиса, то получим следующую картину: в 1926 г. производитель какао мог за один центнер своей продукции получить 48 кв. ярдов ткани, в 1932 г. — 29 и в 1938 г. только 22 кв. ярда⁵. Эта грабительская политика привела к разорению большого числа производителей какао.

После второй мировой войны началось резкое повышение мировых цен на какао (181 ф. ст. за тонну в 1939 г. и 263 ф. ст. в 1951 г.). Однако выгоду от этого роста цен получили главным образом не производители, а английские монополии, занимающиеся скупкой какао, а также правительство Англии, монополизировавшее экспорт. В 1947 г. было создано полуправительственное управление по сбыту какао, которому было поручено

⁴ См. «Colonial office. An economic survey of the colonial territories», 1951, vol. III. London, 1952, p. 33.

⁵ Расчет произведен по данным книги «The new West Africa». Ed. by Basil Davidson and Adenekan Ademola. London, 1953, p. 110.

² На западном побережье Африки Англия утвердилась еще в XVIII в.

³ См. «African world», декабрь 1954 г.

регулировать скупочные цены таким образом, чтобы производитель получал, независимо от колебания мировых цен, более или менее одинаковую цену. Это значит, что в период высоких мировых цен управление по сбыту имеет право выплачивать производителю цену ниже цены мирового рынка, а в период спада мировых цен обязано сохранять ее.

Скупочные операции по лицензиям управления осуществляют английские компании (главным образом «Объединенная африканская компания»), использующие огромное количество местных торговцев. Они платят производителю установленную для данного сезона цену и сдают скупленную продукцию управлению, которое и экспортирует ее; разница между скупочной ценой и ценой мирового рынка поступает в фонд стабилизации. Так, например, управление скупило урожай сезона 1949—1950 гг. за 31 млн. ф. ст., а продало за 62 млн. ф. ст.⁶ Это представляет собой настоящий грабег производителей какао. Когда в 1952—1953 гг. началось снижение цен на мировом рынке, управление усилило свой нажим на производителей, значительно снизив закупочные цены. Сумма, вырученная на разнице между закупочными и рыночными ценами, замороженная в Лондоне, к концу 1951 г. составляла около 200 млн. ф. ст.⁷

Повышение мировых цен на какао привело к росту экспорта Золотого Берега с 12 млн. ф. ст. в 1939 г. до 88 млн. в 1951 г. Рост импорта по ряду причин отставал от роста экспорта. Активный торговый баланс Золотого Берега постепенно вырос с 5 млн. ф. ст. в 1939 г. до 28 млн. в 1951 г. Разница в стоимости импорта и экспорта остается в руках Англии, записывается на стерлинговый счет Золотого Берега. По существу Англия покупает у Золотого Берега в кредит и не расплачивается с ним. Общая сумма стерлинговых счетов колоний, использование которых строго контролируется английским правительством, в 1951 г. составляла 967 млн. ф. ст.

Раньше роль английского правительства в колониях сводилась к тому, что оно обеспечивало, охраняло интересы монополистических компаний. Сейчас оно непосредственно участвует в эксплуатации колоний, в распределении прибылей, выжатых из трудящихся этих стран. Политика стабилизации цен на колониальное сырье рассчитана в сущности на то, чтобы «переложить часть расходов по подготовке к войне на западноафриканских производителей какао, пальмовых продуктов и земляного ореха»⁸.

Такова, в своей основе, несмотря на разные демагогические посулы, политика английского империализма на Золотом Береге — политика ограбления страны, расхищения ее естественных богатств, закрепления отсталости и экономической зависимости от метрополии.

Естественно, что такая политика вызывает ненависть и страстное желание положить ей конец, что невозможно без завоевания фактической государственной независимости. В борьбе против этой империалистической политики объединяются все национальные силы страны — рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия и интеллигенция.

Социальной опорой английского империализма на Золотом Береге была и остается довольно многочисленная прослойка феодально-компрадорских элементов. К началу английской колонизации в южном и центральном районах Золотого Берега существовал ряд феодальных княжеств (племена северных районов находились на стадии перехода к классовому обществу). Английские империалисты сохранили эти княжества, включив их в свою систему так называемого косвенного управления, бережно охраняли права и привилегии феодальных владык. Многие из

⁶ См. «Times», 12 марта 1951 г.

⁷ См. «Review of economic studies», январь 1954 г.

⁸ «The new West Africa», p. 149.

них постепенно обуржуазились — стали владельцами плантаций какао, купцами и т. д.; их интересы поэтому несколько разошлись с интересами английского империализма и приблизились к интересам крупной национальной буржуазии, в блоке с которой они сейчас и выступают; большинство же продолжает верой и правдой служить английскому империализму.

История национально-освободительного движения за последнее десятилетие с достаточной убедительностью показала народным массам, что освобождение страны от английского империалистического господства невозможно без борьбы против этой реакционной прослойки. Таким образом, антиимпериалистическая и антифеодальная барьба на Золотом Береге тесно переплетаются между собой.

Хотя основные экономические позиции в колонии Золотой Берег продолжают находиться в руках английского капитала, американские монополии в послевоенные годы развивают здесь усиленную экспансию, стремясь захватить в первую очередь ресурсы цветных металлов. Характерно, что американский журнал «Кольерс», рупор безудержных американских экспансионистов, в майском номере 1954 г. поместил специальную статью о Золотом Береге, в которой всячески превозносил значение этой английской колонии как поставщика для США не только какао и бокситов, но и остродефицитного марганца.

Как явствует из содержания этой статьи, американские империалисты строят свои расчеты на использовании реакционных элементов внутри страны, прельщая их посулами американской «помощи».

Народ Золотого Берега в борьбе за свою свободу и независимость сталкивается не только с английским, но и с американским империализмом, как главным гарантом всей империалистической колониальной системы.

* * *

До второй мировой войны на Золотом Береге не было массовых национальных организаций, не было и организованного рабочего движения⁹. Первая массовая национальная организация возникла лишь в 1947 г. Это была Объединенная конвенция Золотого Берега. Инициатива создания этой организации и руководство ею принадлежали верхушке национальной буржуазии и той части феодальной прослойки, интересы которой сближаются с интересами буржуазии. Президентом Конвенции стал крупный лесопромышленник, экспортер леса и какао Джордж Альфред Грант, вице-президентом доктор Данква, брат одного из крупнейших феодалов, верховного вождя Офори Ата. Его политическое кредо английская буржуазная пресса сформулировала так. «Он верит в демократию, но демократию, руководимую вождями племен». Конвенция выдвинула требование предоставления независимости Золотому Берегу «в возможно кратчайший срок». Свою практическую деятельность Конвенция сосредоточила вокруг требования пересмотра конституции Законодательного собрания 1946 г.

Эта конституция была попыткой английского, тогда лейбористского, правительства отделаться ничтожной реформой от тех обещаний, которые были даны народу в годы войны. По этой конституции народ не получил никаких прав. Законодательный совет как был, так и остался органом не представительным и не законодательным. Из тридцати человек Совета двенадцать назначались губернатором из числа английских чи-

⁹ Первый профсоюз (шоферов) был организован еще в 1915 г. В 1942 г. на Золотом Береге было 4 профсоюза, объединявших только 913 человек. Колониальные власти не признавали профсоюзов. Первый закон о профсоюзах был издан в годы второй мировой войны (в сентябре 1941 г.).

повников, восемнадцать выбирались путем сложной, недемократической избирательной системы. За губернатором сохранялось право вето. Подобные действия английского правительства вызвали, и не могли не вызвать, возмущение народных масс. Нынешний премьер-министр Золотого Берега Кваме Нкрума заявил тогда, что единственный путь разрешения проблемы — полная и абсолютная независимость¹⁰.

Объединенная конвенция решила бойкотировать сконструированный по новой конституции Законодательный совет. С целью выработки совместной программы борьбы против этого конституционного маневра английских властей она решила созвать совещание с участием верховных вождей. Но последние отказались от какого-либо единства действий с Объединенной конвенцией, а поднять народные массы на борьбу, опереться на них руководство Конвенции не решилось; оно продолжало искать пути соглашения с английским империализмом.

В народе между тем назревало массовое движение против роста дороговизны. Индекс стоимости жизни уже к концу 1947 г. поднялся вдвое против 1939 г. Рабочие, боровшиеся за повышение заработной платы, провели за год, с апреля 1947 г. по март 1948 г., 37 забастовок. В особо бедственном положении оказались демобилизованные солдаты, не получившие ни работы, ни пособий. К борьбе против роста дороговизны присоединилась и буржуазия, надеясь использовать недовольство народных масс для укрепления своих позиций в стране. В январе 1948 г. начался бойкот импортных товаров. По всей стране проходили массовые митинги и демонстрации, распространялись листовки. В Аккре 28 февраля 1948 г. было организовано мирное шествие к дворцу губернатора с целью передать ему требование народа. По приказу губернатора демонстрация была расстреляна — 26 демонстрантов было убито и 242 ранено.

Чтобы ослабить нарастающее антиимпериалистическое движение, английские власти решили пойти на уступки верхушке национальной буржуазии, приблизить ее к себе и внести раскол в складывающийся единый национальный фронт. Они создали конституционный комитет, состоящий исключительно из африканцев, во главе с местным судьей Кусси, и поручили ему пересмотреть конституцию 1946 г. Руководство Конвенции почти целиком вошло в состав конституционного комитета. Доктор Данква выступил с призывом пересмотреть прежний лозунг Конвенции — «независимость в возможно кратчайший срок», мотивируя это тем, что Англия якобы изменила свое отношение к колониям.

Но этот поворот руководства Конвенции вправо вызвал раскол в его рядах. В августе 1949 г. возникла народная партия во главе с бывшим секретарем Конвенции Кваме Нкрума. «До середины 1949 г. Объединенная конвенция Золотого Берега... являлась ведущей националистической партией в колонии, — писала «Дейли уоркер» 5 февраля 1951 г. — После того как часть руководства, состоящая из богатых адвокатов и торговцев, заняла подозрительную позицию в отношении империализма, в партии произошел раскол».

Народная партия выступила на политической арене как партия единого национального фронта. Ее программа включала не только требование независимости, уничтожения империализма, колониализма, расизма и всех других форм национального и расового угнетения, но также ликвидации капиталистической эксплуатации. Народная партия получила поддержку всех слоев трудящегося населения Золотого Берега и, прежде всего, организованного в профсоюзы рабочего класса.

В октябре 1949 г. комитет Кусси закончил свою работу и опублико-

вал проект новой конституции, которая представляла собой компромисс, сделку английского империализма с крупной национальной буржуазией и обуржуазившимися феодалами. Она была рассчитана на допущение к власти этой эксплуататорской верхушки при сохранении господства английского империализма.

Согласно этой конституции из 84 человек Законодательного собрания 37 избираются верховными вождями и вождями племен из своей среды, шесть человек представляют интересы торговой палаты и горной промышленности, три члена назначаются губернатором из числа высших английских чиновников и только 38 избираются народом. Из этих 38 членом только пять избираются путем прямых выборов от пяти крупнейших городов, остальные 33 избираются от сельских районов коллежиями выборщиков. За английским губернатором сохраняется право вето.

Согласно конституции создается совет министров; большинство министров — африканцы, но важнейшие министерские посты — обороны и внутренних дел, юстиции и финансов — остаются в руках английских чиновников.

Опубликование проекта этой куцей конституции вызвало новую волну возмущения в стране. Народная партия и Конгресс профсоюзов созвали 20 ноября в Аккре Представительную ассамблею Ганы¹¹. В Ассамблее было представлено более 50 организаций — профсоюзы, кооперативы, крестьянские, женские, молодежные и культурные организации. Ассамблея отвергла проект конституции Кусси и потребовала немедленного предоставления Золотому Берегу статута доминиона. Ассамблея предложила свои поправки к конституции и направила их английскому министру колоний. Эти поправки были разосланы также верховным вождям, но они отказались поддержать их.

Решения Ассамблеи были отвергнуты министерством колоний Англии и тогда народная партия обратилась с призывом начать кампанию гражданского неповиновения. Конгресс профсоюзов поддержал призыв Народной партии и решил провести всеобщую забастовку.

8 января 1950 г. началась всеобщая забастовка, за которой последовал бойкот английских товаров. В движение пришли самые широкие народные массы. Губернатор колонии Чарлз Кларк ввел осадное положение и учинил полицейскую расправу. Лидеры народной партии и Конгресса профсоюзов были посажены в тюрьму. Газета «Аккра вивинг ньюс» — орган народной партии — была запрещена. Но эта расправа с руководителями демократического движения еще больше укрепила авторитет и влияние народной партии в массах. В августе 1950 г. состоялся многолюдный митинг, созванный по случаю первой годовщины партии. К этому времени партия насчитывала в своих рядах 45 тыс. членов. Четыре тысячи человек вступили в партию уже после январских событий. На митинге был поднят красно-бело-зеленый флаг, объявленный национальным флагом.

Проект конституции Кусси был с некоторыми поправками утвержден в Лондоне, и в феврале 1951 г. состоялись выборы в новое Законодательное собрание, закончившиеся полной победой народной партии; она получила 35 мест из 38 возможных. По городской курии за кандидатов народной партии было подано 58 866 голосов, все другие кандидаты собрали лишь 5550 голосов. За кандидатов народной партии проголосовало и крестьянство. Был избран и Кваме Нкрума, находившийся в это время в тюрьме. Опасаясь новых демонстраций, губернатор был вынужден его освободить. В правительстве колоний народная партия получила шесть

¹¹ Гана — одно из средневековых государств Западного Судана. Прогрессивные круги Золотого Берега предлагают будущее независимое государство назвать государством Гана.

¹⁰ «Domination or cooperation». London, 1946.

министерских портфелей из одиннадцати. Кваме Нкрума получил сначала пост министра без портфеля, а через некоторое время вновь учрежденный пост премьер-министра.

Победа народной партии на выборах и создание первого в африканских колониях правительства во главе с африканцем было воспринято всеми угнетенными народами Африки как их общая победа, а империалистическими реакционными кругами как их серьезное поражение. «Выборы на Золотом Береге, происходившие в феврале 1951 г., потрясли всю Африку. Для белых, прочно обосновавшихся на африканском континенте, потрясение вылилось в форму, может быть, не совсем ясного вопроса: «Не является ли это началом нашего конца?» А каждый африканец, услышавший эту новость... почувствовал прилив радости и проблеск внезапной надежды, казавшейся почти несбыточной: «Быть может, это наше начало»¹².

Народная партия пришла к власти благодаря поддержке народных масс и прежде всего организованного в профсоюзы рабочего класса. Однако правительство Нкрума отражает интересы не трудящихся колонии, а местной буржуазии. За четыре года пребывания у власти оно провело ряд мероприятий, создающих дополнительные возможности для развития национальной буржуазии. Основан национальный банк Золотого Берега. Создана национальная компания по скупке какао, пробившая первую значительную брешь в монополии Объединенной африканской компании. Введены экспортные пошлины на минеральное сырье, что обеспечивает некоторое перераспределение прибылей горных компаний в пользу национального правительства. Создан «комитет по африканизации» государственного аппарата; началась постепенная замена английских чиновников местной интеллигенцией. Приняты некоторые меры по развитию народного образования и т. п. Мероприятия подобного рода безусловно соответствуют национальным интересам Золотого Берега. Но правительство Нкрума не приняло никаких существенных мер, чтобы облегчить тяжелое положение народных масс. Английский колониальный журнал «Вест Африка» был вынужден признать, что «положение большинства населения осталось таким же, каким оно было до введения конституции»¹³. Верно то, что руки правительства Нкрума связаны колонизаторами, ибо реальная власть находится в руках губернатора. Но следует отметить, что, придя к власти, руководство народной партии изменило свою прежнюю политику. Сам Нкрума, будучи в США, куда его пригласили для присвоения почетного ученого звания, заявил, что отношения между английскими колониальными деятелями и народной партией «самые сердечные».

Правительство Нкрума стало угрожать репрессиями тем, кто придерживается левых взглядов, приняло меры к ослаблению профсоюзов, с помощью которых оно пришло к власти.

В 1951 г. на Золотом Береге было 58 профсоюзов с 33 тысячами членов¹⁴; существовал единый профсоюзный центр — Конгресс профсоюзов Золотого Берега. После всеобщей забастовки в январе 1950 г. профсоюзное движение было расстроено арестами руководителей. Обезглавив таким образом профсоюзы, департамент труда, руководимый английскими чиновниками, попытался прибрать их к своим рукам. Во главе профсоюзов и Конгресса были поставлены «умеренные». Конгресс примкнул к рас-

колической «Международной конфедерации свободных профсоюзов» (МКСП), которая поспешила направить на Золотой Берег своего представителя и организовать школу для подготовки профработников Западной Африки. Это вызвало раскол профсоюзного движения. Левые элементы создали новый профсоюзный центр — Конгресс профсоюзов Ганы, примкнувший к Всемирной федерации профсоюзов и развернувший активную кампанию за преодоление раскола, за восстановление единства рабочего класса.

Летом 1953 г. сторонники единства одержали победу. Оба профсоюзных центра объединились, и восстановленный Конгресс вышел из МКСП. Представитель профсоюзов Золотого Берега Антони Вуд принял участие в работах третьего Всемирного конгресса профсоюзов в октябре 1953 г. и был избран в состав Исполнительного комитета ВФП. Тогда на помощь раскольников из МКСП пришли правые лидеры народной партии. Антони Вуд и генеральный секретарь Конгресса профсоюзов Золотого Берега Турксон Окран были исключены из народной партии за связь с ВФП и отстранены от профсоюзной работы.

Но, несмотря на все эти маневры раскольников, опирающихся на поддержку руководства народной партии, профсоюзы Золотого Берега остаются самой организованной и передовой силой национального фронта. Преодолевая тредьюнионистские влияния, они активно проводят антиимпериалистическую политику. В последнее время отмечается подъем крестьянского движения.

* * *

Как уже указывалось выше, английские империалисты сохранили на Золотом Береге феодальные княжества, права и привилегии феодальной аристократии. Земля формально считается общинной собственностью, но под этой общинной формой скрываются феодальные отношения, сложившиеся еще до английского завоевания. Вожди разных рангов представляют собою в сущности феодальную иерархию. Во главе каждой земельной общины стоит наследственный вождь. Он наделяет крестьян земельными участками, за что они отдают ему часть урожая или работают на его полях. В зоне плантаций какао значительная часть земли сдана вождями в аренду «чужакам», т. е. не принадлежащим к данной земельной общине; довольно часто этими арендаторами земли являются капиталисты, владельцы крупных плантаций. Часть ренты, собранной вождями низшего ранга, передается вождям высшего ранга, верховным вождям, которые имеют, кроме того, большие земельные массивы и в своем непосредственном распоряжении.

Таким образом, прикрываясь древними традициями родового строя, верховные вожди и вожди племен жестоко эксплуатируют крестьянство. До самого последнего времени им принадлежала и власть над эксплуатируемым крестьянством, которую они осуществляли под контролем английских резидентов. Согласно законам, изданным английскими властями, они выполняли все административные и судебные функции, собирали налоги, имели свою полицию.

В крестьянских массах уже давно началось движение за ликвидацию этих пережитков феодализма. После первой мировой войны началось массовое свержение верховных вождей и вождей племен. Английские империалисты выступили на защиту своих марионеток и законом 1927 г. запретили смещать вождей без согласия губернатора.

Комиссия Уатсона, направленная министерством колоний на Золотой Берег для расследования причин кровавых событий в феврале 1948 г., была вынуждена констатировать, что сдерживать ненависть народных масс к наделенной властью феодальной верхушке дальше нельзя, что эта

¹² Margery Perham. The British problem in Africa. «Foreign affairs», 1951, июнь стр. 637.

¹³ «West Africa», 15 ноября 1952 г.

¹⁴ В настоящее время на Золотом Береге насчитывается около 70 тыс. членов профсоюзов «Démocratie nouvelle», 1955, № 2.

ненависть, стихийно прорвавшая административную плотину, может принести английскому империализму большие неприятности. В проекте конституции Куэси была предусмотрена реформа органов местного управления, постепенная передача административных функций верховным вождям и вождям племен выборным советам. После утверждения конституции крестьянские массы, не дожидаясь издания соответствующего закона, самостоятельно приступили к организации демократических органов власти. Верховные вожди и вожди племен обратились за помощью к министерству колоний и к правительству Нкрума. Министр колоний Англии Литтлтон, будучи в апреле 1952 г. на Золотом Береге, встретился с ними и заверил, что английское правительство поддержит их.

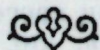
Однако рост крестьянского движения вынудил власти к некоторым уступкам. Правительство издало закон о местных органах власти. Согласно этому закону, власть на местах принадлежит выборным советам — местным, городским и областным. Две трети депутатов этих органов избираются народом, одна треть назначается верховными вождями и вождями племен. Распоряжение землей переходит в руки советов, но часть доходов от земли передается в доход верховных вождей и вождей племен.

Закон о местных органах власти представляет собой, следовательно, компромисс. Английским властям удалось отстоять некоторые права и привилегии феодальной верхушки. Но тем не менее, ненавистный феодальный режим, так старательно поддерживаемый английскими империалистами, получил уже непоправимый удар. Позиции феодальной верхушки, этой социальной опоры империализма, оказались подорванными.

Другой, также не менее значительной победой демократических сил Золотого Берега было введение в 1954 г. новой избирательной системы. Теперь Законодательное собрание избирается путем прямых выборов на основе всеобщего избирательного права. Первые выборы по этой новой системе состоялись в июне 1954 г. Из 104 депутатских мест народная партия получила 71 место. Завоевав большинство в Законодательном собрании, народная партия получила право сформировать свое однопартийное правительство.

Новая избирательная система явилась еще одним ударом по феодальной верхушке, которая лишилась права посылать в Законодательное собрание своих представителей вопреки воле избирателей. Характерно, что среди более чем 250 кандидатов в Законодательное собрание было только шесть вождей (40 кунцов, 15 владельцев плантаций и т. д.)¹⁵. Пытаясь компенсировать эту потерю, верховные вожди и вожди племен настойчиво требуют от английского правительства образования верхней палаты Законодательного собрания — сената и тайного совета Золотого Берега, состоящего из представителей феодальной верхушки.

Золотой Берег остается колонией английского империализма. Реальная политическая власть находится в руках английского губернатора. Английские монополии попрежнему держат в своих руках все ключевые экономические позиции и попрежнему грабят страну. Но усиливающаяся народная борьба, создание Законодательного собрания, избираемого путем прямых выборов на основе всеобщего избирательного права, образование национального правительства, реформа местных органов власти, подорвали господство английского империализма и феодальной верхушки Золотого Берега. Эти успехи укрепили в народе веру в свои силы, в окончательную победу в борьбе за свободу и национальную независимость.

¹⁵ См. «Africa news letter», июль 1954 г.

АНТИВОЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЯПОНИИ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—1905 гг.

И. Я. БЕДНЯК

Япония, ставшая в конце XIX в. на путь империалистического развития, начала осуществлять захватнические планы создания колониальной империи в Азии. Она стремилась прибрать к рукам Корею, поработить Китай, оккупировать Сахалин и русский Дальний Восток. Правящие круги Японии рассматривали царскую Россию как одного из главных конкурентов на Дальнем Востоке и сразу же после окончания японо-китайской войны 1894—1895 гг. стали готовиться к войне против России.

Под шум новиннистической пропаганды японский парламент принял в конце 1895 г. так называемую программу послевоенного развития хозяйства — программу подготовки страны к новой захватнической войне.

«Послевоенная программа» предусматривала укрепление и расширение вооруженных сил страны, увеличение сухопутной армии с 6 до 13 пехотных дивизий, создание кавалерийской и артиллерийской бригад, значительное увеличение крепостной артиллерии, удлинение срока военной службы, создание военной промышленности для производства различных видов вооружения в соответствии с возросшими потребностями армии и флота и т. д.¹

Была предусмотрена постройка в самой Японии и покупка за границей военно-морских судов.

Только прямые военные расходы на армию и флот составили за период с 1895/96 г. по 1903/04 г. огромную по тому времени цифру — 858,9 млн. иен². Вся тяжесть этих расходов легла на плечи японских рабочих и крестьян.

Уже к 1903 г. налоги выросли по сравнению с 1895 г. с 1—1,5 иен до 3-х иен на душу населения. Однако это были результаты только еще подготовки к войне.

Начавшаяся война с Россией обрушила на трудящиеся массы Японии еще большие тяготы и лишения. В первом военном году правительство ввело табачную монополию, повысило земельный налог, налоги на сою, сахар, шерстяные изделия, масло и другие товары, а также ввело новые чрезвычайные налоги³. За первый военный год налоги увеличились на

¹ «Мэйдзи тайсё» (История эпох Мэйдзи и Тайсё), т. 6. Токио, Изд-во «Асахи», 1931, стр. 207.

² См. А. Гальперин. Англо-японский союз. М. — Л., 1947, стр. 155.

³ См. «Рэкиен хёрон», 1952, № 39, стр. 8.

50%, во втором году войны — на 100%. Была введена монополия на соль, повышены налоги на хлопчатобумажные изделия и т. п.⁴ За два года войны японский народ выплатил 213 млн. иен налогов.

В это же время государственный долг страны вырос с 600 млн. иен до 2400 млн. Из них на 800 млн. иен было получено займов за границей, главным образом в Англии и США. Выплата процентов по этим займам легла дополнительным бременем на плечи трудящихся масс.

Кроме того, проводились кампании так называемых патриотических пожертвований, при помощи которых у японских трудящихся отбирались последние гроши.

Мобилизация в армию трудоспособного мужского населения (2 млн. человек) привела к острой нехватке рабочих рук в деревне. Сократилась посевная площадь под основными зерновыми и техническими культурами. Мобилизация вызвала резкий протест японских крестьян. Несмотря на строжайшую цензуру, в японскую печать просачивались отрывочные сведения о распространении среди японского крестьянства антивоенных настроений. В наиболее отчетливой форме эти настроения выразили крестьяне ряда деревень префектуры Канагава, принявшие на сходке резолюции протеста против мобилизации в армию и повышения налогов, которые повлекла за собой война⁵.

Свертывание отраслей промышленности, производящих предметы народного потребления, усилило безработицу⁶. Условия труда рабочих еще более ухудшились. Рабочий день был удлинен до 16 часов. Заработная плата снижалась.

Готовясь к войне, японские правящие круги развернули энергичную шовинистическую пропаганду. Особую активность проявляло Антирусское общество (Тайродосикай)⁷, прямой целью которого было подготовить общественное мнение к войне против России. Во главе этого общества стояли князь Коноэ Адумаро (отец неоднократно премьер-министра Японии Коноэ Фумимаро), Тояма Мицуру, впоследствии идеолог японского фашизма, политический деятель Коно и другие. В состав Общества входили также представители парламентских партий, выражавших интересы крупной буржуазии и помещиков. Не довольствуясь милитаристской пропагандой в прессе, японская реакция начала широкую устную агитацию среди населения, но все эти меры не могли задержать роста антивоенных настроений японского народа.

Среди широких масс японских трудящихся нарастало недовольство все ухудшающимся экономическим положением, большим количеством убитых и раненых. Один токийский журналист, характеризуя в беседе с русским ученым А. Петровым отрицательное отношение простых людей Японии к русско-японской войне, сказал: «Если и не плакали наши жены и сироты, то это в силу японских обычаев скрывать проявление своих чувств: свидетелями душевных мук народа по случаю отправления своих сынов могут лишь быть темные ночи, да безмолвная природа»⁸.

Выразителями антивоенных настроений японского народа выступили в тот период японские социалисты. В основе деятельности японских социалистов в те годы лежала антивоенная пропаганда. Она началась накануне русско-японской войны и приобрела широкий размах в период войны.

В 1900 г. японские социалисты были объединены в Социалистическую лигу. В мае 1901 г. на базе этой организации была создана японская социал-демократическая партия. После запрещения этой партии японским правительством в том же 1901 г. Лига вновь возродилась под прежним названием. Социалистическая лига в 1900 г. приняла марксизм как единственно правильную, подлинно революционную теорию. Однако это не означало, что японские социалисты стали настоящими марксистами. Тщательно изучая работы классиков марксизма и идя на сближение с рабочим классом, они были лишь на пути к марксизму.

Уже в начале лета 1903 г. Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро и другие видные социалисты предприняли длительную агитационную поездку по всей стране для разъяснения рабочим хищнических, захватнических целей и пагубных последствий готовящейся войны. «Гвоздем нашей антивоенной пропаганды, — вспоминал впоследствии Катаяма в своей статье „К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии“, — был тезис, что это будет капиталистическая война, которая неизбежно принесет дальнейшие страдания и нищету рабочим, как это было и во время японо-китайской войны».

Об отношении японских социалистов к русско-японской войне дает представление письмо Катаяма Сэна к французскому социалисту Ж. Лонгэ⁹.

«Мы, японские социалисты, — писал Катаяма, — являемся противниками войны с Россией потому, что ее результатом будет только то, что тысячи несчастных, невежественных рабочих поведут на бойню для удовлетворения интересов класса и правительства капиталистов, потому что она оставит тысячи вдов и сирот в самом бедном классе и увеличит еще его бедность»¹⁰. Выражая отрицательное отношение японских рабочих к войне, Катаяма указывал: «Они не желают из-за обладания Маньчжурией или Кореей сражаться с русскими рабочими. Мы уверены, что и русские рабочие держатся того же мнения на этот счет», «против нее (японо-русской войны. — И. Б.) громадное большинство японского народа... Я сам несколько месяцев тому назад объезжал Японию на всем ее протяжении и у меня есть данные, чтобы судить, насколько страна настроена против войны»¹¹.

18 октября 1903 г. Социалистическая лига организовала первый антивоенный митинг в рабочем районе Токио Канда. Большинство участников митинга составляли рабочие. Митинг прошел с большим успехом. Рабочие с горячей симпатией встречали антивоенные речи ораторов, сопровождая их громом аплодисментов. В своей речи на митинге Катаяма Сэн, осуждая шовинизм, противопоставил ему международную солидарность рабочих¹².

Антивоенную пропаганду в этот период вели теоретический орган социалистов «Сякайсёги» (Социализм) и организованное социалистами общество Хэйминся (Общество простого народа) через еженедельную газету «Хэймин симбун» (Народная газета). Журнал «Сякайсёги» клеймил на своих страницах милитаризацию страны и шовинизм, возбуждаемый буржуазной прессой в народе. В частности, в журнале резкому осуждению было подвергнуто обращение реакционной японской профес-

⁹ Это письмо было опубликовано во французской газете «Орор» 11 января 1900 г. и перепечатано затем социалистической прессой многих стран.

¹⁰ Ж. Лонгэ. Социализм в Японии. Одесса, 1905, стр. 34.

¹¹ Там же, стр. 34—35.

¹² См. там же, стр. 33.

⁴ См. «Рэйкиси хёро», 1952, № 39, стр. 8.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же, стр. 10.

⁷ См. там же, стр. 2.

⁸ А. Петров. Политическая жизнь Японии. СПб., 1910, стр. 42.

суры Токийского университета (петиция семи профессоров) к правительству с требованием объявить войну России¹³.

Газета «Хэймин симбун» была организована видными деятелями социалистического движения того периода Котоку Дэндзиро¹⁴ и Сакаи Тосихико. Первый номер «Хэймин симбун» вышел 15 ноября 1903 г. и вызвал огромную сенсацию среди японской общественности¹⁵.

Среди ближайших сотрудников газеты был Катаяма Сэн, социалисты Нисикава Кодзиро, Исигава Сансиро, известный писатель-социалист Киносита Сёко и другие¹⁶.

В отношении русско-японской войны японские социалисты, группировавшиеся вокруг Хэйминся, заняли правильную позицию. Они выступили за поражение в этой войне своего правительства. Эти взгляды японских социалистов были отчетливо выражены в статье «Хэймин симбун» (№ 33): «Пронграть войну — значит победить». Русско-японская война явилась для молодого в Японии социалистического движения серьезным экзаменом, который был с честью выдержан.

С первых же номеров «Хэймин симбун» повела неустанную борьбу против пропаганды шовинизма и войны. Антивоенным выступлениям в газете был отведен специальный раздел.

17 января 1904 г. в редакционной статье «Хэймин симбун» (№ 10) «Мы категорически отвергаем войну»¹⁷ японские социалисты выступили с резким осуждением войны, отмечая, что против нее — громадное большинство народа. В этом же номере была помещена статья, осуждавшая нижнюю палату японского парламента за призывы к войне. Называя палату не представителем народа, а представителем помещиков и буржуазии, газета призывала народ «всемерно протестовать против войны»¹⁸. «Хэймин симбун» в резких выражениях разоблачала грабительские цели войны, клеймила ее как империалистическую, затеянную в интересах буржуазии и помещиков, в ущерб народу, являющемуся жертвой войны¹⁹. Начиная с первого же номера, «Хэймин симбун» неуклонно ра-

¹³ См. Ж. Лонгэ. Указ. соч., стр. 33.

¹⁴ Котоку Дэндзиро (литературный псевдоним Котоку Сюсуй) родился в 1871 г. в семье крестьянина. По профессии Котоку журналист, ученик известного японского философа-материалиста Накаэ Тёмин. С первых лет существования социалистического движения в Японии являлся его активным участником. В 1898 г. Котоку вместе с Катайяма был организатором первого в Японии социалистического кружка, а в 1901 г. — первой социал-демократической партии. Антивоенные взгляды Котоку сложились уже к началу 900-х годов. Котоку был казнен японской монархией в 1911 г. по ложному обвинению в организации покушения на японского императора.

¹⁵ «Мэйдзи бунка дзэнсю» (Полное собрание статей по культуре Мэйдзи), т. 21, 1921, стр. 339; Сакаи Тосихико. Собрание сочинений, т. VI. Токио, Изд-во «Тюо Корон», 1933, стр. 219, 492. Первый номер газеты вышел в количестве 5 тыс. экз. В дальнейшем ее тираж вырос до 8 тыс. Это была значительная цифра для того времени. Газета печаталась на 8 страницах большого формата, имела помимо всего прочего английский текст и была снабжена массой иллюстраций. Накладные войны с Россией газета, например, поместила рисунок, изображавший братское единение японских и русских рабочих. С первых же номеров газета стала помещать портреты деятелей международного рабочего движения — Маркса, Энгельса, Бебеля, Жореса и др. С отъездом Катайяма в Америку «Хэймин симбун» фактически заменила орган Социалистической лиги «Сякайсюги».

¹⁶ Нисикава и Исигава вскоре вошли в состав редакции «Хэймин симбун», покинув при этом редакции газеты «Ёродзю» (Исигава) и журнала «Нироку» (Нисикава). См. Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 219.

¹⁷ См. Омоти Кадаю. Рэймэйки но Нихон родо уидо (Зарождение рабочего движения в Японии). Токио, 1954, стр. 114.

¹⁸ Сакаи Тосихико. Соч., т. III, стр. 106, т. VI, стр. 225.

¹⁹ См. Огава. Положение рабочих и история рабочего движения в Японии. «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 37.

зоблачала лжепатриотизм, всячески насаждавшийся правящими кругами²⁰.

Мужественная антивоенная борьба японских социалистов не только не прекратилась, но приобрела еще больший размах с началом русско-японской войны. В момент, когда японский империализм и русский царизм тнали сотни тысяч людей на войну, японские социалисты поместили в «Хэймин симбун» (№ 18) от 13 марта 1904 г. «Письмо к русской социал-демократической партии», предлагая установить связь между японскими и русскими рабочими и совместно выступить против войны, затеянной правительствами. «Мы, социалисты, — говорилось в письме, — не признаем различия рас, национальностей, стран. Мы — товарищи, братья, сестры. У нас нет никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом»²¹.

Ярким проявлением дружбы между японским и русским пролетариатом явился демонстративный обмен рукопожатиями между Катайяма и Плехановым в августе 1904 г. на Международном конгрессе социалистических партий (II Интернационала) в Амстердаме. Сообщение о встрече Катайяма с Плехановым было помещено в «Хэймин симбун» («Рукопожатие японской и русской социалистических партий»)²².

После выхода двенадцатого номера «Хэймин симбун» (27 марта 1904 г.) началось судебное преследование газеты. Поводом к этому явилось опубликование редакционной статьи «Налоги растут!», призывавшей народ выступить против войны и вызванного ею увеличения налогов²³.

Несмотря на посылавшиеся после этого на газету различного рода репрессии: штрафы, конфискации, бесконечные аресты редакторов, «Хэймин симбун» не ослабила своей борьбы против военного психоза и шовинизма.

Большое внимание на страницах «Хэймин симбун» уделялось освещению бедственного положения японских трудящихся в связи с войной²⁴. Из номера в номер помещались сведения о стачечной борьбе японского пролетариата.

Одной из важных заслуг Хэйминся и издававшихся им газет «Хэймин симбун» и ее преемницы «Тёкугэн» (Рупор) была популяризация ими в Японии идей русской революции 1905—1907 гг. «Хэймин симбун» с первых номеров освещала на своих страницах назревавшую революционную ситуацию в России (статьи «Пожар русской революции», № 1, «Ход революционного движения в России», № 2 и др.), сообщала о героической борьбе русского пролетариата против самодержавия.

Деятельность Хэйминся по ознакомлению японских трудящихся с героической борьбой русского пролетариата в революции 1905 г., несомненно, сыграла значительную роль в общем подъеме революционных настроений в стране.

После выхода в свет пятьдесят второго номера «Хэймин симбун» (6 ноября 1904 г.) газета вновь подверглась судебному преследованию. Весь тираж газеты был конфискован, типография опечатана, Котоку и Нисикава привлечены к суду. Поводом к этому послужило опубликование в газете редакционной статьи «Обращение к учителям начальных школ»²⁵.

²⁰ Антишовинистические статьи в «Хэймин симбун» весьма многочисленны. О содержании их можно судить уже по заголовкам: «Преступная пропаганда войны» (№ 10); «Заблуждение солдата. Семьи погибших на фронте», «Радуются беде» (№ 15); «Груз патриотизма» (№ 17); «Так называемый дух жертвенности» (№ 32) и т. д.

²¹ Цит. по «Сакай но рэкиси» (Всемирная история), т. IV. Токио, Изд-во «Майшин симбунсэ», 1949, стр. 293.

²² См. Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 230.

²³ Статья написана Котоку. См. Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 228.

²⁴ Статьи «Война и цены на рис» (№ 20), «Пнищета, порождаемая войной» (№ 23, 24) и др.

²⁵ См. «Современное общественное движение». Токио, 1929, стр. 28.

Несмотря на это, выпуск газеты не прекратился. В пятьдесят третьем номере «Хэймин симбун», отпечатанном тайно в другой типографии, был помещен полный перевод «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Его опубликование газета приурочила к годовщине существования общества Хэйминся. Перевод был сделан Котоку. Несмотря на то, что этот выпуск «Хэймин симбун» был конфискован, газета все-таки попала в руки отдельных лиц, и текст «Коммунистического манифеста» тайно перепечатывался²⁶. После этого репрессии против Хэйминся еще более усилились. Празднование годовщины существования общества Хэйминся было запрещено. 16 ноября 1904 г. правительственный указ запретил существование Социалистической лиги. В январе 1905 г. по приговору суда за выпуск пятьдесят второго номера «Хэймин симбун» была запрещена. Котоку и Нисикава были приговорены к пяти месяцам тюремного заключения каждый²⁷.

Несмотря на запрет властей, газета «Хэймин симбун», печатавшаяся тайно, продолжала выходить до шестьдесят четвертого номера. В этом последнем номере «Хэймин симбун» (от 29 января 1905 г.) редакция сама сообщила о прекращении издания газеты. По примеру «Новой рейнской газеты» Маркса—Энгельса, последний номер «Хэймин симбун» был напечатан красной краской. Редакция цитировала в нем бессмертные слова, некогда напечатанные в газете великих вождей пролетариата: «Прощайте, но не навек. Им не убить духа, мы снова воспрянем на том же поле битвы, где мы пали, с новыми силами для борьбы».

С запрещением газеты «Хэймин симбун» деятельность японских социалистов не прекратилась. Общество Хэйминся попрежнему оставалось центром антивоенной пропаганды социалистического и общедемократического движения. Под его руководством продолжали действовать кружки по изучению социализма, проводились лекции для женщин, велась широкая кампания за введение всеобщего избирательного права²⁸. Вместо запрещенной «Хэймин симбун» японские социалисты стали издавать еженедельник «Тёкугэн», являвшийся по сути дела той же «Хэймин симбун» только с измененным названием. «Тёкугэн» подробно освещал ход русской революции, начиная с сообщения о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге, и будил в японском народе симпатии к борьбе русского народа против царизма. «Тёкугэн» стал центральным органом японских социалистов. Газета выходила с 5 февраля до 10 сентября 1905 г., после чего также была запрещена. Вскоре, 26 сентября 1905 г. по решению японских социалистов было распушено и само общество Хэйминся. Этому предшествовало заключение в тюрьму Котоку Дэндзиро. Известную роль в роспуске Хэйминся сыграло и то, что к этому периоду уже наметились идеологические расхождения среди руководителей общества. Котоку все тверже становился на марксистские позиции, тогда как Киносита и Нисикава склонялись к христианскому, «моральному» социализму.

Деятельность японских социалистов в период русско-японской войны явилась важным этапом в развитии японского общедемократического и социалистического движения. Она оказала значительное влияние на развитие классового самосознания японского пролетариата. Проповедуя идеи интернационализма, пролетарской солидарности, газеты «Хэймин симбун» и «Тёкугэн» боролись за очищение сознания трудящихся масс Японии от шовинистических бредов, внушавшихся им реакционной бур-

жуазной пропагандой. «Хэймин симбун» и «Тёкугэн» помимо вопросов внутренней жизни страны знакомили читателя с социалистическим и рабочим движением в странах Европы и Америки, способствовали установлению интернациональных связей²⁹. Однако связи Хэйминся с рабочим классом Японии были еще недостаточны. Деятельность общества распространялась главным образом на мелкобуржуазные слои. Документы Хэйминся свидетельствуют об эклектичности идейно-теоретических основ этого движения. В движении «Хэймин» были представлены три разнородных элемента: социализм, мелкобуржуазный радикализм и стихийный демократизм (крестьянский в своей основе)³⁰.

Не преодолено было еще и влияние буржуазно-либерального движения Японии 80-х годов — «Дзю минкэн ундо» (Движение за свободу и народные права)³¹.

Декларация общества Хэйминся, опубликованная в первом номере «Хэймин симбун», отличалась неопределенностью и расплывчатостью. Хэйминся должно было способствовать превращению всех людей в братьев, достижению демократии, социализма и всеобщего мира. Девизом общества были «Свобода, равенство, братство», перешедшие к Хэйминся от буржуазно-либерального движения «Дзю минкэн ундо»³². Этих целей общество Хэйминся считало возможным достигнуть посредством действий «в рамках, допускаемых государственными законами», при «полном отрицании насилия»³³, как говорилось в декларации общества. Лозунг легализма также был наследием буржуазно-либерального движения.

Не свободна от ошибок была и антивоенная деятельность Хэйминся. Антимилитаристская пропаганда не отличалась последовательностью, проводилась зачастую с позиций мелкобуржуазного пацифизма.

Определенное влияние на деятелей Хэйминся имели и идеи русского народничества (идеализация крестьянства, противопоставление «здоровых» условий деревенской жизни — жизни города и т. д.).

Это все вместе взятое в значительной мере мешало превращению «Хэймин ундо» в подлинно революционное движение.

Однако, несмотря на недостатки и слабости в деятельности Хэйминся, несмотря на нечеткость взглядов его руководителей и непоследовательность, деятельность этого общества носила глубоко прогрессивный характер и являла собой пример мужества японских социалистов, служивших народу в тяжелой обстановке жестокого полицейского террора и шовинистического угара.

Катаяма Сэн впоследствии с полным основанием писал, имея в виду деятельность Хэйминся, что «в первый раз подобная агитация велась в стране старых самураев»³⁴.

* * *

Ярким проявлением антиправительственных настроений японских трудящихся, вызванных тяжелыми последствиями войны, явились события 5—6 сентября 1905 г. в Токио, получившие широкий отклик по всей

²⁹ В этот период японские социалисты имели связи с революционерами Китая, Кореи, Индии, Аннам.

³⁰ См. Е. Жуков. История Японии. М., 1939, стр. 154.

³¹ Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 492.

³² Там же, т. VI, стр. 214, 492; «Современное общественное движение», стр. 27.

³³ Цит. по Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 214, 492.

³⁴ Из статьи Катаяма Сэн в чикагском «Международном социалистическом обозрении». Цит. по Ж. Лонгэ. Указ. соч., стр. 37.

²⁶ См. Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 233, 234.

²⁷ См. «Современное общественное движение», стр. 28.

²⁸ См. Сакаи Тосихико. Соч., т. VI, стр. 235; «Современное общественное движение», стр. 29.

Японии. Недовольство японских трудящихся нищенскими условиями жизни, бесконечными лишениями и жертвами, которые они понесли в результате двух тяжелых лет войны, прорвалось наружу, объективно вылившись в протест против политики войны, проводившейся господствующими классами.

Японский народ, понесший в годы войны большие жертвы и лишения, ожидал с окончанием войны улучшения своих жизненных условий. Окончание войны не облегчило положения японских трудящихся. Налоги продолжали расти. В декабре 1905 г. японскому парламенту предстояло утвердить новое ассигнование более чем в 500 млн. иен на покрытие расходов по демобилизации армии и различного рода других военных обязательств правительства. Связанное с прекращением военных действий сокращение объема производства в отраслях промышленности, работавших на войну, и уменьшение объема перевозок значительно увеличили безработицу среди японского пролетариата. Тяжелым было и положение мелких торговцев.

Осенью 1905 г. Японии постиг страшный неурожай. Сократилось поголовье домашнего скота. О размерах народных бедствий, связанных с неурожаем, можно судить хотя бы по тому, что в одной только префектуре Миядзаки от голода умерло 285 тыс. человек.³⁵

Используя бедственное положение трудящихся масс города и деревни, крупные торговцы наживали на спекуляции рисом огромные деньги. В этих спекулятивных махинациях были замешаны и виднейшие государственные деятели Японии Ито Хиробуми, Иноуэ и др.³⁶

Недовольство политикой правящих классов охватило трудящиеся массы страны — пролетариат, крестьянство, ремесленников. Народное недовольство отразилось также на позиции радикальной мелкобуржуазной интеллигенции и японского студенчества. Сведения об антивоенных настроениях в японском народе начали просачиваться даже в буржуазную печать. О распространении антивоенных настроений в стране, в частности среди японского крестьянства, сообщала, например, газета «Токио асахи» от 1 сентября 1905 г.³⁷

В этой обстановке правящие круги Японии попытались отвлечь трудящихся от истинных причин их бедственного положения, направить недовольство масс по ложному пути, свалив всю ответственность за последствия войны на правительство Кацура.

Не ограничиваясь газетной пропагандой, наиболее реакционные шовинистически настроенные круги японской буржуазии и помещиков развернули среди населения через свою агентуру широкую устную агитацию, доказывая, что только «невыгодный» мир, заключенный правительством Кацура, причина их бед и лишений. После такой шумной кампании отставка ненавистного народу правительства Кацура могла быть преподнесена как уступка народу, как признание того, что «личная неудача» Кацура является причиной народных бедствий. Особую активность в одурманивании масс, воспитании в японском народе махрового национализма, ненависти к народам соседних стран развило указанное выше Антирусское общество. С целью разжигания в народе шовинистических настроений это общество решило организовать митинг городского населения Токио.

Митинг в Токио был назначен Обществом на 5 сентября 1905 г. в парке Хибия. Однако, вопреки замыслам организаторов этого митинга, он вылился в грозные для правящего лагеря Японии события. Организаторы митинга

в парке Хибия переоценили успех своей реакционной пропаганды, оказались близорукими, не будучи в состоянии предвидеть, что затеянный ими митинг может послужить толчком к выходу наружу подлинных настроений народа. Более осведомленный о настроениях народных масс премьер Кацура еще накануне событий 5—6 сентября опасался, как бы митинг не вышел за рамки, намечаемые его устроителями. Второго сентября 1905 г. в письме к лидеру японской военщины маршалу Ямагата он выражал сомнение в том, что Обществу удастся одурманить народ и отвлечь его от истинных причин его бедственного положения. «... Дело в том, — писал Кацура, — что ... в настоящее время буквально все, начиная от рикш и извозчиков и кончая мелкими торговцами и другими, ведут разговоры об отсутствии средств к существованию». Отмечая, что подобные настроения «низших классов» создают крайне напряженную, неблагоприятную обстановку, Кацура обращал внимание Ямагата на то, что «абсолютно необходимо использовать все имеющиеся средства для того, чтобы удержать это движение в сугубо политических рамках»³⁸, т. е. чтобы организуемый Обществом в шовинистических целях митинг не вылился в социальный протест масс против бедственного положения, голода и нищеты, усилившейся в результате войны.

Опасаясь именно волнений масс, недовольных своим бедственным положением, правительство распорядилось наводнить улицы, прилегающие к парку Хибия, и сам парк полицейскими³⁹. Приказом министра внутренних дел митинг был запрещен на основе существовавшего в Японии с 1900 г. полицейского закона «об охране порядка и спокойствия», направленного своим острием против японского рабочего класса и крестьянства.

Несмотря на запрет властей, толпы народа прорвались в парк. Однако дальнейшие действия собравшегося на митинг народа протекали отнюдь не по планам устроителей митинга. Митинг в Хибия явился лишь толчком к революционным событиям 5—6 сентября 1905 г.

Сразу же по выходе из парка участники митинга вступили в столкновение с полицией, пытавшейся по распоряжению министра внутренних дел разогнать демонстрантов и помешать шествию. Демонстранты оказали полиции сопротивление, осыпали полицейских камнями и пустили в ход палки. К участникам митинга стали присоединяться рабочие, рикши, ремесленники, студенты. Возмущенные полицейской расправой, демонстранты двинулись к зданию резиденции министра внутренних дел. По мере продвижения шествия вперед собрались многотысячные массы трудящегося населения города. Гнев масс обратился прежде всего против полиции — непосредственных носителей власти ненавистных им господствующих классов. По пути к резиденции министра внутренних дел демонстранты принимали жечь полицейские будки и участки. Преодолевая сопротивление полиции, толпы народа прорвались к зданию резиденции. В этот момент пронесся слух о том, что в резиденции министра внутренних дел находится сам Кацура. С криками «жги министров» демонстранты бросились к зданию и подожгли его. Была предпринята попытка прорваться в само здание с целью убийства Кацура. Произошло кровавое столкновение демонстрантов с полицией, в результате которого было ранено 70 полицейских и более 100 демонстрантов⁴⁰.

Антиправительственная демонстрация оказалась столь грозной, что к резиденции министра внутренних дел были стянуты войска императорской гвардии, только после этого народные массы были оттеснены. Оче-

³⁵ См. «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 8.

³⁶ См. там же.

³⁷ См. там же.

³⁸ Цит. по «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 9.

³⁹ См. Ludovic Naudeau. Le Japon modern. Paris, 1920, p. 200.

⁴⁰ См. «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 4.

видец сентябрьских событий в Токио французский корреспондент Нодо писал, что правящие круги Японии были крайне напуганы настроениями масс. О месте нахождения министров в эти дни никто не знал⁴¹.

Выступления народных масс мгновенно распространились и на другие районы города (особенно в рабочем районе Канда, районах Асакуса, Ситаномия, Тобаси, Нихонбаси и др.). Народ жег полицейские участки и будки. Было сожжено и уничтожено много трамваев, разгромлено помещение отделения акционерной компании, ведавшей управлением городского трамвая⁴². Среди участников волнений было много безработных рикш, кули, извозчиков, а также служащих трамвая.

Волнения в Токио продолжались и 6-го сентября. За эти дни было сожжено и разрушено несколько правительственных учреждений, в том числе редакция правительственной газеты «Кокумин». По всему Токио было уничтожено более 70% полицейских будок⁴³. За 2 дня (5 и 6 сентября) было отмечено более 300 случаев столкновений с полицией и поджогов полицейских участков. Потери полиции и войск составили до 500 человек убитыми и ранеными. Число убитых и раненых участников выступлений превышало две тысячи⁴⁴.

6 сентября был издан правительственный указ о введении в Токио и его окрестностях военного положения и о подавлении «беспорядков» вооруженной силой. К 7 сентября антиправительственное движение было подавлено. Полиция произвела массовые аресты. Основную массу арестованных в ходе волнений составляли рабочие, рикши, ремесленники, кули. В результате состоявшегося над ними суда 87 человек были признаны виновными в «наибольшей активности» и в «подстрекательстве к насильственным действиям»⁴⁵. К суду были привлечены также Коно и другие организаторы митинга в Хибия. Однако за «недостатком улик»⁴⁶ они были признаны невиновными. Это служит еще одним весьма красноречивым доказательством того, что действия народных масс вышли далеко за пределы тех рамок, которые им намечала японская реакция, что те события, которые разыгрались в Токио 5—6 сентября 1905 г., не имели ничего общего с шовинистическими выступлениями, по пути которых их хотели направить.

Дополнительным аргументом в пользу этого может служить тот факт, что один из главных организаторов митинга в Хибия Коно целый день 6 сентября объезжал Токио район за районом, разбрасывая прокламации и расклеивая афиши, призывавшие народ к прекращению «беспорядков».

Возникнув стихийно, эти события вылились в яркую антивоенную демонстрацию трудящихся, задавленных голодом и нищетой, возросшими в связи с войной. Орган японских социалистов «Тёкугэн», комментируя сентябрьские выступления масс, писал, что именно война и увеличенные ею народные бедствия развязали эти события.

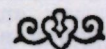
Во время событий 5—6 сентября «Тёкугэн» открыто выступил на стороне народных масс, разоблачая антинародную политику правительства Кацура и всего правящего лагеря в целом. «Тёкугэн» (№ 32) разоблачал коррупцию и разложение, царившее в правящем лагере. «И все это, — гневно писала газета, — когда семьи мобилизованных на фронт и семьи погибших на войне солдат умирали с голода, не имея пищи, замерзали, не имея во

что одеться!»⁴⁷. В этом же номере «Тёкугэн» прямо призывала к свержению правительства Кацура. «Долой правительство, пренебрегающее массами», — писала газета. В этот же день распоряжением правительства газета была закрыта.

События 5—6 сентября в Токио получили широкий отклик во всей Японии. 7 сентября 1905 г. антиправительственные выступления произошли в Кобе, 12 сентября — в Иокогаме. В Иокогаме демонстранты разрушили бронзовую статую Ито Хиробуми — одного из влиятельнейших советников императора.

Понимая подлинный смысл настроений народа, проявившихся в сентябрьских событиях, и рассматривая их как «первые шаги, которые могут привести к восстанию»⁴⁸, правящие круги Японии были крайне обеспокоены возможностью распространения революционных настроений на армию — опору своего господства. В письме начальнику штаба японской армии в Маньчжурии от 20 сентября 1905 г. маршал Ямагата, сообщая о широком отклике на токийские события во всей стране, требовал принять необходимые меры для предотвращения подобных волнений в войсках⁴⁹. Очевидно, маньчжурская армия вызывала у Ямагаты особые опасения еще и потому, что она находилась в непосредственной близости к России, где бурлили в это время революционные события. Об опасениях господствующих классов Японии за армию сообщал также находившийся в то время в Японии французский корреспондент Нодо⁵⁰.

Антивоенные выступления трудящихся Японии накануне и в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. составляют одну из славных страниц в истории борьбы японского народа за мир и свободу.

⁴⁷ Цит. по «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 10.

⁴⁸ См. выступление в японском парламенте председателя нижней палаты Оока. «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 11.

⁴⁹ См. там же, стр. 9.

⁵⁰ См. L. Naudeau. Указ. соч., стр. 212.

⁴¹ См. L. Naudeau. Указ. соч., стр. 212.

⁴² См. там же, стр. 208.

⁴³ См. «Рэкиси хёрон», 1952, № 39, стр. 4.

⁴⁴ См. там же, стр. 5.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

ИНТЕРВЕНЦИЯ США В КИТАЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1924—1927 гг.

Л. А. БЕРЕЗНЫЙ

Агрессия американского империализма в Китае имеет длительную историю. Сейчас, когда правящие круги США, нарушив подписанные ими же международные соглашения, пытаются увековечить оккупацию островов Тайвань и Пэнхуледао и использовать их как плацдарм для агрессии против Китайской Народной Республики, необходимо вспомнить о прошлых этапах американской политики в отношении Китая. Политика эта издавна была агрессивной, интервенционистской. Такой характер ее ярко проявился еще в период китайской революции 1924—1927 гг. Именно в те годы продажная клика Чан Кай-ши вступила в сговор с империалистами США. США помогли тогда Чан Кай-ши прийти к власти. С тех пор американская реакция использует чанкайшистов в своих враждебных действиях против китайского народа.

После окончания первой мировой войны американский империализм начал борьбу за мировое господство. Китай как потенциальный гигантский рынок сбыта товаров и сфера приложения капиталов стал одним из главных объектов экспансии Соединенных Штатов. Экспансия монополий США в Китае после первой мировой войны проявилась прежде всего в увеличении американского импорта. В 1920 г. доля США в китайском импорте достигла 18,78%¹ вместо 10,1% в 1908 г. Только в 1919 и 1920 гг. в Китае развернули свою деятельность 150 новых американских компаний². В Китае ко времени первой гражданской революционной войны уже было 6 американских банков, имевших 28 отделений в различных городах. Некоторые из этих отделений принадлежали таким крупнейшим американским банкам, как «Нэйшнл сити бэнк», «Чэйз нэйшнл бэнк» и др. Особенно быстро росли американские капиталовложения в период, непосредственно предшествовавший революции 1924—1927 гг. Американские капиталы вкладывались преимущественно в экспортно-импортные операции, энергетические и коммунальные предприятия. США предоставляли пекинскому правительству кабальные займы.

При помощи этих займов американские монополисты рассчитывали установить финансовый и в конечном счете политический контроль в Китае. Необходимо подчеркнуть, что экономическая экспансия США в Ки-

тае направлялась небольшим числом крупных американских монополий. Так, 82% всех американских капиталовложений в Китае принадлежало 17 крупным фирмам.

Для осуществления своих планов закабаления Китая монополии США после первой мировой войны пытались использовать созданный в 1920 г. по американской инициативе и под американским контролем новый международный банковский консорциум. Финансовый капитал США, занявший после первой мировой войны доминирующее положение в капиталистическом мире, рассчитывал использовать консорциум для того, чтобы, с одной стороны, вытеснить из Китая своих соперников, а с другой, — взять под свой контроль финансовую систему Китая и тем самым получить возможность безраздельно хозяйничать в стране и грабить китайский народ.

О том, какое значение уже в те годы американский финансовый капитал придавал Китаю как объекту колониальной экспансии, свидетельствует самый состав американской банковской группы в консорциуме. Эта группа объединяла 37 крупнейших банков США. В руководящий комитет группы входили такие банкирские дома, как «Морган и К°», «Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», «Чэйз нэйшнл бэнк», «Куин-Лэб и К°» и другие. В числе инициаторов создания консорциума были также крупный «Коммерциал траст энд сэйвинг бэнк оф Чикаго» и фирма Ли—Хиггинсон, за несколько лет до этого предоставившие пекинскому правительству займы. В целом в американской банковской группе доминировал моргановский капитал, представитель которого Томас Ламонт и вел переговоры о консорциуме.

Одновременно с созданием банковского консорциума американский империализм предпринял попытку взять под свой контроль только еще налаживавшуюся в то время радиосвязь Китая с границей. В 1921 г. Калифорнийская телеграфная федеральная компания, примыкавшая к моргановской группе, навязала пекинскому правительству соглашение, предоставлявшее этой компании право соорудить в Китае мощные радиостанции для внутренней связи и связи с границей. Однако реализовать это соглашение американским монополистам не удалось. Под давлением Англии и Японии пекинское правительство оттягивало вступление соглашения в силу. Вопрос о монополии радиосвязи в Китае в течение ряда лет являлся предметом острой борьбы между США, Англией и Японией.

Наряду с экономической экспансией США стремились усилить идеологическое воздействие на китайский народ. Империалисты США рассчитывали установить свой контроль над всей системой просвещения. В 1926 г., например, в Китае действовало 1 614 американских «просветительных» и «филантропических» организаций. Об этом свидетельствуют следующие данные:

	Северный Китай	Центральный Китай	Южный Китай
Учебные заведения . .	88	154	256
Религиозные учреждения	70	626	308
Госпитали	18	53	21
Пропагандистские уч- реждения	12	4	2
Прочие	2	—	—
Итого . . .	190	837	587 ³

¹ «Мэйго цинь хуа ши лян» (Материалы по истории американской агрессии в Китае). Пекин, 1951, стр. 203.

² C. F. Remer. Foreign investments in China, 1933, p. 281.

³ «Цзефанжибао», 11 декабря 1950 г. Пресса Китайской Народной Республики сообщила много фактов, вскрывших гнусную роль американских миссионеров и так называемых просветителей, истязавших китайских детей в своих «приютах» и осуществлявших активную шпионскую и диверсионную деятельность.

Американские расходы на миссионерскую и «филантропическую» деятельность в Китае непрерывно росли. Правящие круги США поощряли обучение китайской молодежи в учебных заведениях Соединенных Штатов. Воспитанники американских учебных заведений занимали видные посты в банках, промышленности, на государственной службе. Американский профессор Холкомб, посетивший в 1927 г. Китай, признавал: «Современное образование в Китае в значительной степени подпало под влияние людей, выученных в Америке, что будет иметь важные результаты для будущего Китая...»⁴. Американские культуртрегеры пытались воспитать китайскую интеллигенцию в духе космополитизма и раболепия перед «американским образом мышления».

В своей экспансионистской политике в Китае империалисты США стремились опереться прежде всего на феодально-милитаристские группировки. В начале двадцатых годов орудием американских империалистов в Китае стала чжилийская клика, связанная также и с английскими империалистическими кругами. США помогали чжилийской клике бороться за захват власти на всей территории Китая. Используя политику «открытых дверей», США активно вмешивались во внутренние дела Китая, способствуя разжиганию милитаристских войн в стране. Эти войны отражали обострение японо-американских противоречий в Китае. И Япония и США поддерживали различные клики китайских милитаристов⁵.

В 1920—1924 гг. чжилийская клика во главе с У Пэй-фу при содействии США вела борьбу за установление своей власти на всей территории Китая. Империалисты США полагали, что У Пэй-фу, подчинив Китай, откроет американским империалистам возможность хозяйничать во всех районах страны. Однако чжилийская клика осенью 1924 г. потерпела поражение в очередной войне с мукденскими милитаристами. Таким образом, попытка американских монополистов установить при помощи чжилийской клики свое господство во всем Китае провалилась. Американская экспансия в Китае встречала серьезное противодействие со стороны империалистических соперников США — Англии и Японии.

Но главной преградой на пути американских колонизаторов к установлению безраздельного господства в Китае был бурный рост национально-освободительного движения китайского народа. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции освободительное движение в Китае вступило в новый этап. В период массового антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 г. китайский пролетариат выступил на арену активной, самостоятельной политической борьбы. Рабочий класс Китая под руководством коммунистической партии, основанной в 1921 г., быстро вырос в серьезнейшую силу национально-освободительного движения.

В 1919—1923 гг. китайские рабочие провели ряд крупных забастовок. Развертывалось революционное движение крестьянства. В провинции Гуандун возникли первые крестьянские союзы, организованные коммунистами. Под влиянием революционного подъема активизировалась деятельность буржуазно-революционных организаций. Великий китайский революционер Сунь Ят-сен понял, что для спасения родины необходимо поднять народные массы. В 1924 г. в Китае был образован единый общенациональный антиимпериалистический фронт, объединив-

ший рабочий класс, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию, интересы которой ущемлялись империалистами. Политику кантонского правительства Сунь Ят-сена активно поддерживали рабочие и крестьяне провинции Гуандун. Кантон превращался в базу революции.

Бурное развитие революционного движения угрожало самим основам господства иностранного капитала в Китае. Империалистические державы ответили на подъем освободительного движения китайского народа интервенцией. США принимали в этой интервенции активнейшее участие. Империалисты США явились вдохновителями кровавой расправы, которую учинил У Пэй-фу в феврале 1923 г. над бастовавшими рабочими Пекин-Ханькоуской железной дороги. В конце 1923 г. американские военные корабли участвовали в военной демонстрации империалистических держав против кантонского революционного правительства Сунь Ят-сена. Военная, финансовая и дипломатическая помощь чжилийской клике была направлена для подавления национально-освободительного движения китайского народа.

Особенно усилилась американская интервенция после известных событий 30 мая 1925 г. — расстрела иностранной полицией демонстрации китайских рабочих и студентов в Шанхае, вызвавшего волну бурного протеста во всей стране. Демонстрации в крупных городах Китая, политические забастовки рабочих Шанхая и Гонконга свидетельствовали, что наступил переломный момент в национально-освободительной борьбе китайского народа против империализма. Революция грозила уничтожить господство капиталистических монополий в Китае.

Империалистические державы ответили на успехи революции расширением интервенции. Через два дня после событий 30 мая в Шанхае началась высадка десантов, причем из числа крупнейших империалистических держав именно Соединенные Штаты первыми направили военные корабли с десантными отрядами из других портов Китая, а также из Филиппин. К 5 июня в Шанхае находилось уже 26 военных судов иностранных держав, из которых 13 под американским флагом.

Государственный департамент в своих заявлениях пытался замаскировать эти интервенционистские действия США лицемерными ссылками на необходимость защитить «жизнь и собственность» американских граждан. Истинная же цель правительства США раскрывалась в секретной телеграмме государственного секретаря Келлога генеральному консулу США в Шанхае Кэннингхэму. Одобрив меры военного давления, предпринятые Кэннингхэмом и командованием американских вооруженных сил в китайских водах, Келлог писал: «Департамент озабочен тем, чтобы были предприняты все необходимые меры для предотвращения дальнейшего распространения беспорядков...»⁶. Следовательно, государственный секретарь США прямо требовал военного подавления революционного движения в Китае. Не допустить развития революции в Китае — таков смысл интервенционистских мероприятий США.

Муниципальный совет международного квартала в Шанхае, получив в качестве подкрепления десантные отряды, энергично принялся «наводить порядок». Особую активность в организации подавления революционных выступлений шанхайского пролетариата проявил председатель муниципального совета американец Фесенден, на которого падает ответственность за кровавую расправу с демонстрантами.

⁴ A. N. Holcombe. The Chinese revolution. A phase in the regeneration of a world power. Cambridge, 1930, p. 114.

⁵ См. Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 268 сл.; Лю Да-нань. История американской агрессии в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, стр. 179—186.

⁶ «Papers relating to the foreign relations of the United States, 1925» (в дальнейшем — FR), vol. I. Washington, 1940, p. 651.

Возглавляемый Фесенденом муниципальный совет объявил осадное положение в селтльменте. Собрания, митинги были запрещены. Производились массовые аресты рабочих, студентов. Всю первую неделю июня иностранная полиция и солдаты, в том числе и американские, продолжали расстреливать бастующих. Американцы врываются и в китайскую часть города, обстреливали ее из орудий. В Пекине, Ханькоу американские солдаты участвовали в разгоне демонстраций.

США и другие империалистические державы неоднократно требовали от пекинского правительства «поддержания порядка в Пекине и во всем Китае». Келлог сам указывал китайскому посланнику в Вашингтоне, что китайское правительство должно «предотвратить распространение этих (антиимпериалистических. — Л. Б.) волнений»⁷.

Таким образом, США вместе с другими империалистическими державами осуществляли интервенцию, которая в первые недели после событий 30 мая в Шанхае носила прежде всего характер военного и дипломатического вмешательства. Уже одни только приведенные выше факты разоблачают утверждения американских фальсификаторов истории о том, что США будто бы сочувствовали борьбе китайского народа за независимость⁸. Реакционные круги США сделали все зависевшее от них, чтобы задушить освободительную борьбу китайского народа, срывавшую планы американской экспансии в Китае.

Однако единый фронт империалистических держав в интервенции против революции не означал прекращения борьбы между ними из-за доли в грабеже Китая. Американские империалисты пытались использовать в своих интересах то обстоятельство, что расстрелом демонстрантов 30 мая в Шанхае и предшествовавшими ему событиями⁹ были скомпрометированы в первую очередь Англия и Япония. Соединенные Штаты различными способами старались замаскировать свое участие в империалистической интервенции и укрепить американское влияние в Китае за счет своих соперников. Американский империализм, как и в прежние годы, лицемерно рядился в тогу «бескорыстного друга» Китая. Вместе с тем американские империалисты усиливали нажим на соглашательские круги китайской буржуазии.

Участвуя в антиимпериалистическом фронте, соглашательская буржуазия с самого начала хотела использовать национально-освободительное движение в своих целях, она стремилась не допустить роста сил и организации рабочего класса, развертывания подлинно народной революции, руководимой пролетариатом.

Перегруппировку классовых сил, происходившую в ходе революции 1924—1927 гг., измену буржуазии антиимпериалистическому фронту необходимо рассматривать в тесной связи с империалистической интервенцией в целом, с интервенцией США в особенности.

Американские империалисты прилагали усилия к тому, чтобы расширить свою социальную опору в Китае путем привлечения правых группировок буржуазии. С этой целью американские империалисты, используя трещины в антиимпериалистическом фронте, противоречия между буржуазией и революционным народом, стремились отколоть китайскую буржуазию от антиимпериалистического фронта и руками

⁷ FR, 1925, vol. I, p. 734.

⁸ Именно такой фальсификацией истории политики США в отношении китайской революции является объемистое сочинение D. Borg. American policy and the chinese revolution 1925—1928, vol. VII. New York, 1947, p. 440.

⁹ Расстрел японской полицией рабочих в Циндао и убийство рабочего Гу Чжэн-хуна на одной из японских текстильных фабрик в Шанхае.

правых группировок буржуазии с помощью империалистов задушить революцию.

В 1925 г. интервенты не смогли остановить развития революционной активности народных масс. Но их вмешательство оказывало воздействие на политические позиции буржуазных кругов. Американское давление сыграло значительную роль в том, что шанхайская буржуазия летом 1925 г. отказалась поддерживать антиимпериалистическую борьбу трудящихся Шанхая и нанесла удар силам революции в этом важнейшем экономическом и политическом центре страны.

Правящие круги США широко использовали в интервенционистских целях дипломатические маневры, чтобы убедить китайскую буржуазию, что политика США будто бы отличается от политики других империалистических держав, что США якобы способны поддержать стремление китайской буржуазии получить таможенную самостоятельность и пересмотреть другие тягостные для буржуазии условия неравноправных договоров. Этим они рассчитывали укрепить политическое влияние США в Китае и ослабить позиции Англии и Японии.

В 1925 г. по инициативе США была созвана таможенная конференция держав. Более трех лет империалистические державы саботировали выполнение решения Вашингтонской конференции о созыве в Пекине конференции для рассмотрения вопроса о некотором, весьма незначительном повышении китайского таможенного тарифа. Империалисты попили на компромисс с китайской буржуазией, выдвинув лозунги так называемого судебного расследования¹⁰ и «таможенной конференции», чтобы соблазнить ими китайскую буржуазию и отколоть ее от единого антиимпериалистического фронта. Они соглашались обсуждать с Китаем вопросы таможенной автономии в том случае, если китайская буржуазия пойдет на соглашение с империалистами.

США сыграли главную роль в подготовке и в руководстве работой таможенной конференции, заседавшей в последние месяцы 1925 г. После долгих проволочек 19 ноября 1925 г. была принята резолюция, в которой державы обещали восстановить с 1 января 1929 г. таможенную автономию Китая. Но империалистические державы при этом настояли на том, чтобы пекинское правительство обязалось с этой же даты упразднить лицензий¹¹ в расчете на то, что это условие оттянет введение таможенной автономии.

Дальше принятия общей, ни к чему не обязывавшей декларации о таможенной автономии конференция не пошла. Декларативные «уступки» империалистических держав не могли удовлетворить китайскую буржуазию и повернуть ее на путь открытой контрреволюции. Национальная буржуазия не была удовлетворена результатами таможенной конференции. Она еще рассчитывала, что ей удастся овладеть национально-освободительным движением и использовать его в своих целях.

Пытаясь оторвать буржуазию от общенационального фронта, империалистические державы в то же время усиливали позиции китайских милитаристов с тем, чтобы противопоставить их крепнущей базе революции — Кантону.

Возобновление в конце 1925 г. — начале 1926 г. военных действий на Севере Китая являлось результатом прямого вмешательства империали-

¹⁰ Судебное «расследование» событий 30 мая в Шанхае было проведено империалистическими державами с целью скрыть истинных виновников кровавой расправы с демонстрантами.

¹¹ Лицензий — пошлина на внутреннюю торговлю, введенная в период Тайпинского восстания (1850—1864).

стических держав. Они были недовольны тем, что Пекин-Тяньцзиньский район контролировался армией генерала Фын Юй-сяна, все больше проявлявшего в это время стремление к сближению с национально-революционным лагерем.

США приняли участие в коллективном нажиме империалистов на Фын Юй-сяна в марте 1926 г. Как раз в те дни, когда империалистические державы предъявили ультиматум Фын Юй-сяну, американское агентство Юнайтед Пресс сообщало: «Соединенные Штаты, по соглашению с остальными, державами, решили применить силу, если Китай не отменит немедленно блокаду Тяньцзиня. Если Китай не исполнит предъявленных ему требований, — неизбежно выступление морских сил Соединенных Штатов и других держав»¹². В Дагу и Тяньцзине были сконцентрированы военно-морские суда США и других империалистических держав. Шесть американских миноносцев вышли из Манилы в Дагу. В результате Фын Юй-сян вынужден был отступить из Пекин-Тяньцзиньского района.

Выступление держав против армии Фын Юй-сяна оказало влияние на национальную буржуазию в Кантоне, содействуя ее постепенному отходу от революции. 20 марта 1926 г. реакционная верхушка гоминьдана предприняла первую попытку обуздать революцию. Коммунисты и левые гоминьдановцы были устранены с некоторых постов в кантонском правительстве и его армии; усилились позиции группировки Чан Кай-ши. Империалисты подстрекали правые круги гоминьдана к выступлениям против компартии. Между американскими представителями в Кантоне и соглашательской верхушкой гоминьдана уже в то время существовали прочные связи. Агентом американского империализма в гоминьдане являлся Сун Цзы-вэнь, ставший после гибели Ляо Чжун-кая в августе 1925 г. министром финансов кантонского правительства. Именно Сун Цзы-вэнь финансировал Чан Кай-ши, что позволило последнему укрепить свои позиции в армии. В июне 1926 г. в Кантон направился советник миссии США в Пекине Майер, который получил секретное поручение использовать любую возможность для установления контакта с лицами, тесно связанными с Чан Кай-ши.

Таким образом, весной и летом 1926 г., когда в лагере революции резко обострились противоречия между буржуазией и рабочим классом, американские империалисты расширяли связи с чанкайшистскими элементами в гоминьдане, подстрекая их к контрреволюционным выступлениям.

В июле 1926 г. начался Северный поход. Соглашательские элементы гоминьдана пытались ограничить задачи Северного похода разгромом войск северных милитаристов и расширением территории, контролируемой кантонским правительством. Крупная буржуазия рассчитывала, что ей удастся таким путем контролировать всю страну и установить в Китае свою диктатуру.

Но широкие массы китайского народа видели в национально-революционных войсках силу, несущую освобождение от гнета империалистов, помещиков, ростовщиков. Продвижение кантонских войск сопровождалось активными выступлениями рабочих, нарастанием аграрной революции. Именно в героической борьбе трудящихся Китая против угнетателей коренились причины военных успехов национально-революционных войск во второй половине 1926 г. и в первые месяцы 1927 г. В короткие сроки кантонские войска, нанеся серьезные поражения частям У Пэй-фу и Сунь

Чуан-фана, вышли в долину р. Янцзы, заняли ряд крупнейших городов Центрального Китая.

Характерной чертой развития революционного движения китайского народа в этот период являлось усиление руководящей роли пролетариата в революции. Широкий размах массового движения приводил китайскую буржуазию в трепет. Соглашательские элементы начали готовиться к прямой измене революции, к ее разгрому. В лагере революции шла перегруппировка классовых сил.

Осенью 1926 г. американская дипломатия начала вновь усиленно зондировать почву для контрреволюционного сговора с чанкайшистской группировкой в гоминьдане. В сентябре 1926 г. американский посланник Макмэррей посетил Шанхай, Нанкин и Кантон. Во время своего пребывания в Кантоне Макмэррей встречался с лидерами гоминьдана, в том числе и с Сун Цзы-вэнем. Несомненно, что американские агенты в гоминьдане, вроде Сун Цзы-вэня, ясно представляли, чего ждут от них американские империалисты.

Дипломатическое давление США сопровождалось шумной пропагандистской кампанией американской печати. Американские газеты, как по команде, заговорили о том, что кантонское правительство является наиболее влиятельной властью в Китае, что далеко не все члены этого правительства стоят на радикальных позициях, что с некоторыми гоминьдановскими лидерами можно сговориться и т. п. При этом прямо указывалось, что именно с Чан Кай-ши и его окружением легче всего найти общий язык. Стремление США к сговору с правыми группировками в кантонском лагере диктовалось также расчетами на то, что армия кантонского правительства, разгромив войска чжилийцев и мукденцев, тем самым ослабит позиции Англии и Японии, продолжавших опираться на эти клики.

Чем шире втягивались массы китайского народа в революционную борьбу, тем больше возрастало беспокойство американских империалистов. Интервенция США принимала все более активный характер.

Зимой 1926 г., после занятия войсками Чан Кай-ши Наньчана, американские империалисты направили туда председателя китайской торговой палаты в Шанхае Юй Ця-цина — земляка Чан Кай-ши. Юй Ця-цину было поручено обещать Чан Кай-ши, что он получит после овладения Шанхаем и Нанкином 60 млн. долл. при условии, если «он выступит против коммунистов и уничтожит их».

В это время американские империалисты и Чан Кай-ши договорились о совместной борьбе против революции. 21 ноября 1926 г. Чан Кай-ши опубликовал интервью, данное иностранным корреспондентам, в котором заявлял о своих симпатиях к Соединенным Штатам.

Сговариваясь с Чан Кай-ши, США в то же время усиливали военную интервенцию в Китае. Военная интервенция должна была создать благоприятные условия для контрреволюционного переворота. Уже в сентябре 1926 г. в китайских водах и в районе Филиппин были сконцентрированы крупные морские силы США, насчитывавшие 52 вымпела. Только на Янцзы, куда к этому времени вышли кантонские войска, крейсировало 8 американских кораблей. К концу сентября в район Ханькоу, где кантонские войска вели в это время бои за Учан, прибыло еще 2 американских канонерки. В связи с приближением военных действий к району Шанхая, туда начали стягиваться иностранные военные суда. В конце октября 1926 г. в Шанхае находились 16 американских военных кораблей, 9 из которых прибыли в последнюю неделю октября. В конце ноября американский консул в Ханькоу потребовал присылки новых кораблей. В начале декабря 2 американских боевых корабля прибыли в Ханькоу. Американские и английские суда высадили десанты. Кон-

¹² «Правда», 14 марта 1926 г.

центрация вооруженных сил империалистических держав в Ханькоу приобретала особое значение в связи с предстоящим переездом туда национального правительства из Кантона.

В январе 1927 г. американские военно-морские силы провели в китайских водах военно-морскую демонстрацию. Большая часть азиатского флота США, обычно базировавшегося на Филиппинах, по приказу правительства США отправилась во главе с флагманом в порты Китая. Азиатский флот США был усилен кораблями, посланными из Гуама и непосредственно из США. Наряду с военно-морскими силами США концентрировались в Шанхае и на Филиппинах также наземные войска. Помимо находившихся в Шанхае 1 500 солдат морской пехоты США, в Китай была переведена усиленная (около 5 тыс. человек) пехотная бригада с Филиппин; новые отряды морской пехоты были направлены из Гуама и Сан-Диего (военная база на тихоокеанском побережье США). Концентрация вооруженных сил США продолжалась и в дальнейшем.

Все эти мероприятия были лишь частью разработанного военным министерством США «желтого плана». Судя по имеющимся материалам, это был план еще более широкой военной интервенции, к которой американский империализм готовился прибегнуть в том случае, если уже принятые меры не приведут к подавлению революции.

По этому плану крупные военные силы должны были сосредоточиться на Филиппинах, Гуама, Гавайях и, наконец, Тихоокеанском побережье США. В случае крайней срочности предполагалось отправить в Китай войска с Филиппин. Если же время позволит, то войска намечено было отправить сначала из Гонолулу и из США с тем, чтобы силы, расположенные на промежуточных базах, оставались под рукой в качестве резерва. США готовы были направить в Китай до 15 тыс. солдат¹³.

Готовясь к открытой военной интервенции в широком масштабе, правящие круги США считали, что к ней следует прибегнуть лишь в случае крайней необходимости. Они отдавали себе отчет в том, что развитие революции в Китае дошло уже до такой стадии, когда широкое вооруженное вмешательство держав может вызвать еще больший размах антиимпериалистического движения и империалистические державы окажутся втянутыми в большую войну с китайским народом. Последнее было нежелательным для правящих кругов США как по соображениям внутрисполитического порядка, так и потому, что они опасались усиления позиций своих соперников — Англии и Японии, обладавших в то время более благоприятными, чем США, стратегическими позициями на Дальнем Востоке. Вот почему США, участвуя вместе с другими империалистическими державами в военной интервенции и готовясь на всякий случай к ее расширению, в то же время надеялись добиться разгрома революции силами крупной китайской буржуазии.

26 января 1927 г. была опубликована декларация Келлога об американской политике в Китае. Если отбросить обычные для американских официальных дипломатических документов ханжеские заверения о «желании» США видеть Китай равноправным государством и т. п., суть декларации сводилась к следующему: США соглашались обсудить вопрос о восстановлении таможенной автономии Китая и упразднении прав экстерриториальности в том случае, если в Китае будет достигнуто соглашение о назначении делегации, представляющей всю страну. Это был прямой намек на то, что если китайская буржуазия хочет

¹³ FR, 1927, vol. II, p. 104.

достигнуть своих целей, то она должна пойти на сговор с феодальными контрреволюционными группировками Севера. Таким образом, американский империализм, с одной стороны, подстегивал китайскую буржуазию к измене антиимпериалистическому фронту мерами военного давления, а с другой, манил ее возможностью восстановления таможенной автономии и осуществления некоторых других уступок. Как правильно замечает китайский историк Лю Да-нянь, Келлог своей декларацией призывал Чан Кай-ши «активнее взяться за подготовку измены революции».

Следующим актом нажима на Чан Кай-ши и одновременно помощи ему в подготовке контрреволюционного переворота было непосредственное обращение 4 февраля 1927 г. правительства США к Чан Кай-ши с требованием, чтобы обе стороны — национально-революционные войска и войска северных милитаристов — согласились исключить международный квартал Шанхая из сферы военных действий.

Этот акт американского вмешательства в гражданскую войну имел двойное значение. Обращаясь непосредственно к Чан Кай-ши, минуя министерство иностранных дел уханьского национального правительства, американская дипломатия подчеркивала, что именно в Чан Кай-ши правительство США видит реальную силу. США подстрекали Чан Кай-ши к установлению диктатуры¹⁴.

Американское обращение имело и другую цель — США пытались добиться исключения всего Шанхая из сферы военных действий между войсками Чан Кай-ши и милитаристов Севера¹⁵. Американские империалисты боялись не столько вступления в Шанхай национально-революционных войск, которыми командовал их ставленник Чан Кай-ши, сколько того, что освобождение Шанхая явится еще одним стимулом для роста активности рабочего класса.

19 февраля 1927 г. рабочие Шанхая объявили политическую забастовку. Эта забастовка переросла в восстание, но оно потерпело неудачу. Поражение восстания объяснялось, с одной стороны, недостаточной его подготовкой, а с другой — тем, что национально-революционные войска, руководимые чанкайшистскими генералами, вместо того, чтобы поспешить на помощь восстанию, приостановили свое продвижение к Шанхаю. Милитарист Сунь Чуан-фан получил возможность подавить восстание. Совершенно очевидно, что прекращение наступления на Шанхай в момент рабочего восстания явилось ответом Чан Кай-ши на требование американских империалистов сорвать выступление шанхайских рабочих.

Восстание в Шанхае показало империалистам, что пролетариат становится решающей силой антиимпериалистического движения. Империалистические державы все более открыто грозили вооруженной расправой с революцией. 5 марта 1927 г. 1 500 солдат американской морской пехоты в полном вооружении высадились на берег и продефилировали по улицам Шанхая, демонстрируя свою готовность применить оружие. Подобные демонстрации англо-американских войск повторялись неоднократно. В Шанхай продолжали прибывать суда американского военно-морского флота.

¹⁴ Именно так оценивал американский демарш министр иностранных дел Уханя Чэнь Ю-жэнь, заявивший в протесте правительству США по поводу демарша, что вручение американской ноты непосредственно Чан Кай-ши подразумевает наличие в революционном лагере диктатуры (FR, 1927, vol. II, p. 66).

¹⁵ Требовать нейтрализации международного квартала было незначительно, так как уханьское правительство неоднократно заявляло, что революционные войска не предполагают вести военные операции против международного квартала. Чэнь Ю-жэнь так и расценивал обращение США как требование нейтрализации всего Шанхая (FR, 1927, vol. II, p. 73).

20 марта 1927 г. национально-революционные войска подошли, наконец, к предместью Шанхая — Лунхуа.

Организации компартии в Шанхае проделали большую работу по подготовке вооруженного выступления. Усилилась работа в массах городской бедноты и мелкой буржуазии. Рабочие-железнодорожники парализовали перевозки милитаристских войск. Были созданы вооруженные рабочие дружины, насчитывавшие 5 тыс. бойцов.

Приближение национально-революционных войск ускорило переход шанхайского пролетариата в наступление. 21 марта по призыву профсоюзного центра в Шанхае началась всеобщая забастовка, в которой приняло участие 800 тыс. человек. Забастовка сразу же переросла в восстание. Восстанием руководили Чжоу Эн-лай, Чжао Ши-янь, Ло И-пун и другие коммунисты.

Немедленно после начала восстания представитель руководящего центра восстания отправился в Лунхуа в ставку чанкайшистских войск с просьбой, чтобы они вступили в город и оказали помощь повстанцам. Однако генерал Бай Чун-си по прямому приказу Чан Кай-ши отверг эту просьбу. Чан Кай-ши рассчитывал, что шанхайский пролетариат истечет кровью в борьбе с милитаристами и тогда ему, Чан Кай-ши, будет легче расправиться с рабочими.

Так, Чан Кай-ши, выполняя требования американских империалистов, второй раз предал шанхайских рабочих. Но шанхайские рабочие, хорошо подготовившие восстание, сумели и сами справиться с полицией и войсками милитаристов. После двух дней ожесточенной уличной борьбы силы милитариста Сунь Чуань-фана были разгромлены. Восстание шанхайского пролетариата, являющееся одной из славных страниц в истории борьбы китайского пролетариата за свободу и независимость, победило. Овладев китайской частью города, рабочие Шанхая не решились, однако, на захват международного квартала. Они стояли лицом к лицу с мощными военными силами империалистов, готовых открыть артиллерийский огонь с военных кораблей и двинуть десантные войска. Только после свержения власти милитаристов рабочим классом Шанхая войска Чан Кай-ши вступили в город.

Представитель штаба Чан Кай-ши генерал Бай Чун-си, прибыв в Шанхай, немедленно обратился к населению с заявлением, что революционные власти не намерены восстанавливать суверенитет Китая с помощью силы и что никакие действия подобного рода не будут допущены. Эта позиция чанкайшистского руководства вполне удовлетворяла американских дипломатов, но они сомневались, хватит ли у Чан Кай-ши решимости и сил для расправы с вооруженными шанхайскими рабочими. Предпринятая американско-английским флотом 24 марта 1927 г. варварская бомбардировка Нанкина и была рассчитана на то, чтобы оказать давление на революционную уханьскую армию и облегчить измену Чан Кай-ши.

Злодеяния американских и английских империалистов в Нанкине вызвали возмущение всего передового человечества. Велико было негодование советского народа. Рабочие Москвы, Ленинграда и других городов СССР гневно протестовали против действий интервентов и призывали пролетариев всех стран единодушно поднять свой голос в защиту революционного Китая. На весь мир прозвучал могучий призыв советских людей: «Руки прочь от Китая!».

Нанкинские расстрелы послужили сигналом к новому размежеванию сил в стране. Мощный размах массового революционного движения, боевой характер выступлений рабочего класса и крестьянства, рост руководящей роли пролетариата в движении испугали буржуазию. Она готова

была к измене революции. Но перед лицом могучего движения масс крупная буржуазия не чувствовала в себе достаточно сил для того, чтобы, предав революцию, суметь подавить ее. Усиление империалистической интервенции, проявившееся в огромной концентрации вооруженных сил империалистов в Шанхае, открытое военное выступление США и Англии в Нанкине должны были подбодрить контрреволюционных заговорщиков.

Чан Кай-ши поспешил заверить империалистические державы, что он гарантирует иностранцам защиту и что его войска воздержатся от дальнейших выступлений. Между представителями империалистических держав и штабом войск Чан Кай-ши был установлен непосредственный контакт. Сам Чан Кай-ши, прибыв в Шанхай, поспешил явиться 29 марта 1927 г. на борт флагманского корабля американской эскадры в Шанхае для совещания с адмиралом Вильямсом о «поддержании порядка в Шанхае». Еще дымились развалины Нанкина, а Чан Кай-ши уже 28 марта в своем заявлении корреспондентам иностранных газет, лицемерно выразив сожаление (!) по поводу участия кораблей США в бомбардировке Нанкина, сказал: «Я всегда высоко ценил симпатии американцев к национальному движению»¹⁶. США усиливали военное давление, продолжая концентрацию вооруженных сил и всем своим поведением демонстрируя готовность вновь пустить в ход оружие. При этом, однако, недвусмысленно подчеркивалось, что эти меры направлены прежде всего против уханьского национального правительства, а также против рабочих в Шанхае, а не против группы Чан Кай-ши. В официальных сообщениях правительства США высказывалась надежда на то, что в гоминьдане возьмут верх правые и этим будет предупрежден конфликт с иностранцами. Подстрекая Чан Кай-ши к контрреволюционному перевороту, США готовились к дальнейшему расширению военной интервенции на случай, если Чан Кай-ши не сумеет остановить развитие революции. На совещании командующих флотами империалистических держав в китайских водах американский адмирал Вильямс внес предложение осуществить следующие меры: «...захват фортов Усуна и разрушение находящихся там батарей, захват кантонских военно-морских кораблей... Поступательная бомбардировка фортов на Янцзы... Разрушение арсенала в Ханькоу... Бомбардировка военных казарм, лагерей в пунктах по выбору... Блокада той части морского побережья, которая находится под контролем кантонцев»¹⁷. Именно в эти дни были разработаны планы отправки армейских частей США в Китай. В печати сообщалось о продолжавшейся в США подготовке новых военных контингентов для отправки в Китай.

Убедившись в том, что Чан Кай-ши вполне подготовлен к роли палача революции, империалистические державы 11 апреля предъявили ультиматум, суть которого сводилась к требованию подавить революцию. Чан Кай-ши ответил контрреволюционным переворотом и последовавшим за ним разгулом белого террора. 18 апреля Чан Кай-ши образовал свое так называемое национальное правительство в Нанкине и начал на контролируемой им территории зверски истреблять лучших сынов китайского народа. Заказ империалистов был выполнен.

Составной частью интервенционистской политики США было стремление изолировать Китай от СССР и подорвать растущий авторитет Советской страны в широких массах китайского народа. Американская дипломатия явилась одним из вдохновителей бандитского палата на совет-

¹⁶ «Правда», 29 марта 1927 г.

¹⁷ FR, 1927, vol. II, p. 178.

ское посольство в Пекине 6 апреля 1927 г. Американец Фесенден явился непосредственным организатором блокады советского консульства в Шанхае 7—9 апреля. В этой блокаде, предпринятой в провокационных целях, принимали участие американские «добровольцы» и американские солдаты. Уже в первые дни после образования нанкинского контрреволюционного правительства был установлен постоянный контакт между ним и дипломатическими представителями США. Предатели китайского народа подчеркивали свое желание урегулировать отношения в первую очередь именно с США. Чтобы заслужить доверие американских монополистов, Чан Кай-ши и его клика всячески высказывали свою враждебность коммунизму. Чан Кай-ши, рядясь в тогу борца за национальные интересы Китая, публично объявил: «... представитель Америки вошел с нами в контакт и заявил, что в вопросе о нанкинском инциденте Америка абсолютно не желает производить на нас давления»¹⁸. Американский представитель выразил желание помочь успеху нашей гоминьдановской революции... Но для победы гоминьдана необходимо предварительно уничтожить китайскую компартию»¹⁹.

Уничтожить авангард китайского пролетариата, разгромить массовое революционное движение — вот к чему стремились и американские империалисты, и крупная китайская буржуазия. На основе этой общности целей и произошел сговор злейших врагов китайского народа — американских империалистов и Чан Кай-ши. К подавлению революции и были направлены их совместные усилия.

Контрреволюционный переворот Чан Кай-ши не означал еще поражения революции. На территории, контролировавшейся уханьским правительством, все выше подымалась волна аграрной революции, в которую втягивались миллионы крестьян. Укреплялась руководящая роль пролетариата и коммунистической партии.

Рост сил революции в Китае вызывал ненависть американских империалистов. Добившись измены национальной буржуазии антиимпериалистическому фронту, США стали оказывать давление на уханьское правительство, представлявшее собой блок мелкобуржуазной интеллигенции с коммунистами. Хотя никакой угрозы иностранцам на территории уханьского правительства не было, США продолжали эвакуацию из этих районов своих граждан. Американские дельцы намеренно закрывали свои предприятия, конторы, банки с тем, чтобы посеять панику, искусственно создать безработицу и усугубить экономические трудности уханьского правительства. Широким фронтом продолжалась концентрация американских вооруженных сил, в особенности на севере Китая, куда продвигались уханьские войска. В Тяньцзинь был отправлен американский крейсер, другой американский корабль вышел в Циндао. 8 апреля из Сан-Диего (США) в Шанхай отбыл отряд морской пехоты, ему были приданы артиллерия и авиация. К концу апреля в районе Тяньцзинь—Пекин было сконцентрировано около 5000 солдат американской морской пехоты. 26 апреля морское министерство США объявило об отправке в Гонконг 12 американских подводных лодок. В начале июня 1927 г. было объявлено о том, что в Северный Китай перебрасывается свыше 5000 солдат американской морской пехоты:

¹⁸ Это была ложь. Во время происходивших в этот период переговоров между нанкинскими и американскими дипломатами последние отнюдь не проявляли намерения отказаться от основных требований, предъявленных в ультиматуме от 11 апреля (см. FR, 1927, vol. II, p. 226—227). В соглашении по поводу нанкинского инцидента, заключенном между США и нанкинским правительством в 1928 г., клика Чан Кай-ши полностью приняла требования США.

¹⁹ «...» 14 мая 1927 г.

3500 человек из Шанхая и 1700 человек — с Филиппин. Американские войска имели танки и авиацию. Главным районом концентрации был Тяньцзинь. Империалисты даже готовились к прямой оккупации Тяньцзиня в случае угрозы занятия его войсками уханьского правительства. В военном давлении империалистических держав на Китай летом 1927 г. США играли главную роль.

Американские империалисты стремились непосредственно воздействовать на мелкобуржуазные элементы уханьского правительства, которые в страхе перед все усиливавшейся аграрной революцией также начали переходить на сторону контрреволюции. В июне 1927 г. Ханькоу посетил американский сенатор Бингхэм, являвшийся неофициальным представителем президента Кулиджа. Бингхэм имел встречи с лидерами гоминьдановцев, требовал от них разрыва с компартией.

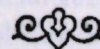
Интервенционистская политика США и других империалистических держав, наряду со страхом мелкобуржуазной интеллигенции перед ростом массового движения и упрочением гегемонии пролетариата в революции, способствовали переходу уханьских гоминьдановцев в лагерь контрреволюции.

С изменой уханьских гоминьдановцев разгул белого террора распространился по всему Китаю. Революция потерпела временное поражение. И одной из главных причин этого поражения явилась империалистическая интервенция, в которой США приняли активное участие.

Интервенция США способствовала установлению в Китае власти клики Чан Кай-ши, которая предала революцию, предала национальные интересы родины и отдала ее на ограбление американскому капиталу.

Интервенция США в Китае в 1924—1927 гг. еще раз показала, что американский империализм всегда поддерживал все наиболее продажные, реакционные силы.

Опыт истории свидетельствует, что чанкайшистская реакция оказалась гнилой опорой американской экспансии в Китае. Несмотря на поражение революции в 1927 г., силы китайского народа не были сломлены. Коммунистическая партия Китая спланировала рабочих и крестьян Китая, вовлекала в национально-освободительное движение все прогрессивные силы страны, продолжала борьбу с внутренними и внешними врагами и привела китайский народ к великой исторической победе — образованию Китайской Народной Республики.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПАНСИИ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ИРАНЕ

(Миссия Моргана Шустера 1911 г.)

М. С. ИВАНОВ

В современной советской и прогрессивной зарубежной историографии уже имеется ряд работ, освещающих и разоблачающих контрреволюционную роль русского царизма и английского империализма в подавлении антифеодальной и антиимпериалистической революции 1905—1911 гг. в Иране. Однако до сих пор появилось немного работ, характеризующих позицию США в иранской революции, что позволяло апологетам американского империализма изображать правящие круги США защитниками демократии не только в своей стране, но, в частности, и в Иране. В данной статье предпринята попытка показать роль империализма США в Иране на последнем этапе иранской революции 1905—1911 гг. стремление американской финансовой миссии Шустера укрепить позиции США в этой стране, подготовить почву для последующей экспансии американских монополий в Иране и добиться обострения англо-русских противоречий.

* * *

Первая попытка США проникнуть в Иран относится ко второй четверти XIX в. Первые американские представители в Иране — пресвитерианские миссионеры — обосновались в Урмии, откуда стали постепенно распространять свою деятельность на Азербайджан и центральный Иран. Американские миссионеры в Иране получали из США крупные денежные субсидии и, прикрываясь религиозной и филантропической деятельностью (организация школ, больниц и аптек), вели среди местного населения проамериканскую пропаганду и занимались шпионажем.

Начало установлению дипломатических отношений между США и Ираном положил неравноправный для Ирана «Договор о дружбе и торговле», подписанный представителями обоих государств 13 декабря 1856 г. в Константинополе (после англо-иранской войны). По этому договору США получили право экстерриториальности для американцев в Иране. Договор предусматривал обмен между США и Ираном дипломатическими и консульскими представителями. Договор 1856 г. был первой официальной дипломатической попыткой США обеспечить американскому капиталу возможность колониальной эксплуатации Ирана. В 1883 г. в Тегеране открылась американская постоянная дипломатическая миссия

(до этого американские интересы в Иране представляла английская миссия). Единственным предлогом и оправданием существования в Иране американских дипломатических представителей было наличие в этой стране американских миссионеров. В 1872 г. отделение американской пресвитерианской миссии было открыто и в Тегеране. Кроме того, американские миссионеры обосновались в Тавризе и Хамадане, а к началу XX в. также в Реште и Казвине.

Но американцы не ограничивались только деятельностью миссионеров в Иране. Уже в конце XIX в. они пытались получить концессии. Так, в 1887 г. американский дипломатический представитель в Иране Виндсон пытался реализовать полученную им железнодорожную концессию в Иране.

Во время иранской революции 1905—1911 гг. американский империализм сделал серьезную попытку проникнуть в Иран и закрепить в этой стране свои позиции.

Иранская революция 1905—1911 гг. развернулась вслед за русской революцией 1905 г. Она являлась антифеодальной и антиимпериалистической революцией и была направлена против феодальных порядков, препятствовавших развитию страны, и против империалистических держав, закабавших Иран. Основными движущими силами иранской революции были крестьянство, зарождавшийся рабочий класс, городская мелкая буржуазия и иранская национальная буржуазия. Стремясь использовать народное, демократическое движение в своих интересах, к нему примкнули либеральные помещики, духовенство и крупная компрадорская буржуазия, которые, воспользовавшись слабостью рабочего класса и отсутствием революционной партии, захватили руководство движением.

Под давлением народного, демократического движения в 1906 г. был создан меджлис, который в 1906—1907 гг. утвердил конституцию с дополнениями, ограничившую власть шаха и провозгласившую некоторые буржуазные права и свободы. Широкие демократические слои населения приняли в революции активное участие. Во время революции были созданы энджумены, которые в ряде случаев противопоставляли себя официальным органам власти и осуществляли некоторые функции управления; федайские отряды, игравшие роль революционной гвардии; моджахидские организации, находившиеся под влиянием революционных социал-демократов и выдвигавшие программу требований, отражавшую интересы рабочих, крестьян и других демократических слоев населения. В разных районах Ирана развертывалось антифеодальное движение крестьян, зарождалось рабочее движение, происходили массовые антиимпериалистические выступления.

Напуганные ростом активности демократических слоев и углублением революции либералы проводили соглашательскую тактику, стремились к компромиссам с реакцией; значительная часть либералов к середине 1908 г. сомкнулась с шахским двором. Это приводило к дезорганизации демократического движения и усилению позиций шаха и реакции, которых в борьбе против революции поддерживали империалистические державы. Все это дало возможность реакции, возглавляемой шахом Мохаммед-Али, совершить 23 июня 1908 г. реакционный переворот, разогнать первый меджлис и энджумены.

Но переворотом 23 июня 1908 г. иранской реакции и империалистам не удалось покончить с революцией. В результате вспыхнувшего в июне 1908 г. в Тавризе демократического восстания, революционного переворота в начале 1909 г. в Гиляне и похода гилянских федаев и бахтиарских отрядов на Тегеран в июле 1909 г. Мохаммед-Али был свергнут с престола

Шахом был провозглашен его малолетний сын Ахмед с регентом при нем, было объявлено о восстановлении конституции и в ноябре 1909 г. созван второй меджлис. Ввиду крайней слабости в Иране рабочего класса либеральные помещики и крупная буржуазия, связанная с феодальным землевладением и иностранным капиталом, захватили власть в свои руки. Они разоружили в Тегеране федайские отряды героев Тавризского восстания Саттара и Багира, приняли меры к пересмотру конституции и подавлению демократического движения. Правительство либералов пыталось разрешить переживаемые страной серьезные финансовые трудности путем заключения новых иностранных займов и приглашения иностранных финансовых советников, что способствовало дальнейшему закабалению Ирана иностранным капиталом.

В составе второго меджлиса имелись две основные фракции: «умеренные», представлявшие интересы правых помещичье-буржуазных кругов, и «демократы», или «крайние», которые представляли интересы зарождавшейся национальной буржуазии и являлись левой фракцией меджлиса. Наряду с фракцией в меджлисе «демократы» имели свои партийные организации в Тегеране, Мешхеде, Тавризе и некоторых других городах.

В области внутренней политики между «умеренными» и «демократами» существенной разницы фактически не было. Поддерживаемое «умеренными» правительство крупного феодала Сенахдара (находилось у власти с июля 1909 г. по июль 1910 г.) и опиравшееся на «демократов» правительство Мостоуфи-эль-Мамалека (с июля 1910 г. до начала 1911 г.) по существу проводили в области внутренней политики линию на свертывание революции. В области внешнеполитической «умеренные» ориентировались на Англию и царскую Россию, а «демократы» и правительство Мостоуфи-эль-Мамалека пытались, опираясь на империалистическую Германию и США, ограничить позиции вышеуказанных держав, и в особенности царской России. «Демократы» не понимали, что политика Германии и США определялась такими же империалистическими целями, как и политика Англии и царской России, и не имеет ничего общего с интересами укрепления национальной независимости Ирана.

В конце 1910 г. правительство Мостоуфи-эль-Мамалека начало переговоры с США о приглашении в Иран американских финансовых советников. Это было использовано американскими империалистическими кругами как удобный повод для более активного вмешательства в дела Ирана.

25 декабря 1910 г. министр иностранных дел Ирана Хосейн-Кули хан Навваб предложил иранской миссии в Вашингтоне обратиться в государственный департамент США по поводу приглашения в Иран финансовых советников на должности главного казначея и его помощников. Уже в январе 1911 г. государственный департамент США рекомендовал Ирану пять финансистов во главе с Морганом Шустером¹. Формально американское правительство не участвовало в дальнейших переговорах об условиях, на которых приглашались финансовые советники в Иран, но фактически Шустер и его помощники были посланы в Иран капиталистическими компаниями и государственным департаментом США, по инструкциям которого Шустер в дальнейшем и действовал. Сам Шустер в своей книге признает, что перед отъездом в Иран он неоднократно имел беседы в государственном департаменте. Для колонизаторских намерений правящих империалистических кругов США характерно то, что на должность главного казначея и его помощников го-

сударственный департамент избрал лиц, имевших опыт колониальной администрации. Шустер еще в начале 90-х годов XIX в. возглавлял таможенные управления на Кубе и Филиппинах; его помощники — Хилл, Кескей и Дикей раньше также являлись чиновниками американской колониальной администрации на Филиппинах и Кубе².

8 апреля 1911 г. Шустер, Кескей, Хилл и Дикей выехали из Нью-Йорка в Иран и 12 мая прибыли в Тегеран.

Правящие империалистические круги США поставили перед Шустером задачу: подготовить условия для проникновения американского капитала в Иран и укрепления в этой стране позиций США. Американские империалисты считали, что выполнить эту задачу они смогут только в том случае, если им удастся подорвать влияние России в Иране. Понимая, однако, что своими силами вытеснить Россию из Ирана им не удастся, Шустер и его помощники стремились использовать англо-русские противоречия и в борьбе против России опереться на Англию. Эта тенденция красной нитью проходила через всю деятельность Шустера в Иране. Английская дипломатия в свою очередь стремилась использовать Шустера для ослабления влияния России и укрепления своих собственных позиций. Поэтому-то между Шустером и английскими представителями в Иране сразу же установились довольно тесные отношения.

В Тегеране Шустер разработал так называемый законопроект о «реорганизации финансового ведомства Ирана», фактически предусматривавший предоставление ему чрезвычайных полномочий. Этот законопроект был утвержден меджлисом 13 июня. За утверждение его голосовали шестьдесят один депутат, против трех депутатов. В числе последних был участник Тавризского восстания 1908—1909 гг. депутат меджлиса от Азербайджана шейх Мохаммед Хиабани, который в 1920 г. возглавил восстание азербайджанских демократов в Тавризе. Голосовавшие против принятия этого законопроекта заявляли, что под видом закона о реорганизации финансового ведомства Шустеру предоставляются исключительные права и полномочия³.

По этому закону Шустер в качестве главного казначея Ирана получал право контроля над всеми финансовыми операциями правительства, включая сбор налогов, ревизию и отчетность. Он мог организовать Главное управление по сбору всех налогов и доходов государства, Главное управление ревизии, контроля и отчетности по всем доходам и расходам и Главное управление денежных расчетов, которое должно было осуществлять все расчеты правительства с банками, операции по чеканке монеты, денежному курсу, займам, уплате процентов, погашению долгов, конверсиям займов, по концессионным и финансовым соглашениям как приносящим правительству доход, так и включающим финансовые обязательства правительства. Он мог по своему усмотрению создавать отделы этих учреждений в центре и в провинциях, а также составлять инструкции о порядке их деятельности. Закон отдавал государственное казначейство в ведение Шустера, без подписи которого не мог быть произведен ни один прямой расход или открыт какой-либо кредит. В функции главного казначея входило составление государственного бюджета, для чего все иранские министерства и должностные лица обязаны были немедленно доставлять ему все необходимые сведения. Ему предоставлялось право разрабатывать и вносить через правитель-

² См. «Blue book. Persia», № 3, 1912, p. 22; Центральный государственный исторический архив Ленинграда (в дальнейшем — ЦГИАЛ), ф. 560, оп. 28, д. 295, л. 230.

³ См. «Мозаикерато маджлесе доурее доввом» (Протоколы второго меджлиса). Тегеран, 1911, стр. 1382—1391.

¹ M. Shuster. The strangling of Persia. New York, 1912, p. 3—4.

ство в меджлис проекты изменения существующих финансовых законов, а также изыскивать новые источники доходов. Последняя статья закона предоставляла Шустеру неограниченные полномочия в отношении личного состава подведомственных ему учреждений⁴.

Таким образом, Шустеру были предоставлены исключительно широкие права и полномочия, которые ставили под его контроль финансы и другие отрасли экономики, а также и политическую жизнь Ирана. В обзоре событий в Тегеране, составленном русской миссией, не без основания говорилось, что, используя этот закон, Шустер «будет пользоваться гораздо большими правами, чем не только министр финансов, но и весь кабинет министров»⁵.

Иранское правительство и меджлис оправдывали предоставление американцам исключительных полномочий, нарушавших суверенитет и национальную самостоятельность страны тем, что США, находясь далеко от Ирана, якобы не могут иметь здесь захватнических интересов в отличие от Англии и царской России. Буржуазные иранские националисты относились в общем благожелательно к первой американской миссии; они наивно полагали, что «нейтральные» США можно противопоставить Англии и царской России, чтобы ослабить позиции этих империалистических держав, угрожавших интересам иранской буржуазии. Однако расчеты иранских буржуазных националистов не оправдались. Исключительные полномочия нужны были Шустеру не для укрепления финансовой и экономической самостоятельности Ирана, а для подчинения Ирана американским империалистам.

В области финансов Шустер пошел по пути, проложенному иранским правительством, — по пути заключения новых иностранных займов и введения новых налогов. Шустер всячески способствовал быстрой реализации английского займа в 1 250 тыс. ф. ст., соглашение о котором было подписано в апреле 1911 г. Не дожидаясь утверждения закона о его полномочиях, Шустер уже 4 июня договорился с директором английского Шахиншахского банка о выдаче этим банком аванса в 250 тыс. туманов в счет нового займа. В августе 1911 г., когда почти весь английский заем был уже израсходован, а иранская казна опустела, Шустер пытался заключить новый, еще более кабальный иностранный заем. С этой целью он обратился к представителю лондонского банкирского дома Зелигмана полковнику Беддосу с просьбой о предоставлении нового займа в сумму 4 млн. ф. ст. Шустер проектировал израсходовать новый заем на выплату долга русскому Учетно-судному банку, чтобы подорвать позиции и влияние России в Иране, а также на покрытие расходов, связанных с деятельностью американской миссии в Иране. Пытаясь замаскировать действительное назначение нового займа, Шустер заявлял, что он будет предназначен также для ирригационных работ, улучшения дорог, развития торговли и земледелия. Заем предполагалось заключить сроком на сорок лет под обеспечение таможенных доходов как северных, так и южных таможен, доходов монетного двора, паспортных доходов, налоговых поступлений и доходов с государственных земельных владений в Тегеране и Азербайджане. В случае неуплаты по займу, банкирский дом Зелигмана мог установить свой контроль над любым из названных доходов, кроме таможен.

⁴ См. «Собрание законов и постановлений первого и второго меджлиса», стр. 314—316; см. также М. Shuster. Указ. соч., стр. 356—358 и «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», вып. VI. СПб., 1913, стр. 159—161.
⁵ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. перс. ст., д. 926, л. 146—147.

Проектируемые Шустером условия займа предусматривали, что должность иностранного советника — главного казначея, которую занимал Шустер, должна сохраняться до погашения долга, т. е. в течение сорока лет; а принадлежащие ему права могли быть урезаны в течение этого времени только с согласия Зелигмана. Расходование займа должно производиться главным казначеем с разрешения меджлиса и с согласия специального представителя Зелигмана в Тегеране⁶. Содержание этого представителя относилось на счет иранского правительства.

Таким образом, проектируя условия нового иностранного займа, Шустер преследовал далеко идущие империалистические цели. В случае осуществления этих колонизаторских планов, банкирский дом Зелигмана и стоявшие за ним Англия и США могли бы установить контроль над Ираном.

Кроме нового кабального иностранного займа, Шустер проектировал также увеличение старых и введение новых налогов. Он предложил ввести налог на табак в размере одного крана на один батман и дополнительный налог на папиросы и другую готовую табачную продукцию. Налог на кишки он предложил заменить налогом на каждое забитое мелкое животное (овца, ягненок и т. д.). Кроме того, он планировал увеличение налога на мясо. Далее Шустер предлагал ввести обложение гербовым сбором разного рода договоров, предусматривал увеличение налогов на вино, опиум, пересмотр таможенных тарифов⁷.

Шустер пытался поставить под американский контроль внешнюю торговлю Ирана, подчинить себе таможенное управление, а также существовавшие в Иране вооруженные силы. Шустер вынудил военное министерство признать за ним право отпускать деньги на содержание иранских войск не по данным, представленным военным министерством, а по его собственным «данным»⁸, т. е. право вмешиваться в военные дела. В июле 1911 г. Шустер добился полномочий советника военного министерства⁹. Не ограничившись этим, он стремился создать воинские подразделения, целиком подчиненные только ему. Шустер начал создавать воинские части численностью в 12—15 тыс. человек под видом специальной финансовой жандармерии, предназначенной якобы для сборов налогов¹⁰. В то время войска центрального иранского правительства состояли из недисциплинированных и небоеспособных отрядов, а единственная регулярная иранская воинская часть — казачья бригада насчитывала всего около полутора тысяч человек.

Шустер запасал оружие для подчиненной ему военной силы. Когда в конце июля 1911 г. в Тегеран прибыла партия закупленного Сепакдаром в России оружия (7 тыс. винтовок и 4 млн. патронов), Шустер явочным порядком забрал себе 1500 винтовок и 600 тыс. патронов и сложил их в своей резиденции — парке Атабек Азама¹¹. К осени 1911 г. были уже созданы первые отряды жандармов Шустера.

Шустер постепенно увеличивал количество американских советников в Иране. К концу 1911 г. в Иране было уже четырнадцать американских советников, кроме самого Шустера. В числе их были четыре офицера-инструктора жандармерии¹².

⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 28; «Международные отношения в эпоху империализма», сер. II; т. 18, ч. 2, № 482; М. Shuster. Указ. соч., стр. 305—306.

⁷ См. М. Shuster. Указ. соч., стр. 305—306.

⁸ См. там же, стр. 93.

⁹ АВПР, ф. перс. ст., д. 926, л. 204.

¹⁰ См. М. Shuster. Указ. соч., стр. 392.

¹¹ См. там же, стр. 103.

¹² См. там же, стр. 216.

Стремясь захватить руководство всеми важными отраслями хозяйства Ирана, Шустер, под видом снабжения столицы хлебом, прибрал к рукам также и сбор пшеницы и другого зерна в стране¹³.

Шустер пытался использовать закон от 13 июня 1911 г., чтобы лишить иранских министров реальной власти и забрать власть в свои руки. Вот как сам Шустер описывал свою деятельность в министерстве финансов: «Я взял под свое управление все отделы министерства финансов, оставив министра финансов, его заместителя, генерального секретаря и главу кабинета министров в их великолепии и свободными от беспокойства и необходимости отдавать какие-либо приказы или подписывать какие-либо правительственные обязательства»¹⁴.

Постепенно Шустер начал забирать в свои руки все отрасли управления страной, совершенно не считаясь с правительством. Шустер вел переговоры о займе, о концессиях на строительство железных дорог, о покупке оружия и т. д., даже не осведомляя правительство и министров о своих намерениях. Путем отпуски или отказа в кредитах министерствам он оказывал давление на распоряжения министров, отказывался выполнять предписания совета министров и т. д. При этом он действовал в весьма грубой форме, не желая считаться с самолюбием иранских министров и хотя бы внешне соблюдать такт в отношениях с иранским правительством и министрами.

Шустер не желал считаться также и с существующими законами страны. Так, вопреки действующим иранским законам, он самочинно организовал специальный суд в составе чиновников его ведомства для разбора дел тех чиновников, которые нарушали его распоряжения и инструкции. По его приказу при этом суде в Тегеране была даже создана специальная арестантская, тюрьма для чиновников, нарушающих его приказы¹⁵. Им была организована собственная тайная полиция — осведомительная служба для шпионажа в различных министерствах и государственных учреждениях Ирана. Находящиеся на содержании Шустера агенты собирали для него сведения о поведении чиновников финансового ведомства, подслушивали телефонные разговоры, выкрадывали документы и т. д. В своей книге Шустер неоднократно отмечает, что он получал различные сведения от своих осведомителей — шпионов¹⁶. Шустер организовал для себя личную вооруженную охрану¹⁷.

Вопреки условиям контракта с иранским правительством Шустер неоднократно активно вмешивался в иранские политические дела, навязывал свои «советы» регенту, министрам, депутатам меджлиса и начальнику полиции.

Не считаясь с мнением иранских министров, он установил размеры ежемесячных расходов для каждого министерства и отказался выдавать министерствам деньги сверх этих, произвольно установленных им сумм. Он вел себя вызывающе, как диктатор, по отношению к иранским министрам. В ответ на отказ военного министра согласиться с выработанным для него администрацией Шустера бюджетом Шустер вообще отказался выплачивать какие-либо суммы на содержание центрального аппарата военного министерства¹⁸.

Вызывающее поведение Шустера обостряло внутриполитическое положение в стране и способствовало еще большей дезорганизации деятель-

ности правительства. 15 июня 1911 г. в связи с отказом меджлиса утвердить предложение правительства по вопросу о бюджете министерства двора, премьер-министр Сепехдар подал в отставку и выехал в Решт. В конце концов Сепехдара уговорили вернуться (9 июля 1911 г.) в Тегеран и приступить к исполнению обязанностей премьера. Но уже 13 июля он снова подал в отставку, а за ним 15 июля вышли в отставку все остальные министры. В дальнейшем министерская чехарда продолжалась. В связи с узурпаторским и диктаторским поведением Шустера и непрерывными министерскими кризисами русский посланник в Тегеране Поклевский в донесении Нератову от 9 августа 1911 г. писал: «...по-моему, правительство в Персии теперь пустой звук»¹⁹. Уже в июле 1911 г. правительство обсуждало вопрос о необходимости ограничить полномочия и деятельность Шустера. Осенью 1911 г. иранское правительство требовало от меджлиса ограничения полномочий Шустера, угрожая в противном случае отставкой. Умеренное большинство меджлиса сначала готово было согласиться на этот шаг. На неофициальных совещаниях министров с депутатами меджлиса была уже выработана редакция дополнительной статьи к закону от 13 июня, согласно которой главный казначей мог пользоваться своими полномочиями только под ответственность министра финансов, действующего с одобрения кабинета министров. Однако «крайние» («демократы»), не утратившие еще иллюзий о возможности использовать американцев в противовес царской России и Англии, сорвали принятие этой дополнительной статьи, запугав большинство меджлиса отставкой Шустера и тем, что она якобы произведет неблагоприятное для Ирана впечатление в Европе.

Добиваясь осуществления империалистических планов США, Шустер прикидывался защитником национальной независимости и суверенитета Ирана. В этой демагогической и империалистической по своей сущности политике Шустер стремился использовать левую группировку второго меджлиса — «демократов», некоторых бахтиарских ханов, дашнака Ефрема, а также таких представителей феодальной аристократии, как Кавам-эс-Салтане и Восуг-эд-Доуле, которые затем стали виднейшими агентами английских и американских империалистов среди иранских правящих кругов.

Ввиду кратковременности пребывания Шустера и его миссии в Иране империалистический характер его деятельности в этой стране еще не успел проявиться достаточно ярко. Шустер был занят главным образом подготовкой необходимых условий и расчисткой пути для установления в Иране господства американских империалистов.

Явно колонизаторский, империалистический характер имели составленные Шустером проекты железнодорожного строительства в Иране. Шустер проектировал выдачу иранским правительством концессий на строительство в стране сети железных дорог. В первую очередь он добивался выдачи концессии на строительство железных дорог Джульфа — Тавриз — Зенджан — Казвин — Хамадан — Хорремабад — Мохаммера с веткой от Казвина на Тегеран. Строительство этих железных дорог, по планам Шустера, должно было вестись иностранными капиталистами за счет нового займа. Он уже вел переговоры с английским капиталистом Линчем и Англо-персидской нефтяной компанией о строительстве четырех железных дорог на юге Ирана²⁰. Незадолго до истечения срока полномочий второго меджлиса Шустер стал добиваться, чтобы меджлис предоставил

¹³ АВПР, ф. перс. ст., д. 926, л. 17; *M. Shuster*. Указ. соч., стр. 288.

¹⁴ *M. Shuster*. Указ. соч., стр. 66.

¹⁵ См. там же, стр. 294, 295.

¹⁶ См. там же, стр. 151, 187, 196, 206, 317.

¹⁷ См. там же, стр. 187.

¹⁸ См. там же, стр. 304.

¹⁹ «Международные отношения в эпоху империализма», сер. II, т. 18, ч. 1, № 309.

²⁰ См. там же, ч. 2, № 632, 771.

ему право заключить с любой иностранной компанией, по его собственному выбору, договор на строительство этих железных дорог, а также неограниченную доверенность на заключение соглашения о займе²¹. Эти домогательства Шустера преследовали цели колониальной эксплуатации Ирана американским, а также английским капиталом.

Практические мероприятия Шустера по сбору налогов и податей, организация специальной жандармерии для принуждения в этом деле и другие меры вели к усилению ограбления масс. А осуществление разработанных Шустером проектов введения новых налогов, предоставления иностранным капиталистам новых концессий еще больше усилило бы эксплуатацию народа господствующей иранской верхушкой и иностранными капиталистами. Поэтому, наряду с продолжавшимися в 1911 г. народными выступлениями против иранских властей, феодалов и антиимпериалистическим движением против Англии и царской России, вскоре стали происходить и народные выступления, направленные непосредственно против американских советников. Уже в июне 1911 г., как сообщалось в обзоре событий, составленном русской миссией, стало быстро увеличиваться число недовольных деятельностью Шустера. Летом 1911 г., как признает в своей книге Шустер, большая толпа женщин устроила перед резиденцией Шустера демонстрацию в знак протеста против неуплаты им пенсий²². Другая женская демонстрация протеста против деятельности Шустера произошла в конце октября 1911 г. перед его резиденцией в связи с недостатком хлеба в Тегеране. Правда, это были стихийные, неорганизованные выступления, но они были направлены прямо и непосредственно против хозяйничанья американских советников. Народное возмущение деятельностью американцев в Иране находило свое выражение и в других массовых выступлениях и демонстрациях, направленных против иранских властей и иностранных империалистов. В той сложной обстановке, которая в 1911 г. сложилась в Иране, широким народным массам было трудно разобраться в том, кто несет главную ответственность за тяжелое положение, в котором находились страна и народ.

Всемерно проводя антирусскую линию, Шустер всевозможными средствами старался обострять англо-русские противоречия и разногласия в Иране. Особенно ярко проявилась эта линия в так называемом деле Стокса. Майор Стокс был известен как один из наиболее враждебно настроенных к России английских представителей в Иране. До приезда Шустера он неоднократно участвовал в различных антирусских провокациях. Шустер решил назначить Стокса начальником создаваемой им финансовой жандармерии, которая должна была действовать на юге и на севере Ирана. Назначение Стокса было открытым, демонстративным вызовом России. Англичане охотно согласились с этим назначением, рассчитывая укрепить свои позиции на юге Ирана и распространить свое влияние на север страны. Царское правительство неоднократно и резко протестовало против назначения Стокса, ссылаясь на несоответствие этого назначения условиям англо-русского соглашения 1907 г. «Дело Стокса» приняло настолько серьезный характер, что его уже стали расценивать как угрозу сохранению Антанты. В результате протестов России английское правительство, не решившееся в условиях нараставших англо-германских противоречий подвергать опасности англо-русское соглашение, вынуждено было пойти на уступки. 2 декабря 1911 г. министр иностранных дел Англии Грей сообщил английскому посланнику в Тегеране Бар-

²¹ См. «Сборник дипломатических документов», вып. VII, стр. 184—185; «Международные отношения в эпоху империализма», сер. II, т. 18, ч. 2, № 652.

²² См. М. Shuster. Указ. соч., стр. 194.

клаю, что Стоксу в категорической форме предложено отказаться от предложенного ему Шустером назначения²³. До этого Стокс фактически уже играл роль ближайшего помощника и советника Шустера.

«Дело Стокса» было не единственным со стороны Шустера такого рода назначением, имевшим целью провоцирование англо-русских разногласий в этой стране. Осенью 1911 г. Шустер назначил английского подданного, бывшего служащего английского Шахиншахского банка Лекоффа главным казначеем провинции Азербайджан. Так же как и Стокс, Лекофф был ярким руссофобом. Главным казначеем Исфагана Шустер назначил также англичанина Хэкока, что, как и назначение Лекоффа в Азербайджан, вызвало резкое недовольство царского правительства и его представителей в Иране. Главным казначеем провинции Фарс Шустер назначил служащего английского Шахиншахского банка Шиндлера²⁴. Только в результате протестов царского правительства, с которым вынуждена была согласиться и Англия, Шустер в начале декабря 1911 г. отменил назначения Лекоффа, Хэкока и Шиндлера²⁵.

Шустер всячески поощрял посылку из Тегерана для опубликования в прессе провокационных антирусских телеграмм представителями газеты «Таймс», агентства Рейтер и другими иностранными корреспондентами. Он гарантировал «Индо-европейской телеграфной компании» исправную оплату этих телеграмм, значительная часть которых была адресована известному своими провокационными антирусскими выступлениями деятелю «Персидского комитета» Э. Броуну²⁶. В своей обычной диктаторской и высокомерной в отношении иранского правительства форме Шустер в ноябре 1911 г. выступил против того, что иранский министр иностранных дел урегулировал один незначительный вопрос с русским представителем без ведома Шустера. Тон письма Шустера по этому поводу был настолько вызывающим, что министр иностранных дел подал в отставку. Он взял заявление об отставке обратно только потому, что она грозила вызвать новый серьезный правительственный кризис²⁷.

Шустер не только подстрекал и поощрял провокационную антирусскую пропаганду, но и непосредственно сам принимал в ней активное участие. Так, 17 октября 1911 г. он выступил с провокационным заявлением перед корреспондентами «Таймс» и агентством Рейтер по поводу «дела Стокса». Это заявление Шустера даже редакция «Таймс» в номере этой газеты от 19 октября вынуждена была охарактеризовать как несправедливое и необоснованное. 21 октября Шустер опубликовал в «Таймс» провокационное письмо, которое он затем с дополнениями напечатал отдельным изданием на персидском языке и распространял в Тегеране.

Провокационный антирусский характер деятельности Шустера вынужден был признать Э. Грей. В телеграммах в Петербург О'Берну от 14 ноября 1911 г., Бьюкенену от 20 ноября, в заявлении иранскому посланнику от того же числа Э. Грей говорил, что Шустер проводит антирусскую провокационную политику²⁸. Сам Шустер признает, что его обвиняли в отсутствии такта, в стремлении «англизировать» персидский аппарат, в политической пристрастности и т. д.²⁹

²³ См. «Blue book. Persia», № 4, 1912, p. 89.

²⁴ См. там же, p. 31; «Сборник дипломатических документов», вып. VII, стр. 198—199.

²⁵ См. «Blue book. Persia», № 4, 1912, p. 95.

²⁶ «Международные отношения в эпоху империализма», сер. II, т. 18, ч. I, № 308.

²⁷ См. «Blue book. Persia», № 4, 1912, p. 20, 57—58.

²⁸ См. там же, p. 45, 65.

²⁹ См. М. Shuster. Указ. соч., стр. 268.

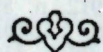
Стремясь опереться на Англию в борьбе против России, Шустер способствовал укреплению в Иране позиций английских империалистов. Осенью 1911 г. Шустер добился продления меджлисом на три года контракта с англичанином Г. Нью на управление им иранским телеграфом³⁰. Без ведома иранского правительства и меджлиса Шустер заключил в ноябре 1911 г. контракт с Шахиншахским банком на поставку в течение десяти лет серебра для иранского монетного двора³¹. Он дал также указание вносить все налоги и другие государственные поступления в кассу Шахиншахского банка и его отделений и через него же производить все выплаты иранского правительства³².

Заигрывания англичан с Шустером стали грозить англо-русскому соглашению и Антанте. Английскому правительству пришлось отказаться от попыток использовать Шустера и поддержать требование царского правительства о его отставке. Шустеру была дана отставка, и он вынужден был 11 января 1912 г. выехать из Ирана.

Деятельность Шустера принесла большой вред Ирану. Финансовое положение страны не только не улучшилось, но стало еще более критическим. В связи с реализацией и израсходованием Шустером английского займа 1911 г. увеличилась финансовая зависимость Ирана от иностранного капитала. Значительно возросли государственные расходы на содержание американских советников и созданных Шустером новых учреждений. Шустер незаконно и самовольно выплатил всем американским советникам, находившимся в Иране, в том числе и самому себе, жалование за три года вперед. Впоследствии иранское казначейство потребовало от американцев возвращения излишне выплаченных Шустером денег в сумме свыше 50 тыс. туманов³³.

В результате деятельности Шустера усилился налоговый гнет, ложившийся на плечи широких народных масс. В Тегеране и других городах Ирана еще больше обострилось положение с хлебом и другим продовольствием. Голод вызывал народные волнения и выступления, иногда уже направленные прямо против американских советников. Диктаторская линия поведения Шустера дезорганизовала и парализовала деятельность иранских министерств и правительства в целом. Все это привело к еще большему ослаблению Ирана перед лицом империалистических держав и создавало условия для дальнейшего закабаления этой страны империалистами.

Миссия Шустера в Иране в 1911 г. была не случайным эпизодом в политике США в Иране. Она была первой попыткой осуществить намеченные на длительный период американскими империалистическими кругами весьма далеко идущие планы проникновения в Иран и подчинения этой страны США. Об этом говорит дальнейшая история экспансии США в Иране. Первая финансовая миссия Мильспо в Иране в 1922—1927 гг. и вторая его миссия в 1943—1945 гг. продолжали в новых условиях подрывную деятельность в Иране, начатую миссией Шустера 1911 г. Они действовали еще более нагло и агрессивно, чем Шустер, и проводили в более широком плане политику закабаления Ирана американскими империалистами, которую начал в 1911 г. М. Шустер.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРУПНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ИНДИИ

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ

В статье рассматриваются некоторые особенности развития капитализма в Индии и, в частности, пути возникновения и специфические черты развития крупного капиталистического предпринимательства до второй мировой войны¹. Эти особенности в основном определялись колониальным положением страны, господством феодальных пережитков в сельском хозяйстве.

Основной экономический закон монополистического капитализма распространяет в эпоху империализма сферу своего действия на индийскую экономику. Важным средством извлечения высоких прибылей английскими монополиями явился экспорт капитала. Английский капитал создавал в основном предприятия, связанные с добычей и обработкой идущего на экспорт сырья. Железные дороги и пароходные линии, банки, страховые общества и торговые компании не только приносили крупные прибыли на вложенный капитал, но и способствовали ввозу английских промышленных товаров и экспорту сырых материалов.

Официальных данных о величине британских капиталовложений в Индии и размерах прибылей английских капиталистов нет. Однако некоторые индийские и английские экономисты и статистики пытались подсчитать эти цифры. По имеющимся оценкам, размер английских инвестиций в период между двумя мировыми войнами определялся в один миллиард ф. ст.²

По подсчетам индийских экономистов Шаха и Кхамбата, в 1921/22 г. колониальные власти изымали в различных формах (налоги, поступления от железных дорог и т. д.) 3 000 млн. рупий. Эта огромная сумма, полученная от эксплуатации народа, шла на поддержание английского господства. 500 млн. рупий (так называемые расходы на родине, т. е. прямая дань Англии) уходили из страны. Основная часть из оставшихся 2 500 млн. рупий направлялась на финансирование государственного аппарата, созданного английскими захватчиками для колониального порабощения Индии.

Кроме этого, монополисты Сити выжимали сотни миллионов рупий экономическим путем; в 20—30-х годах сумма прибылей, извлекаемых

¹ В некоторых случаях были использованы статистические данные, относящиеся к периоду второй мировой войны, так как они отражают процессы, развитие которых началось до войны.

² «The census of India's liabilities and assets as on the 30th June 1948», Reserve Bank of India. Bombay, 1950; p. 153—159.

³⁰ «Blue book. Persia», № 4, 1912, p. 25.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 469, л. 45.

³² См. М. Шустер. Указ соч., стр. 284.

³³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 471, л. 86.

английским капиталом из Индии, составляла, по различным оценкам, 1600—1700 млн. рупий³.

Основными источниками огромных прибылей английских монополистов были: беспощадная эксплуатация основной массы населения — крестьянства, осуществляемая путем изъятия значительной части прибавочного и необходимого продукта в форме земельной ренты и ростовщического процента, а также путем неэквивалентной торговли и налогового ограбления; эксплуатация миллионов мелких кустарей-ремесленников, осуществляемая через поставки сырья и сбыт готовой продукции, а также ростовщическое закабаление; жесточайшая эксплуатация индийского рабочего класса, выражавшаяся в большой продолжительности рабочего дня и интенсификации труда при самых отсталых и вредных для здоровья условиях работы, понижении заработной платы значительно ниже стоимости рабочей силы, сведение ее к голодному минимуму.

Максимальные прибыли английских империалистов повышались и за счет «перераспределения» в их пользу значительной части доходов индийской буржуазии, особенно мелкой и средней.

В. И. Ленин неоднократно отмечал важность тех изменений, которые принесла поработанным странам эпоха империализма: «Экономическое различие между колониями и европейскими народами — по крайней мере, большинством последних — состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство*. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, *вывоз капитала*. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»⁴.

Многие отрасли промышленности Индии возникли не в результате внутреннего экономического развития страны, а были привнесены извне.

В Индии в последней трети XIX в. начал складываться рынок сверхдешевой рабочей силы. Ремесленники и крестьяне, терявшие землю, с каждым годом увеличивали своеобразную резервную армию безработных, которая была необходимым условием для насаждения английскими монополистами выгодных им промышленных предприятий в Индии.

В Индии к концу XIX в. были созданы не только минимальные материальные предпосылки для вложения английского капитала, но также имелась сложившаяся в результате деятельности английских купцов, промышленников и администраторов система торгово-посреднических домов, так называемых управляющих агентств, через которые можно было экспортировать капитал в Индию. «Английские управляющие агентства, — писал индийский экономист Локанатхан, — в Бенгалии, Ассаме и других провинциях образовали что-то вроде горлышка бутылки, через которое британский капитал притекал в Индию и распределялся между различными предприятиями, основанными британскими управляющими агентствами»⁵.

С наступлением эпохи империализма система английских управляющих агентств становится одной из форм применения капитала в колониях, одной из форм английских монополистических объединений, действующих в Индии. Причем управляющие агентства употребляли не только экспортируемый из Англии капитал, но и свои накопления, нажитые на торговых, ростовщических и иных операциях. Это в известной мере объясняет, по-

чему общий объем экспорта капитала из Англии в Индию был меньше, чем размер английских капиталовложений в этой стране. В дальнейшем капиталовложения росли и путем капитализации прибылей, полученных в Индии.

В эпоху империализма система английских управляющих агентств явилась важнейшим средством, при помощи которого финансовый капитал Великобритании создавал крупные капиталистические предприятия в Индии. Агентства, как учредители новых компаний и владельцы значительного пакета акций, осуществляли долгосрочное кредитование промышленных и иных предприятий.

Однако не только финансовая мощь управляющих агентств делала их монополистами в деле учреждения новых компаний. Огромное значение имели связи агентств с крупнейшими машиностроительными монополиями Великобритании. Без поддержки крупного управляющего агентства, даже обладая достаточным капиталом, в Индии было очень трудно обеспечить новое предприятие необходимым оборудованием.

Вследствие долголетнего английского господства в Индии было задержано развитие местной технической интеллигенции. Разработка проектов строительства предприятий производилась иностранцами, главным образом английскими, специалистами. Когда строительство предприятия было закончено, снова приходилось обращаться за помощью к управляющему агентству для найма квалифицированного технического персонала.

И, наконец, без содействия управляющего агентства трудно было рассчитывать на поддержку колониальных властей. Воротили английских управляющих агентств были тесно связаны как с верхушкой колониальной администрации в самой Индии, так и с государственными деятелями Англии. Именно английская финансовая олигархия определяла политику английского правительства. Поэтому компании, основанные английскими управляющими агентствами, пользовались поддержкой колониальных властей, и их не донимали различными бюрократическими придирками и ограничениями.

Управляющее агентство закрепляло свое господствующее положение юридически. Согласно договору, заключаемому с учреждаемой компанией, управляющее агентство брало на себя обязательство не только построить соответствующее предприятие, но и руководить ходом производства, закупкой сырья и сбытом продукции.

Английские управляющие агентства явились главной формой образования английских монополистических объединений, действовавших во всех отраслях крупной промышленности колониальной Индии (см. табл. 1).

По имеющимся данным, в 1939 г. 33 английских управляющих агентства руководили 701 акционерной компанией, большинство которых было зарегистрировано в Индии⁶. Но эти сведения дают весьма неполное представление о мощи британских монополий, действующих в Индии. Так, в том же 1939 г. в Британской Индии осуществляли свои операции 827 иностранных, в основном английских компаний, зарегистрированных вне страны, с капиталом в 741,1 млн. ф. ст.⁷

Система управляющих агентств лишний раз подтверждает положение В. И. Ленина, что «...вывоз капитала есть паразитизм в квадрате»⁸. Наживая баснословные прибыли на бесчеловечной эксплуатации рабочих и мелких товаропроизводителей — ремесленников и крестьян Индии,

³ K. Shah and K. Khambata. Wealth and taxable capacity of India. Bombay, 1924, p. 234.

⁴ K. Visvesvaraya. Planned economy for India. Bangalore, 1934, p. 178.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 323.

⁶ P. Lokanathan. Industrial organization in India. London, 1935, p. 21.

⁶ «India to-day», август, 1952, стр. 14.

⁷ «Statistical abstract for British India, from 1930—31 to 1939—40». London, 1943, p. 513.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 95.

Таблица 1

Отраслевые связи крупнейших английских управляющих агентств*

Управляющие агентства	Число подконтрольных компаний	В том числе:							
		джутовые	чайные	электротехнические	транспортные	сахарные	угольные	строительные	прочие
«Эндриу Юл энд К°»	50	10	17	2	2	1	10	1	7
«Дункан энд К°»	26	1	25	—	—	—	—	—	—
«Мартин энд К°»	26	—	—	8	8	—	—	6	4
«Октавиус Стил энд К°»	24	—	13	10	—	—	1	—	—
«Бэрд энд К°»	21	7	—	1	—	—	4	2	7
«Маклеод энд К°»	40	11	18	—	6	—	—	1	4
«Гилландерс, Арбэтнот энд К°»	20	2	7	—	6	—	1	—	4
«Виллиамсон, Мэгор энд К°»	15	—	13	—	—	—	1	—	1
«Шоу Уоллас энд К°»	16	—	6	—	—	—	5	—	5
«Джардайн, Гендерсон»	20	6	6	—	—	—	2	—	6
«Бальмер, Лоурис энд К°»	7	—	—	—	—	—	1	4	2
«Ф. В. Хейлджерс энд К°»	10	2	—	—	—	—	6	—	2
«Бритиш Индия Корпорейшн»	20	—	—	—	—	6	—	3	11
«Кеттлвелл, Баллен энд К°»	7	2	1	—	—	—	2	—	2
«Киллик»	12	—	—	3	3	—	1	—	5

* Источник: М. Mehta. Combination movement in Indian industry. Allahabad, 1952, p. 6—7.

на хищническом разграблении ее природных богатств, английские управляющие агентства тормозили технический прогресс в индийской промышленности, препятствовали развитию в стране научно-исследовательской работы, мешали разработке новых технических изобретений и их применению в производстве, сокращали производство на отдельных, переплетательных, с их точки зрения, предприятиях и т. п.

Некоторое, далеко неполное, представление о величине огромных прибылей, извлекаемых английскими монополиями, дают следующие цифры: средний дивиденд четырех английских джутовых фабрик и пяти угольных шахт за период 1918—1939 гг. составлял соответственно 68—82% и 33,5—70% на простые акции⁹. Сюда не входят прямые и косвенные доходы управляющих агентств¹⁰.

Другим важным экономическим орудием, при помощи которого английские монополии экспортировали свой капитал в Индию, были банки. Кредитная политика банков способствовала ввозу иностранных промышленных изделий и экспорту индийского сырья. Банки всячески препятствовали возникновению в стране неугодных английским монополиям

⁹ М. Copal. The theory of excess taxation (with particular reference to India). Mysore, 1947, p. 102—103.

¹⁰ Подробнее см. А. Н. Левковский. Система управляющих агентств — орудие порабощения и эксплуатации народов Индии английским империализмом. «Ученые записки Института востоковедения», т. X. М., 1954.

индийских предприятий. Кредитование внешней торговли Индии стало монополией английских разменных, или валютных (exchange) банков, что приводило к тому, что доля индийских купцов во внешней торговле составляла в период между двумя войнами менее 15%¹¹.

Однако политическое и экономическое господство английских колонизаторов не смогло остановить экономического развития страны, хотя и придало этому развитию уродливый характер. Традиционное разделение общественного труда в индийском обществе было нарушено. В то же время эксплуатация Индии в качестве рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья неизбежно вызвала рост товарно-денежных отношений. На базе товарно-денежных отношений в условиях колониального порабощения страны и сохранения феодально-помещичьей эксплуатации крестьянства создавалась благоприятная обстановка для распространения низших форм капитала: торгового и ростовщического.

В специфичных условиях Индии первоначальное накопление денежного капитала, выражавшееся в первую очередь в возрастании индийского торгово-ростовщического капитала, могло происходить главным образом в результате его приспособления к эксплуатации страны английскими капиталистами в качестве рынка сбыта и источника сырья. Крупные ростовщические дома имели многочисленные конторы по всей стране. Особенно широко раскинули свои сети ростовщики, принадлежавшие к торговым общинам марвари и гуджарати. При англичанах они «расползлись» с севера страны почти по всей Индии. На юге Индии действовали ростовщики из касты четти. Торгово-посредническая деятельность дала возможность небольшому кругу торговцев сколотить довольно крупные состояния.

Со второй половины XIX в. торговцы Бомбея начинают вкладывать часть своих капиталов в строительство текстильных предприятий. Другим значительным центром Индии, в котором индийский капитал еще до первой мировой войны основывал крупные предприятия, был Ахмедабад. Основателями хлопчатобумажных фабрик в этом городе были местные банкиры-ростовщики (проффы). Строительство хлопчатобумажных фабрик происходило, хотя и в меньших размерах, чем в Бомбее и Ахмедабаде, и в других частях страны. Так, за период с 1876 по 1896 г. в Индии было построено не менее 66 фабрик.

На примере образования текстильных фабрик, как в Бомбее так и в Ахмедабаде, отчетливо видно уродливое развитие капиталистической промышленности Индии. Обычного для стран Запада перерастания мелкого товаропроизводителя из числа богатых мастеров в мануфактуриста, а затем в фабриканта в Индии не было. Еще в конце XVIII — начале XIX в. английский капитал подорвал развитие индийского ремесла и зачатков мануфактуры. Возобновившееся в последней трети XIX в. развитие мануфактуры протекало в неблагоприятных условиях. Крупные промышленные предприятия поэтому возникали, минуя мануфактурную стадию, а мануфактурист, за редким исключением, не превращался в фабриканта. Большинство индийских фабрикантов вышло из среды крупных торговцев-посредников и ростовщиков¹².

В различных районах страны переход крупных торговцев и ростовщиков к предпринимательской деятельности происходил весьма неравномерно, что было результатом неравномерности развития капитализма

¹¹ «The Indian central banking enquiry commission», vol. I. Calcutta, 1931, p. 322.

¹² Подробнее см. В. Я. Граще. Краткий очерк формирования крупных промышленных капиталистов в колониальной Индии. «Ученые записки Института востоковедения», т. X. М., 1954.

в отдельных областях страны. О совмещении различных видов деятельности, а также о богатстве крупных городских банкиров-ростовщиков можно составить некоторое, весьма неполное представление по следующим данным, относящимся к провинциям Бихар и Орисса (конец 20-х годов XX в.):

Число банкиров	Средние размеры капитала в тыс. рупий
451	от 20 до 50
133	50 100
69	100 250
27	250 500
6	свыше 500

Весь собственный капитал этих 686 дельцов равнялся 55 млн. рупий и, кроме того, они использовали около 20 млн. рупий заемного капитала. Примерно 15% капиталов шло в промышленность, 70% — в торговлю и 15% — в сельское хозяйство (речь идет о городских шроффах) и в кредитование потребления¹³.

Индийские крупные торговцы и ростовщики очень медленно превращались в промышленных капиталистов. В Индии превращению денежного капитала, создающегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал прежде всего препятствовало английское колониальное господство.

К началу эпохи империализма только часть крупных торговцев и ростовщиков приступила к промышленной деятельности. Крупные индийские торговцы и ростовщики перенимали организационные методы, свойственные английскому монополистическому капиталу в Индии. Так, форму управляющего агентства индийские крупные фабриканты заимствовали у англичан (хотя здесь наблюдалось очень сложное взаимодействие английских и индийских институтов). Однако следует сразу же подчеркнуть и различие между английскими и индийскими управляющими агентствами. Если английские управляющие агентства являлись средством порабощения и эксплуатации Индии, то становление и деятельность индийских агентств отражали стремление местного крупного капитала к самостоятельному промышленному предпринимательству, которое объективно вступало в противоречие с английским господством.

Как правило, индийские агентства являлись наследниками торгово-ростовщических домов, которые затем переходили к промышленному предпринимательству. Крупные фабриканты широко использовали деловые и семейные связи и, что особенно характерно для Индии, внутрикастовое кредитование, при котором члены одной торгово-ростовщической касты или общины оказывали друг другу финансовую поддержку.

Индийские управляющие агентства применяли не экспортируемый из Англии капитал, а накопления местных имущих классов, полученные путем торгово-ростовщической и феодальной эксплуатации крестьянства. Часть накоплений торговцев-посредников, ростовщиков, помещиков, князей при посредстве управляющих агентств превращалась в производительный капитал. Широкие кредитные связи позволили индийским управляющим агентствам занять ведущее положение в финансировании важнейших отраслей национальной промышленности. Например, управляющие агентства в Бомбее и Ахмедабаде в 1930 г. непосредственно предоставляли от 21 до 24% всех капиталов подконтрольных компаний, а остальной капитал был в значительной мере получен на стороне, но

¹³ «The Bihar and Orissa provincial banking enquiry committee», vol. I. Patna, 1930. p. 187, 189.

все же при помощи агентств. Таким образом управляющие агентства предпринимали долгосрочное кредитование возникавших предприятий.

Индийские управляющие агентства долгое время действовали почти исключительно в хлопчатобумажной промышленности Западной Индии. Поле самостоятельной промышленной деятельности индийского крупного капитала было весьма ограничено. Английский капитал проник даже в хлопчатобумажную промышленность Бомбея и занял в ней очень сильные позиции.

Несмотря на то, что строительством хлопчатобумажных фабрик занимались торговцы-посредники и ростовщики, т. е. лица, очень сильно связанные с англичанами, промышленное строительство вело к неизбежному появлению противоречий между нарождавшейся крупной индийской буржуазией, занявшейся промышленной деятельностью, и английским капиталом. Колониальные власти, выполняя волю фабрикантов Ланкашира, стали препятствовать росту текстильной промышленности Индии. «1861 год, — писал индийский экономист М. П. Ганди, — знаменует начало политики правительства Индии, которую оно проводит в интересах английской хлопчатобумажной промышленности против индийской»¹⁴.

Строительство новых промышленных предприятий затруднялось еще тем, что оборудование для них нужно было ввозить из-за границы. Отсутствие необходимой базы для производства средств производства, возникновению которой колонизаторы всегда препятствовали, крайне отрицательно сказывалось на промышленном развитии страны. Английские монополисты долгое время сбывали в Индию устаревшее оборудование. Некоторые индийские фабрики превращались в «музеи текстильного оборудования», как их тогда называли. Стоимость строительства текстильной фабрики в Индии в два-три раза превышала стоимость такого же строительства в Англии. Наконец, индийская промышленность остро нуждалась в технических кадрах.

К концу XIX в. в Индии уже имелось несколько десятков индийских управляющих агентств, своеобразных капиталистических организаций, выросших на полуфеодальной основе. Деятельность различных агентств была разнородной. Большинство индийских агентств до первой мировой войны осуществляло контроль над одной акционерной компанией, меньшее число агентств — над несколькими компаниями. Лишь отдельные агентства контролировали несколько разнообразных компаний, образуя подобие концерна. Тенденция развития состояла в стремлении захватить как можно больше компаний в самых различных отраслях. Сосредоточение контроля в руках немногих крупных агентств происходило за счет гибели более мелких фирм. Отчисления от прибылей, так называемые расходы на управление, плата директорам, различные коммиссионные, махинации с фондами компаний приносили крупным индийским управляющим агентствам значительные доходы.

¹⁴ М. П. Gandhi. The Indian cotton textile industry. Calcutta, 1930, p. 57. Конкуренция за внутренний рынок пряжи и тканей особенно усиливается с конца XIX в. Английская буржуазия в этой борьбе широко использовала находившийся в ее руках государственный аппарат Индии. Особое возмущение индийской буржуазии и имущих слоев, связанных с нею, вызвало введение в 1895 г. в интересах Ланкашира дискриминационного акцизного сбора с индийских хлопчатобумажных тканей (в размере 3,5%). Даже крупный чиновник колониальной администрации признавал, что этот «налог способствовал развитию враждебных к нам чувств у некоторых лучших и влиятельнейших сторонников британской власти. Были затронуты интересы не только горстки фабрикантов. Капиталы, вложенные в индийскую фабрику, принадлежат широко кругу лиц: начиная от сравнительно бедного люда до некоторых наиболее крупных индийских князей. Всех объединила несправедливость к этому налогу, который они считали несправедливым...» L. Fraser. India under Curzon and after. London, 1911, p. 354.

К началу XX в. одним из ведущих представителей крупного индийского капитала был Джамшед Тата. Уже в 80-х годах XIX в. он обладал очень большим состоянием, нажитым посреднической торговлей и умноженным в текстильной промышленности. Крупный индийский капитал в своей промышленной деятельности в это время стремился выйти за рамки текстильной промышленности. Выражением этого стремления может служить деятельность Джамшеда Тата, выдвинувшего в конце XIX в. проект строительства металлургического предприятия.

Из-за препятствий, чинимых колониальной администрацией, только в 1907 г. уже наследник Джамшеда — Дораб Тата объявил о создании сталелитейной компании. Образование компании совпало с подъемом движения свадеши (движение за развитие индийской промышленности). Весь акционерный капитал компании был получен от 9—10 тыс. индийских вкладчиков за восемь дней. Дополнительный облигационный выпуск (400 тыс. ф. ст.) был полностью закуплен князем Гвалиора. В 1913 г. завод Тата дал первую сталь. Эту дату можно считать временем образования первой индийской монополии. В 1912 г. компания Тата вводит в строй цементный завод.

Таким образом, лишь в результате многолетних усилий самой мощной группировки местного капитала был создан единственный в Индии крупный металлургический завод. Для такой огромной страны это было крайне недостаточно. Английское господство и засилье феодальных пережитков сковывали развитие производительных сил Индии. Значительные массы денежных накоплений помещиков, ростовщиков, торговцев попрежнему шли на приобретение земельной собственности, с которой в Индии были неразрывно связаны полуфеодалные методы эксплуатации крестьянства.

Весьма значительные средства вкладывались в индийские акционерные банки. Развитие местных акционерных банков отражало усиление развития капитализма в стране; не случайно поэтому быстрое увеличение числа этих банков, которое происходит с начала XX в. В 1895 г. был основан «Банк оф Барода», в 1906 г. — «Индиян бэнк», в 1911 г. — «Сентрал бэнк оф Индия», первый из этих банков контролировался группой гуджаратских капиталистов, последний — группой Тата.

Первая мировая война усилила развитие капитализма в Индии, обострила противоречие между потребностью в самостоятельном экономическом и политическом развитии и империалистическим колониальным гнетом, который задерживал и уродовал развитие производительных сил страны.

Во время первой мировой войны группа Тата, с деятельностью которой были связаны интересы значительной части местной буржуазии Западной Индии, начала строительство ряда гидроэлектростанций в районе Бомбея. Первая компания Тата «Гидроэлектрик пауэр сапплай К°» была образована управляющим агентством «Тата энд санс» еще в ноябре 1910 г. Первоначальный капитал этой компании равнялся 1,25 млн. ф. ст. Подписка на акции была проведена исключительно среди индийцев, причем несколько князей предоставили две трети всего капитала. Нужно отметить, что и в дальнейшем концерн, как и другие индийские монополии, широко использовал для строительства крупных капиталистических предприятий денежные накопления феодалов, нажитые путем жесточайшей эксплуатации крестьянства.

В феврале 1915 г. электростанция в Лонавала дала первый ток. Прибыли, получаемые компанией, быстро росли. Одновременно поднимались и цены на электроэнергию. Если по первым контрактам киловатт электроэнергии стоил 0,55 анны (анна = $\frac{1}{16}$ рупии), то затем его цена поднялась

до 0,9 анны. Вслед за «Тата гидроэлектрик пауэр сапплай К°» в 1916 г. образуется «Андхра вэлли пауэр сапплай К°», а в 1919 г. — «Тата пауэр К°». Все эти три компании были основаны управляющим агентством «Тата санс»¹⁵.

Большую роль в создании электрического треста Бомбея играли американские монополии, которые после первой мировой войны пытались проникнуть в некоторые отрасли промышленности Индии. В 1929 г. одна из подконтрольных Моргану компаний стала совместно с концерном Тата руководить этими гидростанциями.

Руководители концерна Тата после первой мировой войны стремились распространить свою деятельность на новые районы страны. В 1918 г. на юге Индии, в городе Эрناкулам, возникло предприятие «Тата ойл миллс К°», которое стало выпускать заменители животного масла, а затем — мыло, одеколон, пудру и другие изделия парфюмерии. В 1919 г. концерн Тата основал крупную страховую компанию «Нью Индия эшюрэнс К°». В 1925 г. концерн Тата построил цементный завод в Хайдарабаде. Поиски новых рынков сбыта, дешевой рабочей силы, дешевого сырья с целью увеличения прибылей заставляли крупнейших местных капиталистов проникать в новые районы страны и основывать там свои предприятия. Это приводило к усилению конкуренции не только с английскими монополиями, но и с местной буржуазией различных национальных областей Индии.

После первой мировой войны в некоторых районах страны, где раньше имелись только крупные предприятия, принадлежавшие английским капиталистам, появились фабрики, основанные местными торговцами и ростовщиками. Например, в Соединенных провинциях (ныне Уттар-Прадеш) в течение более пятидесяти лет почти все крупные промышленные предприятия, главным образом текстильные, принадлежали английским дельцам. При этом это были крупные фабрики, каждая из которых еще в 1905 г. имела не менее 40 тыс. веретен и 500 ткацких станков. Только после 1921 г. небольшая группа индийских капиталистов занялась крупным промышленным предпринимательством. «Они в основном принадлежали к тому классу индийских торговцев, который имеет обширный деловой опыт, но небольшую техническую подготовку»¹⁶. Построенные местными капиталистами хлопчатобумажные фабрики немногим уступали по своим размерам английским предприятиям и имели от 20 тыс. до 40 тыс. веретен и от 500 до 1000 ткацких станков. Эти предприятия, в основном, концентрировались в Канпуре.

Перевод имущими классами Индии части своих денежных накоплений в промышленность наблюдался и в большинстве других районов страны. Обычно вначале английские дельцы основывали небольшое число крупных предприятий, которые долгое время занимали в том или ином районе страны монопольное положение в данной отрасли промышленно-

¹⁵ «В Бомбее очень трудно судить, какая цена [на электроэнергию. — А. Л.] может считаться «справедливой» ценой, так как интересы Тата тесно переплелись между собой, и образовалась одна большая монополия. Совместные контракты и гарантии были заключены гидроэлектрическими компаниями, действующими как единое целое с фабриками, трамваями и железными дорогами Бомбея. Размеры установленной цены, следовательно, ограничиваются конкуренцией электроэнергии с углем и нефтью, так как между различными гидроэлектрическими компаниями нет конкуренции». V. Anstey. The economic development of India. London, 1929, p. 34. «Через «Бомбей электрик сапплай энд трамвей К°» [концерн Тата. — А. Л.], — писал другой буржуазный экономист, — практически обладал монополией в освещении города». T. Harris. Tata Jamshedji Nusserwanji. London, 1925, p. 243.

¹⁶ M. Mehta. The structure of cotton-mill industry of India. Allahabad, 1949, p. 134.

сти. Затем некоторые из местных торговцев-ростовщиков или другие состоятельные лица также строили крупные промышленные предприятия.

Самым главным результатом развития крупной капиталистической промышленности было формирование в стране промышленного пролетариата, который стал наиболее стойким и последовательным борцом за национальное освобождение Индии.

Колониальный гнет, феодально-помещичья эксплуатация приводили к резкому обнищанию и разорению огромного числа крестьян и ремесленников, но эти же причины мешали применению разорившихся производителей в промышленности. В индийской деревне возникло и увеличивалось хроническое перенаселение. Так, в 1931 г. насчитывалось 124 млн. работоспособных мужчин, из которых 17,7 млн. (14,2%) совсем не имели работы. В результате давления огромной армии безработных заработная плата рабочих даже на крупных предприятиях была значительно ниже стоимости их рабочей силы. Индийский рабочий должен был трудиться и жить в чрезвычайно тяжелых условиях, следствием которых было быстрое разрушение здоровья и преждевременная смерть.

Крупные капиталисты Индии стремились увеличить размеры своих прибылей путем усиления эксплуатации рабочих, занятых на их предприятиях, путем изымания при помощи торгово-посреднических, ростовщических и иных операций части прибавочного продукта, производимого крестьянами, а также путем захвата значительной части доходов мелких товаропроизводителей-ремесленников и мелких и средних капиталистических предприятий. Сосредоточение в руках кучки крупных ростовщиков-капиталистов большого числа мелких предприятий давало им возможность усиливать эксплуатацию крестьянства, получать более высокие прибыли. Например, в начале 20-х годов в Центральном провинциях возникли многочисленные предприятия по первичной обработке хлопка. Значительная часть этих предприятий контролировалась небольшой группой крупных ростовщиков-капиталистов. В результате соглашения владельцев ряд предприятий был закрыт, но чистая прибыль, получаемая действующими предприятиями, делилась между владельцами всех предприятий в зависимости от их мощности. Подобные соглашения давали возможность взвинчивать цены и извлекать крупные прибыли за счет ограбления крестьян. «Эта система действует для того, — вынуждена признать провинциальная банковская комиссия, — чтобы поддерживать на высоком уровне плату за очистку и прессование хлопка. Мы получили ряд жалоб на то, что эта плата неблагоприятно отражается на сельскохозяйственном производстве»¹⁷.

Таким образом, промышленность, в которую вкладывали свои капиталы крупные индийские ростовщики-торговцы, а нередко и помещики, охватывала различные формы промышленного предпринимательства от капиталистической работы на дому до современного фабрично-заводского производства. Однако переход от торгово-ростовщической деятельности к капиталистическому предпринимательству оставался, как правило, незавершенным. Его и нельзя было завершить в условиях господства английского империализма и засилия феодальных пережитков в деревне.

Одна из особенностей развития капитализма в Индии заключается в том, что концентрация производства с самого начала была очень велика и продолжалась в дальнейшем. Например, еще в 1931 г. из 273 хлопчатобумажных фабрик Индии 150 были крупными предприятиями, на каждом из которых было занято свыше тысячи рабочих.

¹⁷ «The Central Provinces provincial banking enquiry committee», vol. I. Nagpur. 1930, p. 219, 220.

Концентрация производства приводила и к концентрации капитала. О степени засилья крупнейших монополистических групп в различных отраслях промышленности, и в частности в текстильной промышленности, не всегда можно судить по числу действующих в них управляющих агентств. Так, в промышленности Ахмедабада действовало значительное число управляющих агентств, контролировавших по одной фабрике. Однако одни и те же капиталисты нередко руководили несколькими агентствами. «Хотя большинство промышленных предприятий управляются и финансируются различными управляющими агентствами, практика взаимосвязанного директората породила такую промышленную организацию, при которой контроль над несколькими предприятиями фактически находится в руках небольшого числа лиц одной семьи»¹⁸. По данным М. Мехта, 18 семей крупных фабрикантов Ахмедабада контролируют 57 текстильных предприятий, т. е. 80% всех фабрик, расположенных в городе¹⁹. М. Мехта произвел интересный подсчет, который наглядно показывает, как с увеличением размеров предприятий возрастала и величина прибыли (см. табл. 2).

Таблица 2

*Зависимость между величиной предприятия и выплаченным дивидендом на хлопчатобумажных фабриках Ахмедабада (1929—1942)**

Число веретен на фабрике (тыс.)	Число предприятий	Средний дивиденд (в процентах)
Меньше 15	8	4,80
От 15 до 30	36	8,33
От 30 до 45	14	15,94
От 45 до 60	4	27,45
Свыше 60	1	24,40

* Источник: M. Mehta. Structure of cotton-mill industry of India, p. 161.

Капиталисты Индии, чтобы выдержать борьбу с иностранными конкурентами, должны были расширять свое производство. Гибель мелких предприятий и усиление крупных происходило особенно быстро в период экономических кризисов перепроизводства. Значительно ускорил процесс концентрации производства и капитала в Индии мировой экономический кризис 1929—1933 гг.

Кризис 1929—1933 гг. очень тяжело отразился на народном хозяйстве Индии. Резко сократился спрос на продукты сельского хозяйства, упали цены на хлопок, джут и другое сырье. Кризис усилил концентрацию денежного капитала в руках крупнейших торговцев и ростовщиков, но одновременно, вызванное кризисом резкое обнищание крестьянства, задавленного феодальной кабалой и задолженностью ростовщикам, делало

¹⁸ M. Mehta. Указ. соч., p. 84—85.

¹⁹ Там же, стр. 85—87.

перспективу дальнейших вложений капитала в ростовщическое «кредитование» сельского хозяйства не такой уж заманчивой, как раньше. Кроме того, значительно возросло и сопротивление крестьян. Сфера прибыльного приложения капитала местных торговцев и ростовщиков в сельском хозяйстве сильно сократилась. Образовались значительные массы «избыточного» денежного капитала, который при существовавших в индийской деревне условиях не мог приносить достаточных доходов. Ростовщики, торговцы и помещики переводили часть своих накоплений в правительственные облигации, в акции различных акционерных компаний, в банки.

Наиболее богатые из местных торговцев и ростовщиков начали вкладывать свои средства в строительство новых промышленных предприятий. В этом отношении показательна сахарная промышленность. До 1929 г. крупных сахарных заводов в Индии было очень мало, хотя имелось значительное число мелких мануфактур, производивших неочищенный сахар. Большая часть потребности в сахаре удовлетворялась за счет импорта. Однако уже в 1932/33 г. производство сахара в Индии превысило его ввоз, чему способствовали ограничения импорта яванского сахара.

Быстрое строительство сахарных заводов привело к ожесточенной конкурентной борьбе местной сахарной промышленности с иностранными фирмами, импортирующими сахар. В 1933 г. была сделана первая попытка образовать сахарный картель, но эта попытка провалилась. Конкурентная борьба и падение цен продолжались. В то же время возрастало стремление сахарозаводчиков образовать картель и поднять цены. Усиливавшаяся концентрация производства и капитала создавала для этого объективные предпосылки. В июле 1937 г. был создан «Индийский шугар синдикат», в который вошли 92 сахарных завода. Цель этого объединения заключалась в повышении продажной цены на сахар путем установления для отдельных фабрик определенных квот и сроков продажи сахара. Сразу же после своего образования картель задержал сбыт 60% имевшихся в стране запасов сахара, а затем регулировал его постепенную распродажу. Английские колониальные власти объявили картель единственной организацией, занимающейся продажей сахара. Ни одна компания не могла получить лицензию на право обработки сахарного тростника до тех пор, пока не войдет в «Индийский шугар синдикат». Помощь английских властей заправилам картеля привела к тому, что в сезон 1938/1939 г. в него входило уже 108 фабрик.

Уже первые сахарные заводы были крупными предприятиями. Затем концентрация производства еще более усилилась (см. табл. 3).

В сахарной промышленности действовал не только индийский, но и английский капитал, в частности такое крупное управляющее агентство, как «Бегг, Сазерленд энд К°». В 1944 г. это агентство вместе с тремя местными агентствами: «Коттон эйджентс», «Наранг бразерс энд К°», «Карамчанд Тхапар энд бразерс» непосредственно контролировали 28 сахарных заводов, производственные возможности которых составляли почти 20% мощности всей сахарной промышленности Индии.

После первой мировой войны стала развиваться цементная промышленность. Если в 1914 г. было произведено 945 тонн цемента, то в 1924 г. — уже 250 тыс. тонн. В 1925 г., введя пошлины на импортный цемент, колониальные власти оказали некоторую поддержку цементной промышленности, в которой был сильно заинтересован английский капитал. В этом же году цементные компании образовали ассоциацию типа картеля для повышения цен и борьбы за снижение железнодорожных тарифов; был создан и единый рекламный центр.

В 1936 г. путем слияния одиннадцати акционерных компаний был

Таблица 3

Концентрация производства в сахарной промышленности в 1944/45 г.*

Группировка предприятий по дневной производственной мощности (в тоннах)	Число предприятий	Дневная производственная мощность всех предприятий данной группы (в тоннах)	Производственная мощность предприятий данной группы (в процентах)
От 1 до 300	37	5 231	4,2
От 301 до 600	28	13 426	10,8
От 601 до 900	61	47 040	37,8
От 901 до 1200	19	20 323	16,3
От 1201 до 1500	19	25 609,5	20,5
От 1501 и выше	7	12 969	10,4
Итого	171	124 598,5	100,0

* Источник: подсчеты произведены нами по данным, опубликованным в М. Р. Gandhi. Problem of sugar industry in India. Bombay, 1945, p. 165. В число предприятий включены также те, которые производили гур (патоку). Если имелись различные оценки, то при вычислении мощностей предприятий бралась средняя величина.

образован крупнейший в Индии цементный трест «Ассошиэтед симент К°». Эта монополистическая группа препятствовала появлению конкурентов в цементной промышленности. Однако в 1937 г. в этой отрасли развернула свою деятельность группа Далмия-Джайн, крупнейших марварийских дельцов, наживших огромные состояния на торгово-ростовщических операциях. Новая цементная компания-аутсайдер «Далмия симент индастри» натолкнулась на яростное сопротивление старой монополистической группировки. Схватка продолжалась несколько лет и принесла большие убытки, так как конкуренты сильно снизили цены, но уничтожить «Далмия симент индастри» не удалось.

Два ведущих цементных треста: «Ассошиэтед симент компании», в котором господствовали английский капитал, концерн Тата и крупные акционеры-князья, и «Далмия симент индастри» в 1941 г. стали продавать свою продукцию через монополистическое объединение типа синдиката — «Симент маркетинг компании оф Индия». Через несколько лет внутренняя конкурентная борьба привела к развалу общего синдиката. Трест Далмия стал реализовывать свою продукцию через отдельную организацию.

В 1944 г. на девять заводов (т. е. 39,2% общего числа заводов) приходилось 67% всей производственной мощности цементной промышленности Индии (см. табл. 4).

Однако концентрация капитала в этой промышленности была еще более значительна. «Ассошиэтед симент компании оф Индия», находившаяся под руководством управляющего агентства «Симент эйджентс», включала тринадцать заводов с общей годовой мощностью в 1862 тыс. тонн, т. е. 66% общей мощности цементной промышленности. «Далмия симент индастри», руководимая «Далмия, Джайн энд К°», главным агентством концерна Далмия, контролировала пять цементных заводов с годовой мощностью в 560 тыс. тонн²⁰, т. е. 20% общей мощности. Остальные пять компаний владели пятью заводами с годовой мощностью в 360 тыс. тонн, т. е. 14% общей мощности.

²⁰ «Capital», 14 марта 1946 г., стр. 479.

Таблица 4

Концентрация производства в цементной промышленности*

Группы заводов с годовой производительностью (в тыс. тонн)	Число заводов в группе		Процент от общего числа заводов		Производственная мощность группы (в тыс. тонн)		Доля группы в производственной мощности всей промышленности	
	1930	1944	1930	1944	1930	1944	1930	1944
До 50	3	4	37,5	17,4	130,5	132	17,3	4,8
От 50 до 100	2	7	25	30,4	165	490	21,8	17,6
От 100 до 150	1	3	12,5	13,0	120	300	15,9	10,7
От 150 до 200	2	4	25	17,4	340	675	45	24,3
200 и выше	—	5	—	21,8	—	1185	—	42,6
Всего	8	23	100,0	100,0	755,5	2782	100,0	100,0

* Источник: исчислено нами на основе данных, приведенных в работах — P. Lokanathan, Указ. соч., P. Thomas, India's basic industries. Calcutta, 1948.

Экономический кризис перепроизводства 1929—1933 гг. усилил процесс концентрации и централизации капитала и в других отраслях промышленности Индии. Продолжали усиливаться старые монополистические объединения; например, удельный вес продукции концерна Тата на индийском рынке стальных изделий поднялся с 30% в 1927 г. до 72% в 1934 г.²¹

Таблица 5

Потребление импортных и местных фабричных тканей, а также тканей ручного производства (в млн. ярдов) в 1911/12—1936/37 гг.*

Годы	Чистый импорт	Процент от общего потребления	Производство местных фабрик (после вычета экспорта)	Процент от общего потребления	Производство ручного ткачества	Процент от общего потребления	Общее потребление тканей в стране
1911/12	2362	52,9	1020	23,8	995	23,3	4377
1916/17	1771	48,3	1297	35,4	598	16,3	3666
1921/22	980	28,4	1529	44,4	938	27,2	4447
1926/27	1750	34,9	2068	41,0	1217	24,1	5035
1931/32	760	15,7	2768	56,9	1332	27,4	4860
1936/37	753	14,4	3220	61,5	1265	24,1	5238

* Источник: «The Indian cotton textile industry», Bombay, 1949, p. 159.

После окончания первой мировой войны усиливается борьба за внутренний рынок. Наибольших успехов в этой конкурентной борьбе индий-

ским фабрикантам удалось достигнуть на рынке хлопчатобумажных тканей (см. табл. 5).

Таким образом, в период между двумя мировыми войнами доля фабричных тканей местного производства поднялась в общем потреблении страны с 35,4 до 61,5%, а доля импортных тканей упала с 48,3 до 14,4%. В то же время в хлопчатобумажной промышленности росла концентрация производства и капитала. Концентрация производства достигла такого высокого уровня, что возникла возможность для постановки в 30-е годы вопроса об объединении всех текстильных предприятий Бомбея в единый трест.

В период между двумя мировыми войнами происходит концентрация и централизация банковского капитала индийских акционерных банков. В 1918 г. насчитывалось 47 банков, выплаченный капитал и резервы каждого из которых превышали 100 тыс. рупий. Эти банки имели 197 отделений. Общая сумма их выплаченного капитала и резервов равнялась 66,5 млн. рупий, депозиты составляли 421,5 млн. рупий и баланс наличных денег — 98,5 млн. рупий. Развитие индийских акционерных банков между двумя мировыми войнами видно из следующих данных: за 20 лет, с 1920 по 1940 г., число крупных индийских банков выросло более чем вдвое: с 25 до 58; капитал — на 34,5%, с 109 до 147 млн. рупий; депозиты — на 60,5%, с 711 до 1140 млн. рупий; число средних банков (капитал от 100 до 500 тыс. рупий) выросло в три раза, с 33 до 122; депозиты почти в четыре раза: с 23 до 110 млн. рупий. Росло и число отделений местных банков: в 1918 г. их было 197, в 1937 — 829, а в 1940 — 1177²².

Развитие капитализма в Индии приводило как к появлению новых банков, так и к усилению концентрации банковского капитала. Особенно высок уровень концентрации индийских акционерных банков в тех местах, где возникли первые современные индийские банки. В этом отношении показателем Бомбей. Крупнейшие индийские банки возникли в этом городе, а затем начали открывать свои отделения и в других городах страны, конкурируя с местными банками.

Индийские финансисты использовали монополистические объединения для усиления эксплуатации рабочего класса, мелких товаропроизводителей-ремесленников и крестьянства. Кроме того, индийские монополии стремились увеличить свои прибыли за счет получения ряда льгот у английских властей. «Промышленные объединения, — утверждали индийские буржуазные экономисты, — принесут Индии особую выгоду, поскольку они будут находиться в лучшем положении для того, чтобы повлиять на правительство в отношении тарифов, товарных закупок и т. д.»²³.

Несмотря на одностороннее и недостаточное для нужд страны развитие промышленности, концентрация капиталистического производства, создавшая основу для образования и развития монополий, достигала в Индии значительных размеров. О сильной концентрации производства в индийской промышленности свидетельствуют следующие цифры: в 1943 г. в стране насчитывалось 11 312 предприятий, на каждом из которых использовалась механическая энергия и было занято не менее 20 рабочих. На этих предприятиях работало 2 462 817 рабочих²⁴. Причем на 533 предприятиях с числом рабочих на каждом от 1000 и выше было занято

²² B. Ghose. A study of the Indian money market. London, 1943, p. 99, 104.

²³ D. Samant and M. Mulky. Organization and finance of industries in India. London, 1937, p. 10.

²⁴ Ajit Roy. Indian monopoly capital. (A brief outline). Calcutta, 1953, p. 2.

²¹ I. E. Hubbard. Eastern industrialisation and its effect on the West. London, 1938, p. 293.

1 401 389 человек²⁵. Таким образом, на предприятиях, составлявших 4,7 % общего числа предприятий, было сосредоточено 56,8 % всех фабричных рабочих²⁶. По отдельным отраслям концентрация производства была неодинакова: в текстильной промышленности на крупных предприятиях работало 77,3 % всех рабочих, в металлургической — 72,9 %, в бумажной — 77,2 %, в строительной — 40,1 % и т. д.

Большой интерес представляют данные о том, в чьих руках в 1943 г. находился контроль над крупными предприятиями (с числом рабочих свыше 1000 человек)²⁷:

Под контролем	Число фабрик	Процент от общего числа	Число рабочих	Процент от общего числа
английского частного капитала	146	27,4	443 052	31,6
колоннальных властей	26	4	71 492	7,2
неанглийского иностранного капитала	9	1,7	22 869	1,5
индийского капитала	331	62	808 696	55,7
капитала, принадлежность которого не установлена	21	4,9	55 280	4,0

В различных отраслях промышленности соотношение между числом предприятий, находящихся под контролем английского и индийского капитала, резко колебалось. В джутовой, табачной и кожевенной отраслях преобладали английские монополии. В хлопчатобумажной, сахарной, металлургической был выше удельный вес индийского капитала.

На основе сильной концентрации производства и капитала усиливались английские финансовые кланы и индийские монополистические объединения. Как уже отмечалось, в Индии специфической формой монополий, прежде всего для действующих в промышленности, стало управляющее агентство. О степени засилья управляющих агентств в крупном капиталистическом предпринимательстве можно судить по следующим цифрам, относящимся к Индии после второй мировой войны: 28 500 акционерных компаний использовали капитал в 16—17 млрд. рупий, 80 % которого приходилось на компании, находившиеся под контролем управляющих агентств.

Английские империалисты всяческими методами препятствовали развитию новых важных отраслей промышленности²⁸. Колонизаторы поощряли торговые и ростовщические операции местных капиталистов, принимали их денежные накопления в виде вкладов в свои банки, изымали эти накопления путем реализации государственных займов и акций компаний, подконтрольных английскому капиталу. Только очень крупные индийские капиталисты смогли накануне второй мировой войны выйти на путь относительно самостоятельной крупной промышленной деятельности. Среди них, как уже говорилось, особенно выделялся концерн Тата, имевший предприятия во многих отраслях народного хозяйства. Затем шел молодой концерн Далмия, действовавший в то время главным образом в цементной промышленности и связанный своими связями с торгово-ростовщическим капиталом. Можно еще назвать группу Вальчанда, игравшую значительную роль в судоходстве и в других сферах предприни-

²⁵ Ajit Roy. Указ. соч., стр. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 18—19.

²⁸ Подробнее см. С. М. Мельман. Экономика Индии и политика английского империализма. М., Изд-во АН СССР, 1951.

мательства; группу Бирла, занимавшуюся крупной торгово-посреднической деятельностью и имевшую несколько крупных фабрик; группу Сингхания, действовавшую главным образом в отраслях легкой промышленности в Центральной Индии; группу К. Тхапара — одного из руководителей сахарного картеля.

Несколько значительных групп индийского монополистического капитала действовало в сфере банковского дела, страхования и торговли.

По мере развития капитализма в стране усиливалась конкурентная борьба между английскими монополиями и местным капиталом. Жестокая конкуренция охватывала все отрасли промышленности, транспорта, банковского и страхового дела. В условиях экономического и политического господства английских империалистов конкурентная борьба с английскими монополиями являлась для местной буржуазии очень тяжелым делом; разорялись не только многие мелкие и средние предприниматели, но иногда терпели банкротства и крупные капиталисты. В середине 30-х годов, например, разорилось самое крупное монополистическое объединение в хлопчатобумажной промышленности Индии — фирма «Е. Карримбхай энд санс»²⁹.

Индийские монополии выросли из концентрации капиталистического производства. Однако господство английского монополистического капитала, сильные пережитки феодализма, отсталость и уродливость развития капитализма в колониальной Индии определили специфический характер индийских монополий. Образование монополий было подготовлено и ускорено централизацией торгово-ростовщического капитала. У отдельных монополий удельный вес операций в различных сферах предпринимательства был неодинаков. Концерн Тата больше действовал в промышленности и банковском деле, хотя торгово-посредническая деятельность приносила ему большие доходы; финансовые группы, возглавляемые марварийскими монополистами, больше наживались на банковских, торговых и ростовщических операциях.

Местные монополистические объединения являлись своеобразной «надстройкой» не только над сильно концентрированным индийским промышленным и банковским капиталом, но и над торгово-ростовщическим капиталом, действовавшим в стране, где господствовали феодальные пережитки в деревне. Одновременно монополии проникали в сферу простого товарного и мелкого капиталистического производства, привлекая крупные прибыли и препятствуя развитию низших форм капиталистического предпринимательства³⁰.

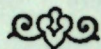
Для индийских монополистических объединений, большинство которых возникло на первом этапе общего кризиса капитализма, в условиях колониальной и полуфеодальной страны, были характерны как связи, так и глубокие противоречия с английским финансовым капиталом и с местными феодально-помещичьими кругами. Эти противоречия поро-

²⁹ О чрезвычайной трудности для индийской буржуазии конкурентной борьбы с английскими монополистами говорит следующий факт. Опираясь на поддержку колониальных властей, британские финансисты препятствовали развитию даже местного каботажного судоходства. Местные капиталисты, пытавшиеся основать судоходные компании, быстро разорялись. «История судоходства нашей страны, — заявил в 1935 г. на конференции индийских бизнесменов один крупный капиталист, — состоит в следующем: за последние 50 лет обанкротилось свыше пятидесяти индийских компаний, потери исчисляются десятками миллионов рупий». «Federation of Indian chambers of commerce and industry. Proceedings of the 8th annual meeting (30—31 March 1935)». Cawnpore, 1935, p. 32.

³⁰ Подробнее о мелкой промышленности, занимающей очень важное место в народном хозяйстве Индии, см. «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. XV. М., 1955.

ждались тем, что английское колониальное господство и феодальные пережитки задерживали развитие капитализма в стране и тем самым ограничивали массу прибылей индийских монополистов.

Развитие в Индии капитализма и, в частности, крупного капиталистического предпринимательства было проявлением растущего общественного разделения труда, показателем серьезных социальных изменений в структуре индийского общества. Эти процессы неизбежно приводили к обострению противоречия между возрастающей потребностью в самостоятельном экономическом, политическом и культурном развитии страны и колониальным гнетом. Героическая борьба рабочего класса, крестьянства, мелких товаропроизводителей-ремесленников и других демократических слоев индийского населения была направлена на ликвидацию английского колониального господства, на создание условий для самостоятельного развития Индии.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С. Е. ЯХОНТОВ

Определение занимает несколько особое место среди членов предложения китайского языка. Особенность его, как известно, состоит в том, что наличие или отсутствие определения никак не связано со структурой предложения в целом; определение относится к существительному независимо от функции последнего в предложении. Китайские языковеды обычно объединяют определение с обстоятельством (которое имеет аналогичные свойства, но относится не к существительному, а к глаголу, прилагательному или к предложению в целом) под названием «добавочные члены предложения» (*фуцзяюй*) и рассматривают их отдельно от других членов предложения¹; в то же время они выделяют приложение (*тунвэйюй*) в качестве особого члена предложения², не считая его разновидностью определения.

Приложение, как и определение, относится обычно к существительному, но оно может относиться и к местоимению, в то время как определение к местоимению встречается только в книжном стиле, в разговорной же речи это невозможно³. Кроме того, определение называет признак предмета, обозначенного определяемым (так же как обстоятельство обычно называет признак действия или качества), в то время как приложение имеет другое значение: приложение и слово, к которому оно относится, являются лишь разными названиями одного и того же лица или предмета. Например, в словосочетании *та ды /эрцзы \Жунь\ту* 'его сын Жунь-ту' слова */эрцзы* 'сын' и *\Жунь\ту* 'Жунь-ту', из которых первое является приложением ко второму, обозначают с разных точек зрения одно и то же лицо.

Определение в современном китайском языке за очень редкими исключениями ставится перед определяемым.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Существует несколько типов определений, различающихся по оформлению, по значению, по соотносительности с другими членами предложения и т. п.

¹ См. Люй Шу-син, Чжу Дэ-си. Юйфа сюцы цзянхуа (Лекции по грамматике и стилистике). Пекин, 1954, стр. 23—27.

² Там же, стр. 29.

³ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 215; см. также «Юйфа цзянхуа» (Лекции по грамматике). «Чжунго юйвэнь», 1953, № 8, стр. 17.

Прежде всего, все определения можно разделить на две большие группы: определения предикативного типа и определения именного типа.

Определения предикативного типа выражаются словами и словосочетаниями, употребляющимися в качестве сказуемого без связки. В китайском языке всякое слово или словосочетание, функционирующее как бессвязочное сказуемое, может быть употреблено и как определение, причем в функции определения оно обязательно оформляется при помощи морфемы *ды*⁴, например: *\нагэ /жэнь \бу \чоу \янь* 'этот человек не курит'; *\бу \чоу \янь \ды /жэнь* 'не курящие люди', 'люди, которые не курят'; *\на \кэ \шу \хэнь \гао* 'это дерево высокое'; *\хэнь \гао \ды \шу* 'высокие деревья'; *\шу \цзай \чжоуцзышан* 'книги на столе'; *\чжоуцзышан \ды \шу* книги [которые] на столе⁵; *\чжэзэ /хайцзы /ши \суй* 'этому ребенку десять лет'; */ши \суй \ды /хайцзы* 'десятилетний ребенок'.

Определения именного типа не соотносятся со сказуемым или каким-либо другим членом предложения. Они не имеют единого оформления, общего для всего данного типа, и могут быть в свою очередь разделены на несколько групп.

Прежде всего, особую группу среди определений именного типа образуют количественные определения. Определение со значением количества может быть выражено сочетанием числительного с «единицей измерения» — счетным словом или счетным суффиксом⁶, изредка — просто числительным, и отвечает на вопрос «сколько?». Примеры количественных определений: *\саньгэ /жэнь* 'три человека', *\лянь \ба \даоцзы* 'два ножа', *\и \цзинь /янь* 'фунт соли', *\и \вань /ча* 'чашка чаю', *\цзи \тянь* 'несколько дней'. Количественное определение в некоторых случаях может стоять не перед определяемым, а после него⁷. Это является одним из формальных признаков количественного определения.

Затем, существует группа определений с указательным значением, выражаемых указательными местоимениями. Принято считать, что указательные местоимения *\чжэ* 'этот', *\на* 'тот', а также слова *\мэй* 'каждый', *\шан* 'предыдущий', *\ся* 'следующий', */тоу* 'первый', *\мо* 'последний', *\моу* 'некий' и др. в функции определения, подобно числительным, могут иметь после себя единицы измерения⁸, например: *\чжэзэ /жэнь* 'этот человек', *\на \ба \даоцзы* 'тот нож', *\чжэ \вань /ча* 'эта чашка чаю'. В действительности дело обстоит несколько иначе. В этих и других аналогичных примерах между указательным местоиме-

⁴ А. А. Драгунов. Указ. соч., стр. 72, 171, 187.

⁵ Наречные существительные и существительные с послелогом в функции сказуемого вводятся полуслужебным глаголом *\цзай* 'находиться'; в составе определения этот глагол, как правило, опускается.

⁶ Строго говоря, из всех единиц измерения только *гэ* можно, хотя и с некоторыми оговорками, рассматривать как суффикс, поскольку в разговорном языке он никогда не имеет тона и ударения и, следовательно, фонетически неотделим от слова, к которому присоединяется; см. В. Karlgren. A mandarin phonetic reader. Upsala, 1917, p. 53. Остальные классификаторы могут находиться под ударением, если существительное, к которому они относятся, опущено; таким образом, они сохраняют фонетическую самостоятельность и являются, скорее, служебными словами (подобно предлогам, союзам и т. п.), чем суффиксами.

В литературном китайском произношении *гэ*, как и другие классификаторы, сохраняет свой тон (произносится *\гэ*) и может стоять под ударением. Большинство китайских лингвистов рассматривает все классификаторы, в том числе и *гэ*, как самостоятельные слова — служебные существительные (*фунци*) или «меры» (*линьци*).

⁷ А. А. Драгунов. Указ. соч., стр. 44—45.

⁸ См. В. Исаенко, Н. Коротков, П. Советов-Чань. Учебник китайского языка. М., 1954, стр. 131—134.

нием и единицей измерения опущено числительное «и один». Это числительное может также сливаться с указательным местоимением в один слог (*\чжэ* и *\и* → *\чжэй*, *\на* и *\и* → *\нэй*): *\чжэйгэ /жэнь*, *\нэй \ба \даоцзы* и т. п. Числительное «и один» сохраняется после местоимений *\чжэ* и *\на* только в том случае, если оно специально подчеркивается.

Таким образом, единица измерения, стоящая после указательного местоимения, относится не к самому местоимению, а к выпавшему или слившемуся с ним числительному. Если числительное, стоящее после местоимения, сохраняется, местоимение не может иметь после себя единицу измерения. Так, говорят *\чжэ /игэ /жэнь* 'этот один человек', *\на /лянь \вань /ча* 'те две чашки чаю', но никак не *\чжэзэ /игэ...* и т. п.

Если местоимения *\чжэ* и *\на* не являются определением, к ним может присоединяться суффикс *гэ*, но не какая-нибудь другая единица измерения; в этом случае между местоимением и суффиксом не может быть вставлено числительное, и *гэ* относится к самому местоимению⁹.

Итак, определения, выраженные указательным местоимением, образуют особую группу. Определения этой группы, в отличие от количественных определений, не содержат единицы измерения.

Определение с указательным значением не обозначает никакого конкретного признака и служит лишь для выделения предмета из ряда ему подобных. Оно может отвечать на вопрос *\на?* 'который (из нескольких)?'. Специального оформления оно не имеет.

К этой же группе следует отнести определение, выраженное порядковым числительным (например, *\ди \саньгэ /мэнь* 'третья дверь'), которое тоже отвечает на вопрос *\ни?* 'который?' и обозначает не признак предмета, а место его в ряду других аналогичных предметов.

Третья группа определений именного типа — это определения с притяжательным значением¹⁰. Они указывают на различные виды зависимости одного предмета от другого: отношение обладания, отношение части к целому, отношение признака к его носителю и т. п. Притяжательное определение может быть выражено существительным или местоимением, например: *\гэзэ \ды \шу* 'книга старшего брата', *\та \ды \вшоу* 'его руки', *\мяо \ды \да /мэнь* 'ворота храма', *\чжунго \ды \шоу \ду* 'столица Китая', *\цзо \цзя \ды /минцзы* 'имя автора', *\бу \ды /яньсэ* 'цвет материи'.

Как видно из этих примеров, определение с притяжательным значением, как и определение предикативного типа, обязательно оформляется морфемой *ды*. Однако в некоторых случаях (которые будут специально рассмотрены ниже) оно может быть и неоформленным.

Наконец, последнюю группу определений именного типа составляют определения со значением качественного или относительного признака; они могут выражаться неоформленным прилагательным или существительным (определение-прилагательное имеет качественное значение, определение-существительное — относительное значение). От определений с указательным значением (которые тоже не имеют оформления) они отличаются тем, что могут быть отделены от определяемого только другим таким же определением, в то время как указательные местоимения почти всегда отделены от определяемого числительным, единицей измерения или каким-либо другим словом.

⁹ См. Люй Шу-сян. Юйфа сюэси (Изучение грамматики). Пекин, 1954, стр. 50.

¹⁰ Эта группа выделяется многими китайскими лингвистами. См., например, «Юйфа цзяньхуа», «Чжунго юйвань», 1953, № 8, стр. 17—18.

Примеры определений с качественным значением: *хао шу* 'хорошая книга', *гао шань* 'высокая гора', *хун бу* 'красная материя'. Примеры определений с относительным значением: *ню тоу* 'бычья голова', *гаолян суйцзы* 'колосья гаоляна', *паоцзы жоу* 'оленье мясо', *муцзян шюу'и* 'плотничье ремесло', *гун жэнь цзецзи* 'рабочий класс', *тайян гуан* 'солнечный свет', *цы ча ху* 'фарфоровый чайник'.

Итак, определения именного типа распадаются на четыре группы: 1) количественное определение, которое выражается обычно сочетанием числительного и единицы измерения и ставится после определяемого; 2) указательное определение, выражаемое указательными местоимениями, неоформленное; 3) притяжательное определение, выражаемое существительным или местоимением и оформляющееся (за исключением некоторых особых случаев) морфемой *ды*; 4) относительное или качественное определение, выражаемое существительным или прилагательным, неоформленное.

Помимо определений предикативного и именного типа встречаются также определения, выраженные наречием: *цзиньтянь ды бао* 'сегодняшняя газета', *и дин ды тья цзянь* 'определенные условия' и т. п. Определение, выраженное наречием, трудно отнести к одному из двух основных типов определения (подобно тому, как само наречие как часть речи не может быть отнесено ни к одной из двух основных лексико-грамматических категорий китайского языка — к имени или предикативу¹¹). Определение, выраженное наречием, обязательно оформляется морфемой *ды* и по этому формальному признаку приближается скорее к определению предикативного типа.

Несколько определений именного типа, относясь к одному и тому же определяемому, располагаются в известной последовательности. В непосредственной близости к определяемому ставятся определения с качественным и относительным значением, которые, как уже упоминалось, не могут быть ничем отделены от определяемого; перед ними ставится количественное определение, затем указательное и в самом начале словосочетания — притяжательное определение¹²; например: *ца на сань моу цай ди* (Чжао Шу-ли) 'те мои три му земли, занятые под овощами' (дословно 'мои те три му овощной земли').

Предикативное определение не имеет постоянного места в цепи определений именного типа. Надо только отметить, что если предикативное определение стоит перед указательным определением¹³, оно само приобретает отчасти указательное значение, то-есть не просто указывает признак предмета, а одновременно служит для выделения предмета из ряда ему подобных; сравните: *нагэ ши суй ды хайцзы* 'тот десятилетний ребенок', но *ши суй нагэ хайцзы* 'тот именно ребенок (из нескольких), которому десять лет'.

Место определения по отношению к определяемому является дополнительным формальным признаком каждой из перечисленных выше групп определений. В частности, этот признак не позволяет нам объединить притяжательное определение с определением предикативного типа; хотя они имеют одинаковое оформление — *ды*, первое из них всегда предшествует другим определениям, второе же не обладает этой особенностью.

¹¹ А. А. Драгунов. Указ. соч., стр. 12.

¹² Притяжательное определение перед указательным местоимением обычно бывает лишено своего формального признака — морфемы *ды*; его притяжательное значение при этом выражается только его местом в ряду других определений.

¹³ Определение предикативного типа, как и притяжательное определение, перед указательным местоимением обычно не оформляется морфемой *ды*.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОГО ТИПА И ПРИДАТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Определение предикативного типа находится в таких же смысловых отношениях к определяемому, в каких бессвязочное сказуемое находится по отношению к подлежащему. Например, если сказуемое выражено глаголом и указывает на действие лица, обозначенного подлежащим, то соответствующее определение указывает на такое же действие лица, обозначенного определяемым. Это хорошо видно на примерах, приведенных выше.

Однако имеются и такие случаи, когда глагол, входящий в состав определения, оформленного морфемой *ды*, находится в иных отношениях с определяемым. Определяемое может указывать на объект действия, обозначенного глаголом, место, где происходит действие, и т. п., например: *Дун-линь чжэнь ды цян* (Ли Чжунь) 'деньги, которые заработал Дун-линь', 'деньги, заработанные Дун-линем'; *во цзого гун цзо ды цунцзы* (Чжао Шу-ли) 'деревни, где мне приходилось работать'. Такое определение не соотносится с каким-нибудь сказуемым. Более того, оно само имеет в своем составе подлежащее и сказуемое; например, в первом из приведенных выше примеров *Дун-линь* 'Дун-линь' относится к *чжэнь* 'заработать', как подлежащее к сказуемому. Поэтому определения этого типа следует рассматривать как придаточные определительные предложения.

Подобные придаточные предложения, насколько мне известно, могут иметь в качестве сказуемого только глагол. Исключением можно было бы считать такие примеры, как *даньцзы да ды жэнь* 'храбрый человек' (дословно 'человек, у которого печень велика'). Большинство исследователей рассматривают здесь *даньцзы* 'печень' как подлежащее к *да* 'большой'. Однако сочетание *даньцзы да* 'печень велика' = 'храбрый' в целом может быть употреблено в качестве сказуемого к слову *жэнь* 'человек', то-есть можно сказать: *нагэ жэнь даньцзы да* 'этот человек храбр' (дословно 'у этого человека печень велика'). Поэтому *даньцзы да* в сочетании *даньцзы да ды жэнь* 'храбрый человек' является определением предикативного типа, а не придаточным определительным предложением.

От определения предикативного типа и придаточного определительного предложения полезно отличать «тождественное (*тун'исин ды*¹⁴) определение», которое служит не для указания признаков определяемого, а для раскрытия его содержания. По значению «тождественное определение» ближе к приложению, чем к настоящему определению, и может быть выражено сказуемостным оборотом¹⁵ или целым предложением, например:

... *Мэйго чжэнь фу*... *цай цюйла гун кай гань ши* 'Чжунго кай чжэнь ды фан чжэнь' (У Сю-пюань) '... правительство США... начало проводить политику открытого вмешательства во внутренние дела Китая';

¹⁴ Подробнее о «тождественном определении» см. «Юйфа цзянхуа». «Чжунго юй-вэнь», 1953, № 8, стр. 18.

¹⁵ Под сказуемостным оборотом я понимаю глагол или, чаще, словосочетание, центром которого является глагол, употребленный как отвлеченное название действия, не отнесенное к определенному действующему лицу. Глагол в составе сказуемостного оборота сохраняет способность иметь дополнение и сочетаться с наречием, но не может изменяться по временам. На русский язык он может быть переведен неопределенной формой глагола или отглагольным существительным. Сказуемостный оборот в составе предложения употребляется почти во всех функциях, обычно свойственных не глаголу, а существительному. Об употреблении сказуемостного оборота см. Ван Ляо-и. Вэйной синши хэ цзюйцзы синши (Сказуемостный оборот и развернутый член предложения). «Юйвэнь сюэси», 1952, № 9, стр. 40—44.

\Хань Лао\лю\паола\ю\бэй\чжэуахуэй\ды\сяоци, \чжэнь\дулла\цюань\тунь (Чжоу Ли-бо) 'весть о том, что Хань Лао-лю бежал и был снова схвачен, взбудоражила все село'.

Если «тождественное определение» выражено целым предложением, оно всегда оформляется морфемой *ды*, если же оно выражено сказуемым оборотом, *ды* может изредка (в словосочетаниях, имеющих характер терминов) опускаться.

Формальный признак, отличающий «тождественное определение» от других типов определения и от определительного придаточного предложения, состоит в том, что сочетание его с определяемым может быть превращено в сочетание и м е н н о г о, с в я з н о г о сказуемого с подлежащим. Например, первый из приведенных выше примеров «тождественного определения» можно перестроить так:

\Мэйго\чжэнь\фу\со\цай\цюй\ды\фан\чжэнь\ши\гун\кай\гань\шэ\Чжунго\нэй\чжэнь\политика, которую начало проводить правительство США, состоит в открытом вмешательстве во внутренние дела Китая'.

«Тождественное определение» возможно только при некоторых отвлеченных существительных, например, \шичи\цинь 'дело', \гань\ти 'вопрос', \гун\цэо 'работа', \маобин 'недостаток', \кунь\нань 'затруднение', \чжэнь\цэ 'политика', 'политическая линия' и т. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ-ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ-СКАЗУЕМОЕ

Прилагательное употребляется в качестве предикативного определения и в качестве именного определения с качественным значением. В первом случае определение соотносено с прилагательным-сказуемым.

Прилагательное в функции сказуемого чаще всего обозначает не просто качество как таковое, а качество с оттенком сравнения¹⁶. В простейшем случае речь идет о сравнении качеств двух предметов, которые оба указаны в самом предложении (или в контексте), например: \чжэ\вань\ча\нун, \на\вань\ча\дань 'чай в этой чашке (дословно 'эта чашка чаю') крепче, в той чашке — жиже'; \та\би\во\да 'он старше меня'; \ли\кань\на\и\цзянь\уцзы\хао? 'как по-твоему, которая комната лучше?'

В других случаях речь идет не о сравнении двух предметов, а о сопоставлении качества предмета с какой-то степенью качества, принимаемой за норму; говорящий как бы дает предмету оценку. Предложение, содержащее прилагательное в этом значении, обычно составляет первую часть сложного предложения, вторая часть которого разъясняет оценку, данную в первой части, или содержит вывод из этой оценки, например: ... \ди\эр\ши\нян\цзя\цюн, \майбу\ци\цзячжэуан (Чжао Шу-ли) '... во-вторых, семья [ее] матери была бедна, не могла купить приданого'; \бу\го\бу\лянь\бао, \бу\тин\ды\цунь\лу\гань\та\ды\цзяо\ди (Лу Синь) 'Но куски материи [которыми он обернул ноги] были [слишком] тонки, неровная проселочная дорога колола ему ступни'; \уцзы\сяо, \тамынь... \чжи\нэ\айчжэ\цзыюй\ван\чжэ\бянь\уцзи (Чжао Шу-ли) 'Комната была мала, [так что] они... могли только по очереди протискиваться к столу'.

Прилагательное-сказуемое в этих примерах не просто обозначает качество; оно, как уже упоминалось, одновременно дает предмету оценку с определенной точки зрения. Например, предложение \уцзы\сяо 'ком-

ната [была] мала' не означает, что комната просто была маленькая; речь идет лишь о том, что комната была слишком тесна для того количества людей, которое в ней находилось. В случае, если в предложении имеется (или подразумевается) сравнение, мы можем перевести прилагательное-сказуемое на русский язык прилагательным в сравнительной степени; «оценочное» же значение точнее всего может быть передано на русском языке с помощью краткой формы прилагательного¹⁷. Прилагательное в функции сказуемого может обозначать также большую или меньшую интенсивность качества; в этом случае прилагательное имеет перед собой наречия степени (\тай 'слишком', \цзи 'крайне', \мань 'вполне', \гоу 'довольно' и т. п.) или отрицание \бу, указывающее на нулевую степень качества, т. е. на его отсутствие.

Примечание. Среди наречий степени особое место занимает слово \хэнь. Первоначально оно значило 'очень' и указывало на высокую степень качества. Однако в современном языке это наречие обозначает обычную, нормальную, среднюю степень качества. Если нужно употребить название качества как сказуемое без оттенка сравнения и сопоставления и без указания на степень интенсивности, перед прилагательным-сказуемым ставится наречие \хэнь¹⁸. Таким русским фразам, обозначающим просто качество без всяких дополнительных оттенков, как 'эта гора высокая', 'железо тяжелое', в китайском языке соответствуют фразы с наречием \хэнь перед сказуемым: \чжэ\цэо\шань\хэнь\гао, \те\хэнь\чжун и т. п.

Наконец, прилагательное в функции сказуемого может обозначать качество временное, то-есть наличествующее только в определенный момент или промежуток времени и не являющееся неизменным признаком предмета. В этом случае оно может иметь при себе обстоятельства времени или оформляться видо-временными аффиксами (чаще всего — суффиксом *ла*), например:

\гей\во\дань\шуй\хэ\я, \во\кэ! (Лао Шэ) 'дай мне немного воды, я хочу пить!'; \чжэ\жэнь\юань\лай\цзю\хуай, \та\ды\вай\хао\цзяо\Чжан\эр\хуай (Чжоу Ли-бо) 'этот человек и раньше уже был плохой, его прозвище — Чжан Второй негодяй'; \тань\хэйла\Сем\нелю; \ди\гань\ла\земля\просохла; \ту\доуцзы\хуайла\и\Сем\Чжоу\Ли-бо) 'половина картофеля испортилась'; \Сань\Сянь\гу\бань\бэй\мэйю\лянь\хунго (Чжао Шу-ли) 'Сань Сянь-гу за полжизни ни разу не покраснела'.

Итак, прилагательное в функции сказуемого обозначает качество с оттенком сравнения или оценки, большую или меньшую степень качества или непостоянное, изменяющееся качество.

Те же самые значения имеет и прилагательное, употребленное как определение предикативного типа (т. е. как определение, оформленное морфемой *ды*). Как и прилагательное-сказуемое, оно может соединяться с наречиями степени¹⁹ и обозначает более или менее интенсивное качество, например \цзуй\хао\ды\фацзы 'самый лучший способ', \тай\ду\ань\ды\шань 'слишком короткое платье'. Если при прилагательном нет наречий степени, оно чаще всего имеет оттенок сравнения, например:

¹⁷ О соответствующем значении русского краткого прилагательного см. А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 101.

¹⁸ См. Е. и А. Драгуновы. Части речи в китайском языке. «Советское языкознание», т. 3. Л., 1937, стр. 122.

¹⁹ На практике можно встретить случаи, когда прилагательное с наречием степени в функции определения, вопреки общему правилу, не оформляется морфемой *ды*. Однако такие случаи являются исключениями; китайская грамматика считает наличие *ды* в таких случаях обязательным. См. Юйфа цзинхуа. «Чжунго юйвэнь», 1953, № 8, стр. 17.

¹⁶ Юйфа цзинхуа. «Чжунго юйвэнь», 1952, № 4, стр. 23.

/тун/ши, /чунфу гуань/лянь/цы \цзю ба иэ/чан ды/чэн/фэнь
 \хуа чэн цзигэ дуань ды/чэн/фэнь (Люй Шу-сян, Чжу Дэ-си) 'В то же
 время, повторяя соединительные слова, мы делаем из более длинной
 единицы речи несколько более коротких единиц'.

Игэ сяо ды \каншан/кэ'и/шуй лянэ /жэнь, \да ды/кэ'и/шуй
 /хао цзигэ жэнь (Ба Цзинь) 'На меньшем кане могут спать два челове-
 ка, на большем — много людей'.

Вомынь/жу го \яо шоу/хуэй /лин/ту, \дан сянь /цун \да ды
 \дифан \ци (Сунь Чжун-шань) 'Если мы захотим взять обратно [свою]
 территорию, мы прежде всего начнем с больших [чем Цзяочжу] райо-
 нов'.

Прилагательное в функции определения предикативного типа иногда
 может также обозначать признак, изменяющийся во времени, например:

Же ды баоцзы! Ган чу \ти ды... (Лу Синь) 'Горячие пирожки!
 Только что из печки...'

Чэцзы цзоу дао игэ ганьбала ды/ни вацзыли (Чжоу Ли-бо) 'Телега
 въехала в пересохшую грязную лужу'.

Что же касается прилагательного, употребленного как определение
 именного типа, то оно обозначает абсолютное (не связанное со сравне-
 нием), постоянное во времени и по интенсивности качество; оно никогда
 не сочетается с наречиями степени и никогда не оформляется видо-вре-
 менными аффиксами (присоединение наречий степени или аффиксов пре-
 вращает это определение из именного в предикативное). Таким образом,
 прилагательное в этой функции отличается по грамматическому значению
 и по ряду формальных признаков от прилагательного-сказуемого и от
 прилагательного, употребленного как определение предикативного
 типа.

Это различие связано с тем, что, как уже говорилось выше, опреде-
 ление предикативного типа в китайском языке соотнесено с бессвязным
 сказуемым; любое слово или словосочетание, употребленное как сказуе-
 мое, может быть (с тем же значением и с теми же грамматическими
 свойствами) употреблено как определение предикативного типа. Напро-
 тив, определение именного типа никак не связано со сказуемым. Оно
 преимущественно выражается словами, относящимися к категории имени,
 и прилагательное, употребленное в функции определения, тоже приобре-
 тает некоторые свойства имени: как и имя, оно обозначает нечто не
 меняющееся ни во времени, ни по степени интенсивности.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Существительное может употребляться в качестве притяжательного
 определения и в качестве определения с относительным значением.
 В первом случае определение указывает на отношение определяемого к
 отдельным индивидуальным предметам, а во втором — на отно-
 шение его к данной категории примеров в целом, к обобщенному
 представлению об этой категории предметов²⁰. Например, слово-
 сочетание /но/тоу 'бычья голова' обозначает голову, свойственную

²⁰ Смысловая разница между китайским относительным и притяжательным опре-
 делением напоминает разницу между оформленным определением-существительным
 (в 1-м и 2-м типе изафета) и существительным в родительном падеже (в 3-м типе
 изафета) в тюркских языках. О значении определения в конструкции изафета в тюрк-
 ских языках см., например, А. Н. Койнова. Грамматика турецкого языка. Изд-во
 АН СССР, 1941, стр. 172—176. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка.
 Изд-во АН СССР, 1948, стр. 224—227.

всякому быку вообще, в то время как /но ды/тоу 'голова быка'
 означало бы голову какого-то отдельного быка.

Выше отмечалось, что притяжательное определение, как правило,
 оформляется морфемой ды. Однако, если сочетание притяжательного опре-
 деления с определяемым обозначает отношения между людьми и
 или отношение человека к коллективу, определение по большей части
 остается неоформленным. Это бывает прежде всего в том случае, если
 определяемое выражено терминном родства, например: во гэгэ 'мой старший
 брат', та эрцзы 'его сын', Дун-шань/нян 'мать Дун-шаня', Пан/хай-де
 'отец Пан-хая'. Однако неоформленное притяжательное определение
 возможно и при некоторых других существительных; например, говорят:
 та тунь/лин 'его односельчанин', та шифу 'его учитель', вомынь
 бань/чжан 'наш командир взвода', вомынь сюэ/сяо 'наша школа',
 вомынь тун/е/ше 'наш сельскохозяйственный кооператив', вомынь
 дан 'наша партия', вомынь минь/цзу 'наша нация'.

Определение в этих примерах не оформлено, но, будучи названием
 отдельного лица (или лиц), по значению является притяжательным. Его
 везде можно оформить и по общему для притяжательных определений
 правилу, то-есть с помощью морфемы ды.

От притяжательного определения следует отличать существительное,
 стоящее перед наречным существительным, например: лу цзобань
 'слева от дороги', цяо дунбянь 'к востоку от моста', юань/цян \вай-
 мянь 'по ту сторону забора', вомынь лимань 'среди нас'. В этих сочета-
 ниях наречное существительное выполняет функции, близкие к функциям
 послелога, то-есть уточняет пространственные отношения предмета к дей-
 ствию, обозначенному сказуемым, или к другим предметам, упоминае-
 мым в предложении. Существительное, стоящее перед наречным суще-
 ствительным, не является настоящим определением и, как правило, не
 оформляется с помощью ды.

Существительное, оформленное послелогом, имеет значение не пред-
 метности, а места, и по своим синтаксическим свойствам не отличается
 от наречных существительных; поэтому, если в сочетании притяжательного
 определения с определяемым последнее присоединяет к себе послелог,
 определение теряет притяжательное значение и так же, как и суще-
 ствительное, стоящее перед наречным существительным, обычно не оформ-
 ляется морфемой ды, например: Го Цюань хай ды \шоу 'руки Го Цю-
 ань-хая', но Го Цюань хай шоули 'в руках у Го Цюань-хая'; ми ды
 уцзы 'твоя комната', но ми ули 'у тебя в комнате'.

Существительное как притяжательное определение сохраняет все свои
 обычные грамматические свойства. В функции определения с относитель-
 ным значением существительное, напротив, лишается многих своих грам-
 матических признаков. Так, оно не может иметь при себе количественных
 и указательных определений, не получает показателя множественного
 числа -мынь, часто утрачивает суффиксы предметности (-цзы, -р, -тоу).
 Таким образом, и существительное, и прилагательное, употребленные как
 неоформленное определение, теряют многие грамматические особенности,
 свойственные им в других синтаксических функциях. Однако у нас нет
 основания думать, что существительное превращается при этом в прила-
 гательное²¹, или наоборот.

Пожалуй, единственным формальным отличием между существитель-
 ным и прилагательным в функции определения является то, что суще-

²¹ Как связывает, например, А. А. Драгунов. См. А. А. Драгунов. Указ. соч.,
 стр. 14, 171.

ствительное-определение само может иметь определение, например: \ин чжи тецзы 'пригласительная карточка из плотной бумаги', /бай /ян /ни \да и 'шуба из белой овчины', \доу /ю \дэн гуан 'свет масляной лампы'.

Особенно часто такое определение к существительному-определению мы встречаем в том случае, если это существительное относится к категории неотчуждаемой принадлежности, например: 'гао гэр /се 'туфли на высоком каблуке', 'цзяо /ни гулу чэ 'телега с резиновыми шинами', /бай /хуцзы лао /тоур 'старик с белой бородой'²². Существительное, относящееся к категории неотчуждаемой принадлежности, вообще почти не употребляется как определение, если само не имеет определения.

МОРФЕМА *ды* КАК ОФОРМЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Мы видели, что определение может иметь специальное оформление — морфему *ды*. Она является показателем не определения вообще, а только некоторых групп определений. Морфема *ды* имеет два основных значения: 1) она оформляет определение предикативного типа и определительное придаточное предложение, то-есть превращает сказуемое или целое предложение в определение к существительному; 2) она выражает категорию притяжательности (принадлежности). Различие между этими двумя значениями ясно ощущается носителями китайского языка. Это видно хотя бы из того, что для записи *ды* в значении принадлежности иногда используется особый знак — 底, тогда как в первом значении *ды* всегда записывается знаком 的.

Морфему *ды* при определении-прилагательном ряд авторов рассматривает как суффикс прилагательного, а при определении-глаголе — как суффикс причастия²³. Однако это мнение нельзя признать справедливым. Рассмотрим следующие примеры: /Мэйю \цзы /лай \шуй, чжи /нэн хэ \ю ху \ю /сянь \ю, фа ту син \вэй ды /цзин \шуй (Ляо Шэ) 'Водопровода нет, можно пить только горькую, соленую, пахнущую землей колодезную воду'.

Лао Сунь /тоу... \ти та мо-ганьла \ю /хун \ю ци \пао ды /цзяо \вань (Цао Мин) 'Старый Сунь... насухо вытер ему красные, покрывшиеся пузырями ступни.'

В этих примерах морфема *ды* относится одновременно к прилагательному и глаголу; следовательно, она не является суффиксом ни того, ни другого. Как показатель определения предикативного типа эта морфема вообще не является суффиксом, так как может быть отделена от того слова, к которому она относится, например: 'чоу янь ды /жэнь 'курящие люди' (дословно 'люди, курящие табак').

/У Цзя-фу шюли /нажэ и /тяо би та /чан лян \бэй ды 'бяньцзы (Чжоу Ли-бо) 'У Цзя-фу держал в руке кнут в три раза длиннее его самого'.

В первом из этих примеров между *ды* и глаголом 'чоу 'курить' вставлено слово 'янь 'табак'; во втором — между *ды* и прилагательным /чан

²² Название предмета неотчуждаемой принадлежности в сочетании с определением-прилагательным иногда употребляется как бессвязное сказуемое (см. А. А. Драгунов. Указ. соч., стр. 68), поэтому в функции определения оно может оформляться и по предикативному типу (с *ды*), например: /бай /хуцзы ды лао /тоуцзы (Чжоу Ли-бо) 'старик с белой бородой'.

²³ См. «Китайско-русский словарь», под ред. проф. И. М. Ошанина. М., 1952, стр. 419, а также А. А. Драгунов. Указ. соч., стр. 97.

'длинный' вставлено словосочетание лян \бэй 'в три раза'. Таким образом, морфема *ды* не входит в состав глагола или прилагательного, а является самостоятельным служебным словом (или частицей).

Несколько иначе обстоит дело с *ды* — показателем притяжательного определения. В этом значении морфема *ды* ничем (кроме, пожалуй, приложения) не может быть отделена от того слова, к которому она относится²⁴; поэтому есть некоторые основания для того, чтобы считать это *ды* аффиксом существительного или местоимения. Правильнее, однако, рассматривать разные значения *ды* именно как два разных значения одной и той же морфемы, а не как две разных морфемы (частицу и аффикс).

²⁴ Правда, *ды* при притяжательном определении может относиться одновременно к двум и более словам, например: /юй \шу лю \шу ды \ецзы (Чжоу Ли-бо) 'листья вяза и ив'. Однако способностью оформлять сразу несколько слов обладают в китайском языке многие несомненные аффиксы, в частности аффикс множественного числа -мынь, например: \ди \мяньшан ды /нун /минь /хэ хайшан ды /юй /миньмынь 'крестьяне на суше и рыбаки в море'. См. «Чжунго цзиньнян бао», 2 августа 1954 г.

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА В СТРАНАХ ВОСТОКА

Р. САВИЦКАЯ

Победа народов Китая, Кореи, Монголии и Вьетнама является торжеством идей марксизма-ленинизма. Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина ярким светом озаряет путь народов всех стран к свободе и счастью. «Мы благодарим Маркса, Энгельсу, Ленину и Сталину, давшим нам оружие. Это оружие — не пулеметы, а марксизм-ленинизм», — пишет Мао Цзэ-дун¹. Труды классиков марксизма-ленинизма получили в странах народной демократии Востока широкое распространение.

В Китайской Народной Республике в феврале 1953 г. было создано специальное научное учреждение — Бюро переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая. Бюро осуществляет научную подготовку к публикации литературного наследия классиков марксизма-ленинизма. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина публикуются на китайском языке Государственным издательством политической литературы «Жэньминь чубаньшэ». С 1949 по март 1955 г. издано 72 произведения В. И. Ленина общим тиражом около 4180 тыс. экземпляров. Только в 1954 г. в Китае вышло в свет 34 произведения В. И. Ленина тиражом около 1 миллиона экземпляров.

Кроме того, труды классиков марксизма-ленинизма печатаются и другими государственными и некоторыми частными издательствами в Пекине, Шанхае, Тяньцзинь, Кантоне, Ханькоу, Мукдене и других городах. Некоторые произведения выпускаются по несколько раз.

ЦК КПК принял постановление об издании на китайском языке сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Ведется подготовка к выпуску сочинений В. И. Ленина в переводе с четвертого русского издания.

Вышли из печати семь томов избранных произведений В. И. Ленина. Помимо этого, начиная с 1949 г., избранные произведения В. И. Ленина выходили в двух и шести томах. Избранные произведения В. И. Ленина были выпущены также в двадцати томах двумя изданиями.

Все важнейшие произведения В. И. Ленина выходили в Китае также и отдельными изданиями. Работа В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», в которой он впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян, была напечатана еще в 1949 г. Вышло второе издание этой книги. Книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» была издана в 1949 г., а затем в 1953 г. общим тиражом 22 тыс. экземпляров.

Несколько раз выпускались книги В. И. Ленина: «Что делать?», явившаяся идеологической подготовкой марксистской партии, и «Две тактики социал-демократии в демократической революции», обогатившая марксизм новой теорией социалистической революции.

Гениальный философский труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» выпущен, по неполным данным, пятью изданиями.

Переведены на китайский язык и некоторые материалы из «Философских тетрадей» В. И. Ленина. Так, тремя отдельными изданиями 30-тысячным тиражом вышел «Конспект книги Гегеля „Наука логики“».

Были изданы отдельными брошюрами статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение» и другие его работы по национальному вопросу.

Из отдельных произведений В. И. Ленина наибольшим тиражом напечатана книга «Империализм, как высшая стадия капитализма», выдержавшая пять изданий.

Многочисленно и большими тиражами печатаются в КНР работы В. И. Ленина, развивающие марксистскую теорию государства и диктатуры пролетариата. Пять раз уже вышла книга «Государство и революция», тираж последнего издания 1953 г. составляет 35 тыс. экземпляров. Книга «Пролетарская революция и ренегат Каутский» напечатана 10-тысячным тиражом. Дважды была опубликована лекция «О государстве», прочитанная В. И. Лениным в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Тираж ее 55 тыс. экземпляров.

Несколько изданий насчитывает книга В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ «Задачи союзов молодежи» выпущена пятью изданиями общим тиражом 60 тыс. экземпляров.

Исключительный интерес трудящиеся Китая проявляют к изучению опыта строительства социалистической экономики в СССР. Написанные в первые годы Советской власти произведения В. И. Ленина, в которых он ставил задачи государственного, экономического и культурного строительства и подводил итоги первых лет строительства новой жизни трудящихся Советской России, пользуются огромным спросом. За последние два-три года эти произведения вышли массовыми тиражами. Среди них такие работы, как «Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии» на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., «Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.», «Доклад о партийной программе» и «Доклад о работе в деревне», сделанные 19 и 23 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б), «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» для II конгресса Коминтерна, «Об едином хозяйственном плане», «Доклад о замене разверстки натуральным налогом» на X съезде РКП(б), «Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г.», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», «О продовольственном налоге», «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», «Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) XI съезду партии и речь при закрытии съезда», «О значении вопиющего материализма», «О кооперации», «Лучше меньше, да лучше» и другие работы.

В последнее время в Китае публикуются труды В. И. Ленина также на монгольском, корейском и других языках.

Широко практикуется в КНР издание сборников произведений В. И. Ленина по вопросам, имеющим для китайского народа наиболее важное значение.

Особенно распространен сборник работ В. И. Ленина и И. В. Сталина в двух томах «О строительстве социалистической экономики». Он печатался массовыми тиражами в 1949, 1950 и 1951 гг. Только в 1950 г. тираж сборника составил 260 тыс. экземпляров. Сборник В. И. Ленина и И. В. Сталина «О Китае» насчитывает пять изданий общим тиражом 180 тыс. экземпляров.

Переведены на китайский язык сборники работ В. И. Ленина «Письма к родным», «Маркс—Энгельс — марксизм» и В. И. Ленина и И. В. Сталина «О профсоюзах».

Выпущены сборники работ В. И. Ленина и И. В. Сталина — «О государстве», «О советской демократии», «О социально-хозяйственном строительстве», «О социалистическом соревновании» и некоторые другие. Вышли также сборники К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина «Об идеологии», «О раскрепощении женщины», «О литературе и искусстве» и другие.

¹ «Правда», 6 июля 1949 г.

Сборники эти получили широкое распространение. Достаточно сказать, что сборник «Об идеологии» вышел пять раз общим тиражом 105 тыс. экземпляров, а сборник «О раскрепощении женщины» — четыре раза тиражом 55 тыс. экземпляров.

Произведения В. И. Ленина входят и в другие сборники. Так, в сборнике «Китайско-советская дружба», вышедшем во время месячника китайско-советской дружбы в 1952 г., помещены статьи В. И. Ленина «Демократия и народничество в Китае» и «Отсталая Европа и передовая Азия».

В Корейской Народно-Демократической Республике ЦК Трудовой партии уделяет большое внимание изданию на корейском языке трудов В. И. Ленина и других классиков марксизма-ленинизма. Трудящиеся с огромным интересом изучают марксистско-ленинскую теорию. Начато издание сочинений В. И. Ленина по четвертому изданию на русском языке. Уже вышли первый, второй и третий тома в двух книгах, каждый по 50 тыс. экземпляров. Дважды изданы избранные произведения В. И. Ленина в двух томах общим тиражом 40 тыс. экземпляров. Выпущены также избранные произведения В. И. Ленина в двадцати томах тиражом 30—40 тыс. экземпляров каждый том.

Массовыми тиражами изданы отдельные важнейшие работы В. И. Ленина, изучаемые членами трудовой партии и трудящимися Кореи в кружках политического просвещения и самостоятельно. По два-три раза вышли книги В. И. Ленина: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и другие. Массовыми тиражами выпущены также основные работы В. И. Ленина, содержащие высказывания по вопросам строительства социализма в СССР: «Великий почин», «Как организовать соревнование?», «Очередные задачи Советской власти», «Задачи союзов молодежи» и другие.

Изданы брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте», статья «Три источника и три составных части марксизма», книга «Государство и революция» и ряд других.

Выпускаются сборники произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Например, «Ленин и Сталин о партийном строительстве», «Ленин и Сталин о труде», «Ленин и Сталин о профсоюзах», «Из произведений Ленина и Сталина о войне, восстании и мире», «О построении партии нового типа», «Ленин и Сталин о кооперации», «О строительстве социалистической экономики».

В Монгольской Народной Республике основной формой издания трудов В. И. Ленина является выпуск отдельных книг, брошюр и сборников. Только в течение 1953—1954 гг. в МНР издано массовыми тиражами более 40 работ В. И. Ленина, относящихся к различным периодам. Среди них такие, как «Протест российских социал-демократов», «Задачи русских социал-демократов», «С чего начать?», «Беседа с защитниками экономизма», «Борьба пролетариата», «Шаг вперед, два шага назад», «Пора кончить», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Уроки московского восстания», «Марксизм и ревизионизм», «Доклад о революции 1905 года», «Совещание расширенной редакции „Пролетария“», «О краске стыда у Иудушки Троцкого», «Насущные задачи нашего движения», «Распад „Августовского“ блока», «Ликвидация ликвидаторства», «На дороге», «Война и российская социал-демократия», «О национальной гордости великороссов», «О брошюре Юниуса», «К лозунгам», «Апрельские тезисы», «О двоевластии», «Письмо к членам партии большевиков», «Марксизм и восстание», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «О государстве», «Великий почин», «Письмо к американским рабочим», «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным», «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» и другие работы.

В 1953 г. был выпущен сборник «Последние статьи В. И. Ленина, в котором помещены такие работы, как «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

Общий тираж произведений В. И. Ленина, изданных в 1954 г., превышает 200 тыс. экземпляров.

В Демократической Республике Вьетнам передовые рабочие и крестьяне, народная интеллигенция изучают произведения В. И. Ленина в учебных заведениях, на курсах и в кружках. Каждое новое издание работ В. И. Ленина раскупается в несколько дней: так велик спрос на них.

Бессмертные труды великого Ленина являются неисчерпаемым источником творческого вдохновения миллионов трудящихся стран народной демократии Востока в строительстве новой, счастливой жизни и в борьбе за сохранение и упрочение мира между народами.

* * *

Большое внимание уделяют изданию и распространению произведений классиков марксизма-ленинизма коммунистические и рабочие партии капиталистических стран Востока — Японии, Индии, стран Ближнего и Среднего Востока.

В Японии под руководством Института Маркса—Ленина при ЦК Коммунистической партии издательством «Оцуки сётен» предпринято издание сочинений В. И. Ленина в 35 томах в переводе с последнего русского издания. Выпуск сочинений рассчитан на шесть лет. Вышло в свет два первых тома. Кроме того, напечатаны избранные произведения В. И. Ленина в двух томах и сборник избранных произведений.

После окончания второй мировой войны в Японии выпущено более 50 отдельных произведений и сборников работ В. И. Ленина. Опубликованы впервые или переизданы, часто по нескольку раз, такие книги В. И. Ленина, как «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «О государстве», «Апрельские тезисы», «Письма из далека», «Грозившая катастрофа и как с ней бороться», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Очередные задачи Советской власти», «Философские тетради» и многие другие. Интересна тематика сборников работ В. И. Ленина: «Статьи о войне», «Буржуазный парламентаризм и пролетарская революция», «Стратегия и тактика массовой борьбы пролетариата», «О стачках», «Социализм и религия», «О религии», «О Толстом» и другие. Выпущены в Японии также сборники произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина о «строительстве социалистической экономики» и «О Китае».

В Индии изданы многие произведения В. И. Ленина. Избранные произведения В. И. Ленина выпущены в двух томах. После второй мировой войны напечатаны такие работы, как «К деревенской бедноте», «Материализм и эмпириокритицизм», «О праве наций на самоопределение», «Крах II Интернационала», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Доклад о революции 1905 года», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и другие работы. Труды В. И. Ленина выходят в Индии на английском языке, а также на урду и других языках народов Индии.

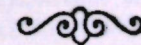
В Израиле после второй мировой войны были выпущены избранные произведения В. И. Ленина в четырех томах.

В Египте издана книга В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

В Сирии в этом году издана книга В. И. Ленина «Государство и революция» на арабском языке.

Произведения В. И. Ленина издаются и в других странах Востока.

Трудящиеся капиталистических стран Востока на примере стран народной демократии, где восторжествовали идеи марксизма-ленинизма, все больше и больше убеждаются, что учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина — это маяк, освещающий ярким светом путь к счастливой жизни всем народам.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ В РОССИИ

З. И. ГОРБАЧЕВА и Д. И. ТИХОНОВ

О существовании Китая в России впервые узнали в тяжелые годы татарского нашествия. Однако сведения о Китае, проникавшие в то время в Россию, не оставили заметных следов в русских письменных памятниках и народных преданиях.

История зарождения китаеведения в России тесно связана с продвижением русских на восток Сибири, с началом русско-китайской торговли и основанием в Китае Российской духовной миссии.

Первая попытка разузнать, «...где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться»¹, относится к началу XVII в., когда тобольским воеводой был направлен в Китай Иван Петлин.

В 1654 г. в Китай было направлено посольство Федора Исаковича Байкова. Из наказов, данных Байкову, ясно видно, что русское правительство в поисках путей в Китай руководствовалось, главным образом, торговыми интересами².

В последующие годы русское правительство отправило в Китай еще ряд посольств³, однако регулярные русско-китайские сношения начались лишь с подписания Нерчинского договора (27 августа 1689 г.) об определении границ между двумя государствами и о русско-китайской торговле.

Расширение дипломатических и торговых связей с Китаем побудило Петра I добиваться от китайского правительства согласия на пребывание в Пекине постоянного представителя — «дабы всегда жил в сей столице российский агент или консул»⁴. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Тогда русское правительство воспользовалось наличием постоянно проживавшей в Пекине группы русских — албазинцев⁵, — состоявших на службе в маньчжурских войсках, и по Кяхтинскому трактату (21 октября 1727 г.) выговорило себе право на пребывание в Пекине Российской духовной миссии, которая должна была обслуживать религиозные нужды этих выходцев из России.

Согласно Кяхтинскому трактату, в состав миссии входили как духовные, так и светские лица, направлявшиеся русским правительством в Китай для изучения маньчжурского и китайского языков.

Добиваясь учреждения в Пекине духовной миссии, русское правительство хотело иметь в Китае свое постоянное представительство, а также намеревалось начать

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, 2 изд. Л., 1925, стр. 187.

² Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 8—10.

³ Посольства Ивана Перфильева в 1658 г., Сеткула Аблина в 1668 г., Игнатия Милованова в 1670 г., Спафария в 1675 г., Бенюкова и Фаворова в 1685 г.

⁴ Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 87.

⁵ Албазинцы — русские, взятые в плен маньчжурскими войсками в крепости Албазин в 1685 г.

подготовку русских переводчиков, которые знали бы не только язык, но и быт и нравы страны, чтобы выйти из зависимости от состоявших на службе у китайского правительства католических миссионеров, являвшихся переводчиками и посредниками во всех сношениях России с Китаем.

С 1727 по 1808 гг. в Пекине обучались 24 ученика. Это были молодые люди в возрасте 18—22 лет, набранные большей частью из духовных учебных заведений. В большинстве своем они прекрасно овладели китайским и маньчжурским языками и великолепно изучили страну. В истории китаеведения всем известны имена Иллариона Рассохина, Алексея Леонтьева, Алексея Агафонова, Степана Липовцова и других.

Некоторые ученики, еще не закончив срок своего обучения, уже выступали в качестве переводчиков, обслуживая русские посольства и торговые караваны, прибывавшие в Пекин. Переводы ряда китайских сочинений, сделанные учениками миссии, сыграли положительную роль в ознакомлении России с Китаем и бесспорно должны быть приняты во внимание при изучении первого периода истории русского китаеведения⁶. Это были переводы сборников китайского законодательства, сведений по статистике, экономике, истории и военной организации, а также начальных китайских учебников и дидактических произведений. Благодаря русским переводчикам Россия смогла освободиться от необходимости прибегать к услугам католических миссионеров, стремившихся осложнить и испортить взаимоотношения России с Китаем путем тайных интриг, неверной информации китайских властей о намерениях русских посланцев, сознательного искажения смысла переводимых ими документов⁷.

По возвращении в Россию ученики миссии получали должности переводчиков. Их зачисляли в Коллегию иностранных дел (Леонтьев, Владыкин, Агафонов), в Азиатский департамент (Леонтьевский), в Академию наук (Рассохин), в Министерство иностранных дел (Липовцов, Каменский), а некоторых направляли поближе к Китаю — в Иркутск и Кяхту, где также нужны были люди, владевшие китайским языком и разбиравшиеся в китайских делах.

Заслуга первых китаистов не ограничивалась однако их активным содействием развитию русско-китайских отношений и переводами китайских сочинений; они были первыми в России русскими учителями китайского и маньчжурского языков. Известно, что преподавание этих языков было начато Рассохиним в Академической гимназии и Владыкиным при Коллегии иностранных дел. Деятельность первых русских китаистов — китаистов-практиков — подготовила почву для развития научного русского китаеведения, которое открывается трудами Иакинфа Бичурина, возглавившего в 1808 г. девятую Российскую духовную миссию в Пекине.

Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф) родился 8 сентября 1777 г. в селе Бичурино, Чебоксарского уезда, Казанской губернии, в семье бедного сельского дьячка. В 1785 г. он поступил в Казанскую духовную семинарию, которую окончил в 1799 г. За свои успехи в учении Бичурин был оставлен учителем семинарии, где преподавал грамматику и риторику. В 1800 г. Бичурин принял монашество.

В течение четырнадцати лет (1808—1821) Бичурин жил в Китае в качестве начальника духовной миссии в Пекине; он глубоко изучил язык, быт и нравы китайского народа, его богатую многовековую культуру. Как начальник духовной миссии, Бичурин понимал задачи миссии значительно шире, чем его предшественники. Бичурин забросил проповедь христианства; он осуждал католических миссионеров, которые «слишком озабочены были делами проповедничества и мало имели времени

⁶ «Описание (обстоятельное) происхождения Маньчжурского народа и военного состояния оного, с толкованием маньчжурских и китайских слов», 17 т. СПб., 1784, Изд. Академии наук. Пер. Ларион Рассохин и Алексей Леонтьев; «Джунгги, или книга о верности». Пер. с маньчжурского А. Агафонов. М., 1788; «Джунгги, т. е. закон непреложный из преданий философа Кун-Цзы». Пер. с кит. А. Леонтьев. СПб., [1784].

⁷ См., например, Николай Адоратский. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745). Казань, 1887, стр. 240.

заняться обзором государства в целом»⁸. Деятельность миссии, по мнению Бичурина, должна была способствовать сближению русского народа с китайским.

Пекинский период в жизни Бичурина следует рассматривать как период накопления сведений путем чтения различных текстов и переводов китайских памятников на русский язык. По свидетельству Бичурина, он прочитал историю Китая в 270 томах, энциклопедию в 20 томах, статистическое описание империи в 18 томах и много других сочинений.

Работоспособность Бичурина была поразительна. Читая невероятное количество китайских памятников различных времен, он успевал многие из них переводить на русский язык. Но поскольку не было китайско-русских словарей, а словари, составленные иезуитами, оказались неполными (иногда давали неточный перевод), то одновременно с переводом Бичурину приходилось составлять словари. Кроме общих словарей, он составлял словари специальных терминов, например, терминов часового производства.

Интерес к культуре Китая и соседних с ним народов Бичурин не ограничивал только письменными источниками; общение с китайцами, монголами, тибетцами, уйгурами, корейцами способствовало более широкому знакомству с их бытом, языком. Бичурин осматривал и измерял каждый квартал Пекина, все его площади и базары; он определил длину окружности города и в 1817 г. составил план Пекина. Бичурин интересовался окраской и покрытием изделий лаком, выделкой мехов, искусством разведения цветов, укреплением берегов рек и устройством шлюзов. Бичурин стремился познакомить русского читателя с опытом китайцев в различных ремеслах и передать его русским мастерам.

Большую энергию проявил Бичурин в собирании китайских письменных памятников и памятников материальных. Сопровождавший миссию Бичурина в Россию Е. Ф. Тимковский писал: «15 верблюдов навьючено было всеми произведениями китайской учености»⁹. Коллекции Бичурина пополнили библиотеки и музеи России.

В Россию Бичурин вернулся в 1821 г. По доносу Иркутского губернатора Трескина и докладу нового начальника духовной миссии Каменского о весьма плачевных результатах деятельности Бичурина по распространению христианства, Святейший синод в 1822 г. лишил его сана архимандрита и сослал в Валаамский монастырь.

Лишь в 1826 г. Бичурину удалось вернуться в Петербург для исполнения обязанностей переводчика Министерства иностранных дел. Царское правительство было вынуждено вызвать Бичурина из ссылки, считаясь с его энциклопедическими знаниями в области китаеведения, в которых оно не могло не нуждаться.

Только теперь, несмотря на большую занятость в министерстве, Бичурин смог приступить к систематизации огромных накопленных им материалов и знаний о Китае, к переводам китайских источников и научным исследованиям в области китаеведения.

В своих научных трудах Бичурин придерживался принципов, сформулированных им в письме к А. И. Оленину: рассматривать историю каждого народа во взаимном общении с другими соседними народами, «ибо с означением пределов одного государства открываются местоположения и других, с которыми оно смежно; с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь»¹⁰.

С 1828 г., когда выпли его первое капитальное сочинение «Записки о Монголии» и перевод с китайского «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», Бичурин неустанно работал до последних дней своей жизни (1853), написал, а также перевел десятки книг и статей по различным вопросам истории, экономики, этнографии,

⁸ Пакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842, предисловие, стр. VIII.

⁹ Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. 1824 г., ч. II, стр. 285—286.

¹⁰ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Архив Олениных, № 215.

культуры Китая и сопредельных с ним государств и народов Азии¹¹. Труды Н. Я. Бичурина знакомили русских читателей с народами Средней Азии и Китайской империи, их происхождением, бытом, материальной и духовной культурой. Бичурин выступал против имевших хождение в западноевропейской буржуазной историографии колонизаторских «теорий» о неспособности народов Азии к самостоятельному государственному существованию, о заимствовании китайцами цивилизации из других стран Востока (Индия, Египет, Вавилония). Бичурин доказал научную несостоятельность этих «теорий»; он подтвердил фактическим материалом, ставшую ныне безусловной, истину о самобытности богатой и древней культуры Китая.

Развивая мысль о возникновении и развитии цивилизации в Китае, Бичурин пришел к заключению, что легенда о всемирном потоке не подтверждается древними китайскими сказаниями и источниками¹². Столь решительное отрицание Бичуриным всемирного потока было, несомненно, смелым научным шагом вперед, опровергавшим догмы церкви. Нельзя забывать, что Бичурин был не только монахом, но имел высокий духовный сан архимандрита.

Бичурин знакомил русских читателей и с современным ему Китаем. В 1829 г. было издано «Описание Пекина». В 1840 г. Бичурин выпустил книгу «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение», в которой на фактическом материале опровергал неправильное представление о Китае, созданное, главным образом, иезуитами.

Бичурин был строгим судьей своих трудов. «Сочинение или переводы, предположенные к изданию, должны быть совершенны или по крайней мере должны доводиться до возможного совершенства», — писал он в письме Тимковскому¹³.

Свои произведения Бичурин писал простым, понятным народу языком, считая, что русский ученый обязан писать на русском языке. Защищая русский язык от ненужного засорения иностранными словами, он писал: «Русский язык так богат словами, что без необходимости вовсе не нужно пестрить его иностранными словами»¹⁴.

Исключительно большое место в научном наследии Бичурина занимают переводы с китайского языка. Однако самый большой перевод — 16 томов «Туицзянь ганму», в которых излагается история Китая с древнейших времен до середины XVII в., не был напечатан.

В архивах Института востоковедения и Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина хранятся переводы многих философских сочинений китайских авторов, сделанные Бичуриным.

¹¹ Сочинения Бичурина: «Записки о Монголии», т. 1—2. СПб., 1828; «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». СПб., 1834; «Статистические сведения о Китае». СПб., 1837; «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». СПб., 1840; «Статистическое описание Китайской империи», ч. 1—2. СПб., 1842; «Земледелие в Китае». СПб., 1844; «Китай в гражданском и нравственном состоянии», ч. 1—4. СПб., 1848; «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. 1—3. СПб., 1851; «Географический указатель мест на карте в истории древних среднеазиатских народов». СПб., 1851; О. Пакинф Бичурин (Автобиографическая заметка), «Ученые записки Академии наук по 1 и 3 отделениям», т. 3, вып. 5, 1855.

Переводы Бичурина с китайского: «Описание Тибета в нынешнем его состоянии». СПб., 1828; «История первых четырех ханов из дома Чингисова». СПб., 1829; «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», ч. 1—2. СПб., 1829; «История Тибета и Хухунора», ч. 1—2. СПб., 1833; «Статистическое описание Чжунгарии в нынешнем ее состоянии». «Русский вестник», 1841, т. 4, № 9.

¹² «Журнал Министерства народного просвещения», 1840, декабрь, стр. 232.

¹³ Письмо Е. Ф. Тимковскому от 25 августа 1822 г. Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 7, оп. I, д. № 38, л. 107.

¹⁴ «Москвитин», 1845, ч. 4, № 7—8, стр. 82.

Всестороннее освещение Вичуриным жизни Китая, его истории имело огромное значение для правильного представления о Китае в России. Труды Вичурина получили достойную оценку передовой русской общественности. Академия наук в 1828 г. избрала Вичурина членом-корреспондентом, а позднее присудила ему чотыре демидовских премии за научные труды.

Русский востоковед В. В. Григорьев, оценивая заслуги Вичурина, писал: «О Вичурино можно смело сказать, что он стоит во главе европейских китаистов»¹⁵. В. Г. Белинский писал: «Книги почтенного отца Иакинфа истинное сокровище для ученых по богатству важных фактов»¹⁶. Давая столь высокую оценку работам Вичурина, великий революционный демократ В. Г. Белинский в рецензии на книгу Вичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении»¹⁷ подверг справедливой критике идеализацию автором государственного строя и положения народных масс в феодальном Китае.

С принципиально иных позиций критиковали Вичурина реакционные ученые; они осуждали Вичурина за то, что он пишет труд на русском языке, который «останется вне круга ученых», и «допускает кощунство над цивилизованной Европой, сравнивая ее с Китаем».

Научное наследие Вичурина не утратило своего значения и в настоящее время. Все его переводы используются при изучении самых различных вопросов истории Китая, Средней и Центральной Азии, Сибири. Многие положения, высказанные им более ста лет назад, были подтверждены дальнейшими исследованиями и археологическими раскопками.

Достойным и семеником Н. Я. Вичурина и продолжателем традиций русского китаеведения был акад. В. П. Васильев (1818—1900).

В. П. Васильев вышел из казанской школы востоковедов. Окончив в 1837 г. Казанский университет по восточному отделению филологического факультета, В. П. Васильев был оставлен при университете. Обе диссертации В. П. Васильева — кандидатская и магистерская — были посвящены вопросам буддизма.

В 1839 г. В. П. Васильев был прикомандирован к XII духовной миссии и в январе 1840 г. выехал в Китай. В Китае В. П. Васильев сформировался как китаевед с широкими научными интересами.

В 1850 г. В. П. Васильев возвратился в Россию, в Казанский университет. По уже в 1855 г., в связи с открытием при Петербургском университете факультета восточных языков, он был направлен туда вместе с другими профессорами и преподавателями. Здесь В. П. Васильев проработал 45 лет — до конца своей жизни.

В. П. Васильев был крупнейшим в XIX в. китаеведом с мировым именем.

«Это было поколение, — писал о В. П. Васильеве акад. С. Ф. Ольденбург, — открывшее целый, дотоле непознанный мир... Для того, чтобы хоть сколько-нибудь познать этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие и такая широта знаний, что нам теперь и представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом...»¹⁸

В. П. Васильев изучил санскрит, китайский, монгольский, тибетский, маньчжурский, корейский, японский и некоторые тюркские языки и написал много работ по языкознанию, истории и религии народов Азии¹⁹. Продолжил начатое Вичуриным

¹⁵ «Москвитиния», 1850, кн. 6, стр. 68—69.

¹⁶ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. XI, стр. 157.

¹⁷ Там же, стр. 157.

¹⁸ «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1900, XIII, стр. 47.

¹⁹ Сочинения В. П. Васильева: «Буддизм, его догматы, истории и литература», ч. 1 и 3. СПб., 1857; «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин». СПб., 1863; «О движении магометанства в Китае» в кн. «Годичный торжественный акт в С.-Петербургском университете (2 ноября 1866 г.)». СПб., 1867; «Графическая система китайских иероглифов». СПб., 1850; «Религии Востока: конфуцианство, буддизм

изучение Китая, В. П. Васильев в своей докторской диссертации «Сведения о маньчжурах в эпоху Юань и Мин» описал происхождение и ранний период развития маньчжурского народа, а также вскрыл фальсификацию китайских источников придворными историками маньчжурской династии. В своей большой работе «Породы-ли племени в Китае»²⁰, В. П. Васильев на основании глубокого изучения китайских источников подтвердил выдвинутую Вичуриным теорию автохтонного происхождения китайцев (китайцы не являются пришельцами на нынешней территории Китая; здесь жили их предки со времен глубокой древности).

Современная китайская археология полностью подтверждает эту точку зрения Н. Я. Вичурина и В. П. Васильева.

В. П. Васильев уделял большое внимание географии Китая. Он считал, что без знания географии не может быть изучена история страны.

В. П. Васильев сделал очень многого также в области китайского языкознания и изучения литературы Китая. Его труды о китайском языке и литературе, как то: «Графическая система китайских иероглифов» (1867) «Очерк истории китайской литературы» (1880), «Анализ китайских иероглифов» (1884), а также многочисленные учебные пособия для Восточного факультета Петербургского университета сыграли большую роль в развитии востоковедного образования в России и не потеряли своего значения до сих пор. В. П. Васильев был активным организатором и пропагандистом востоковедной науки в России. Он считал, что для изучения какой-либо страны Востока необходимо знать язык ее народа и обрушивался на рутинеров, «не признававших реальности за восточными языками, как будто изучение какой-нибудь плотицы или медузы возвышеннее и благороднее, чем знание языка, литературы и истории народа, живого, действующего, чувствующего»²¹.

В. П. Васильеву были чужды расовые концепции. Выступая за равноправие угнетаемых европейскими колонизаторами народов Востока, Васильев говорил, что «человек столько же заслуживает внимания на Востоке, как и на Западе». Особое внимание среди государств Востока В. П. Васильев, естественно, уделял Китаю. «На Востоке, — писал он, — центром всех его стран всегда и во всем, господствующая страна или покоренная, центром всей жизни целые тысячелетия уже стоит Китай. Не забудем этого и тогда пойдем, какую важность имеет для нас изучение языка истории и литературы этой страны»²².

В. П. Васильев неустанно пропагандировал идею, что богатейшая культура Китая должна быть изучена и стать достоянием всего мира как вклад китайского народа в сокровищницу мировой культуры.

«Неужели страна, — писал он, — имеющая и всегда имевшая влияние на целую половину древнего материка, населенная самым многочисленным и светом племением, — народом, у которого просвещение и образованность, каковы бы они ни были, ставится выше всего, нацией самой сметливой, трудолюбивой и искусной, неужели эта страна, раскинутая в самом лучшем и светом климате, богатая всеми дарами природы, нация, живущая самостоятельно столько столетий, ... неужели эта нация не заслуживает нашего внимания!»²³. «Не стыдно ли, — восклицал он, — не замечать стоящего подле нас колоса, отрицать в нем не только в настоящем, но и в будущем, способность вместить свет просвещения, отказывать ему как и в прошлом, так и в настоящем участии быть посылным, а вместо и могущим двигателем человечества»²⁴.

и др. «Сибирь», 1873; «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII века, пер. с китайского». СПб., 1857.

²⁰ Эта работа не была опубликована и осталась в архиве автора.

²¹ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков. «Восточное обозрение» 1866, № 7, стр. 10.

²² Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, д. № 11.

²³ Там же, д. № 15.

²⁴ Там же, д. № 12.

В. П. Васильев боролся за дружбу двух великих народов — русского и китайского, — и в этом одна из важнейших заслуг ученого.

Ученики В. П. Васильева — С. М. Георгиевский, А. И. Ивановский, П. С. Попов и другие, а также участники духовных миссий — И. И. Захаров, Палладий Кафаров — продолжили традиции Бичурина и Васильева, дав науке ценные труды по китаеведению. К ним можно отнести работу И. И. Захарова «Историческое обозрение народонаселения Китая (1852)» и «Поземельная собственность в Китае» (1853), — труд, в котором впервые описаны аграрные отношения в Китае с древнейших времен до XIX в. Захаров составил «Полный маньчжурско-русский словарь» (1875) и «Грамматику маньчжурского языка» (1879), явившиеся крупным вкладом в развитие мировой маньчжуристики.

Из трудов А. И. Ивановского следует отметить капитальную работу о национальных меньшинствах Китая «Юньнаньские инородцы в период династии Юань, Мин и Дай-Цин», за которую он получил степень доктора китайской словесности, «Очерки маньчжурской литературы» (1887), а также учебные пособия по китайскому и маньчжурскому языкам.

С. М. Георгиевский написал ряд работ, касающихся истории и письменности китайцев. Главные из них — «Первый период китайской истории» (1885), «Анализ пероглифической письменности, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа» (1888), «Принципы жизни Китая» (1888), «Важность изучения Китая» (1890), «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892).

С. М. Георгиевский выступал противником тех, кто принижал значение Китая в истории человечества. В своей работе «Важность изучения Китая» С. М. Георгиевский показал, что Китай существует как страна, развивающаяся и приобретающая все больший политический вес. Он, как и В. П. Васильев, верил в великое будущее Китая и предсказывал развитие и укрепление дружбы между русским и китайским народами. «Убеждаясь в успешности китайского прогресса и не сомневаясь в дальнейшем безостановочном росте могущества Китая, мы не только не допускаем, чтобы Среднее царство могло подпасть не эфемерному владычеству Запада или Америки, но и провидим то время, когда всякие комбинации политических владычеств будут обуславливаться в мире созвонением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы»²⁵.

Эта идея дружбы двух великих народов — русского и китайского — высказывалась неоднократно большинством русских китаеведов. Так, например, С. М. Георгиевский писал: «... мы питаем надежду, что русская публика, в виду и во имя мирового значения России отрешится от неосновательных, усвоенных только привычкою, взглядов и посмотрит другими глазами на обитателей Среднего царства, многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которая в будущем может обеспечить мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»²⁶.

Петр Иванович Кафаров (в монашестве — Палладий), начальник XIII и XIV духовных миссий, как и Н. Я. Бичурин, понимал деятельность миссии гораздо шире, нежели распространение христианства среди китайского населения. Глубоко изучив Китай, китайский народ, его культуру, быт, Кафаров затем популяризировал эти знания в России. Им было написано много трудов по Китаю. Из них наиболее известен китайско-русский словарь (1888), послуживший не одному поколению китаеведов прекрасным пособием при изучении китайского языка²⁷, дневники за время

²⁵ С. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб., 1890, стр. 270--271.

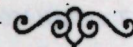
²⁶ Там же, стр. 271.

²⁷ Сочинения Кафарова: «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 4, 1866; «Путешествие даосского монаха Чам Чуна на Запад» (там же); «Исторический очерк древнего буддизма» (там же), 1853, т. 2; «Старинное китайское сказание о Чингис-хане», «Восточный сборник», СПб., 1887; «Китайская литература магометан». СПб., 1887.

пребывания в Китае (1912), работы о мусульманах и христианах в Китае (1866, 1872) и ряд других.

Русские ученые внесли неоценимый вклад в изучение Китая, они дали большое научные исследования, поднявшие китаеведение на значительную высоту. Русские китаеведы сделали очень многое в области распространения в России реальных знаний о неведомой ранее стране; они передали русскому народу богатейший опыт китайцев в области искусства, ремесла, приложили много сил и энергии к организации востоковедного образования в России, к созданию учебных пособий и т. п.

Деятельность русских китаеведов способствовала взаимному ознакомлению и сближению двух великих народов.

ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А. Т. ЯКИМОВ

Монгольский народ, благодаря братской помощи Советского Союза, миновал в своем развитии мучительную стадию капитализма и, завершив к 1940 г. ликвидацию в стране феодализма, осуществляет строительство основ социализма. В МНР ныне существуют два дружественных класса — рабочий класс и трудовое аратство (крестьянство). Союз рабочего класса с трудовым аратством является основой народно-демократического строя и силой, обеспечивающей успех строительства основ социализма в МНР.

В области промышленности, механизированного транспорта и средств связи в МНР полностью господствует социалистическая форма собственности.

Промышленные предприятия находятся, в основном, в руках государства и, частично, кооперации. Социалистические формы хозяйствования господствуют в кредитно-банковской системе и в сфере обращения. Оптовая торговля сосредоточена в государственных и кооперативных организациях, и лишь в розничной торговле в незначительном количестве участвуют мелкие частные торговцы (доля частной торговли составляет примерно 5% товарооборота).

В отчетном докладе ЦК Монгольской народно-революционной партии XII съезду, состоявшемуся в ноябре 1954 г., отмечено, что в МНР «в области промышленности, торговли, современного механизированного транспорта и финансово-кредитной системы... обеспечено господство социалистических производственных отношений»¹.

Промышленность МНР, преимущественно легкая и пищевая, главным образом перерабатывает продукты животноводства и другое местное сырье. С помощью Советского Союза в МНР заложены основы и тяжелой промышленности — развивается горнорудная, угольная и нефтяная промышленность.

Социалистический сектор в сельском хозяйстве представлен госхозами, государственными конно-сенокосными станциями и аратскими сельскохозяйственными объединениями. Однако в сельском хозяйстве, основой которого является кочевое скотоводство, преобладает сектор единоличных хозяйств. Социалистическому сектору принадлежит 1,3 млн. голов скота, остальные 20 с лишним млн. голов скота находятся в собственности единоличных аратских хозяйств.

В подавляющем большинстве аратские единоличные хозяйства являются середняцкими. Генеральная линия Монгольской народно-революционной партии ставит задачу перевода единоличных трудовых хозяйств аратов на рельсы коллективного социалистического сельского хозяйства. 200 с лишним тысяч аратских единоличных хозяйств разбросаны на огромной территории и кочуют со своими стадами небольшими группами, не имея, как правило, оседлых поселений. В связи с этим

животноводство пока еще носит экстенсивный характер. В отчетном докладе ЦК МНРП XII съезду партии отмечается: «Для нашей страны, совершающей переход от феодализма к социализму, требуется значительное время для того, чтобы обеспечить создание всех материальных и культурных предпосылок для перехода к развернутому социалистическому строительству»².

Основной формой производственного кооперирования аратов являются аратские сельскохозяйственные объединения, представляющие собой товарищества по совместному выпасу скота и по выполнению других сельскохозяйственных работ, с частичным обобществлением скота и средств производства. Партия и правительство принимают меры ко все большему организационно-хозяйственному укреплению этих объединений. В частности, разработан проект нового примерного устава аратских сельскохозяйственных объединений, который после обсуждения на местах был принят в марте 1955 г. на первом съезде передовиков сельскохозяйственных объединений МНР и утвержден Советом министров МНР и ЦК МНРП. В отчетном докладе ЦК МНРП XII съезду партии было указано, что «аратские производственные объединения имеют большую будущность и являются теми первоначальными ячейками, которые служат основой для социалистического преобразования сельского хозяйства республики»³.

Ликвидация феодализма, возникновение и успешное развитие социалистического сектора в народном хозяйстве создали в стране новые экономические условия, на базе которых возникают и начинают действовать новые экономические законы, характерные для социалистической экономики. Сфера действия этих законов еще ограничена, но она расширяется по мере развития и укрепления социалистических форм хозяйства. Социалистический сектор не только по своему значению и роли, но и по объему продукции является теперь ведущим в экономике страны.

Опираясь на социалистический сектор и сообразуясь с требованиями экономического законов социализма, партия и правительство осуществляют планирование народного хозяйства. До 1947 г. в МНР составлялись ежегодные планы. В 1947 г. был составлен первый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР на 1948—1952 гг., а затем второй пятилетний план — на 1953—1957 гг.

В процессе выполнения первого пятилетнего плана трудящиеся МНР добились больших успехов в развитии экономики и культуры страны. Поголовье скота в МНР увеличилось за эту пятилетку на 1800 тыс. голов. Особенно значительным был прирост поголовья скота в социалистическом секторе. Так, в госхозах численность стада увеличилась в 1952 г. против 1947 г. на 112,5%, а в аратских сельскохозяйственных объединениях — в шесть с половиной раз. Всего же за годы после революции количество скота в стране увеличилось в два с половиной раза.

Успехи сельскохозяйственных объединений усиливают тягу аратов к этим новым формам ведения хозяйства. Так, в 1954 г. по сравнению с 1947 г. количество аратских производственных объединений увеличилось вдвое, а число членов в них — в три раза. В ноябре 1954 г. в стране имелось 198 таких объединений, охватывавших свыше 15 тыс. аратских хозяйств. Число госхозов по сравнению с 1947 г. увеличилось вдвое, а конно-сенокосных станций — в шесть раз.

Следует, однако, отметить, что хотя социалистический сектор перевыполнил план развития животноводства, план прироста поголовья скота в целом по стране недовыполнен. В отчетном докладе ЦК МНРП XII съезду партии было отмечено, что одной из основных причин недовыполнения плана увеличения поголовья скота в период первой пятилетки, а также в 1953 и 1954 гг., явилось отсутствие необходимых поощрительных мероприятий, способных поднять заинтересованность аратов в увеличении стада. Дело в том, что существовавшая в последние годы система поставок животноводческой продукции с планового поголовья скота не создавала у аратов экономической заинтересованности в увеличении поголовья стада.

² «Унэн», 20 ноября 1954 г.

³ Там же.

¹ «Унэн», 20 ноября 1954 г.

В 1954 г. ЦК МНРП и правительство МНР провели ряд мероприятий, обеспечивающих заинтересованность аратов в подъеме животноводства. Была отменена старая система поставок и введен новый закон, предусматривающий исчисление поставок не с планового поголовья скота, а с фактического количества скота, имеющегося по переписи 1953 г., при этом размер начисленных в 1954 г. поставок сохраняется для каждого аратского хозяйства и на последующие годы. Была затем отменена поставка аратами жиров, не подлежат обложению дойные коровы и быки-производители, разрешена замена при выполнении поставок одних видов шерсти и мяса другими. Были списаны недоимки прошлых лет по поставкам и по налогу со скота. Этот налог в среднем сокращен на 23%. Повышены на 80% государственные заготовительные цены на скот, а закупочные цены повышены против ранее действовавших в четыре раза. Заготовительные цены на шерсть повышены в зависимости от вида шерсти на 20—33%, а закупочные цены на шерсть были установлены на 100% выше заготовительных цен. Понижены были цены также на молоко и другие продукты животноводства.

Одновременно были снижены цены на сено, заготавливаемое конно-сенокосными станциями для аратских хозяйств, и цены на ряд важнейших промышленных и продовольственных товаров. В результате этих мероприятий население МНР получило только в 1954 г. выгоду в размере свыше 100 млн. тугриков. Все это в сильнейшей степени способствует повышению заинтересованности аратов в подъеме животноводства, стимулирует увеличение поголовья скота и улучшение его продуктивности. Результаты этих мероприятий начали сказываться уже в 1954 г. Так, например, выросло маточное поголовье крупного рогатого скота, лошадей и коз, увеличился деловой выход молодняка, сократился падеж скота. Многие аймаки перевыполнили в 1954 г. план роста поголовья скота.

Объем промышленной продукции за первую пятилетку вырос на 51%. Значительные успехи достигнуты также в развитии транспорта и связи. Особенно важное значение для всего народного хозяйства МНР имеет построенная при помощи СССР железная дорога Наунки — Улан-Батор, связавшая столицу МНР с железнодорожной сетью Советского Союза.

С ростом промышленности и транспорта увеличивается и численность рабочего класса МНР: число рабочих в 1954 г. по сравнению с 1940 г. более чем утроилось. Подъем народного хозяйства обусловил большие успехи в развитии социалистической по содержанию, национальной по форме культуры монгольского народа. МНР стала страной сплошной грамотности. В стране имеются сотни начальных школ, десятки средних и несколько высших учебных заведений, в том числе Государственный университет.

Неуклонно растет благосостояние народа. Так, реальная заработная плата рабочих и служащих в 1954 г. по сравнению с 1947 г. увеличилась на 46%. За последние годы потребление различных продуктов и товаров значительно возросло.

Подъем народного хозяйства, благосостояния и культуры монгольского народа является закономерным процессом, обусловленным самой природой народно-демократического строя, тем, что хозяевами страны являются не феодалы и капиталисты, а сами трудящиеся. Эту основную закономерность развития экономики МНР отражает и ее Конституция, в которой записано, что «...Народно-хозяйственное развитие Монгольской Народной Республики осуществляется в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, укреплении национальной независимости и обороноспособности страны»⁴.

XII съезд МНРП, подводя итоги развития страны за период после XI съезда (декабрь 1947 г.), отметил, что, осуществляя генеральную линию партии, монгольский народ под руководством МНРП и при братской помощи Советского Союза сделал новый шаг вперед в строительстве основ социализма.

⁴ Конституция МНР, статья 4.

Директивы по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР на 1953—1957 гг., утвержденные XII съездом МНРП, предусматривают дальнейший подъем производительных сил, дальнейшее развитие и укрепление социалистического сектора народного хозяйства и повышение на этой основе благосостояния и культуры трудящихся. Съезд указал, что важнейшей народно-хозяйственной задачей является всемерное развитие животноводства, этой основной отрасли экономики МНР. В соответствии с этим второй пятилетний план предусматривает увеличение поголовья скота к 1958 г. до 27,5 млн. голов, т. е. на 20,7% против 1952 г. Для осуществления этой задачи, говорится в резолюции съезда, политика партии и правительства будет направлена на всемерную поддержку трудовых аратских хозяйств при одновременном развитии и укреплении социалистического сектора сельского хозяйства, а также на ограничение и вытеснение капиталистических, эксплуататорских элементов. Для обеспечения всех мероприятий по развитию сельского хозяйства государственные капитальные вложения в сельское хозяйство в течение второй пятилетки будут увеличены примерно в семь раз против капиталовложений первой пятилетки.

Особенно большие темпы развития животноводства намечены планом в социалистическом секторе сельского хозяйства. Так, поголовье скота в аратских сельскохозяйственных объединениях должно возрасти в девять раз, в госхозах — в три раза. В индивидуальных аратских хозяйствах поголовье скота должно увеличиться на 10%. Наибольший рост поголовья стада намечается по крупному рогатому скоту (на 24,9%) и по овцам (на 23,4%). Наряду с количественным ростом стада, поставлена задача качественного улучшения скота путем подбора и разведения лучших пород из местного скота, посредством скрещивания местных пород скота с завозимыми из Советского Союза породами племенного скота, а также путем разведения чистопородного стада. Поставлена задача повышения товарности животноводства, увеличения выхода продукции. Предусматривается, в частности, увеличение настрига шерсти в среднем по стране на одну овец местной породы до 1,25 кг, а в госхозах и аратских производственных объединениях — до 1,3—1,8 кг (в зависимости от района). Для решения задач, стоящих в области животноводства, намечен ряд мероприятий по расширению кормовой базы, по водоснабжению пастбищ, по механизации процессов кормодобычания, по строительству хашанов (загонов для скота), по ветеринарно-зоотехническому обслуживанию скота. В частности, намечено увеличить заготовку сена к концу пятилетки на 60% против 1952 г. и расширить заготовку сочных кормов и концентратов; механизировать сенокосение в госхозах и конно-сенокосных станциях на 100%, а в аратских сельскохозяйственных объединениях — на 60%; создать шесть машинно-животноводческих станций; построить силами аратов около 19 тыс. шахтных колодцев на пастбищах и на средства государства — 70 буровых колодцев с насосными установками и 106 шахтных колодцев, оборудованных водоподъемниками; построить не менее 80 тыс. хашанов на 9 млн. голов скота; увеличить ветеринарную сеть на 40 ветеринарно-врачебных и 678 ветеринарно-фельдшерских пунктов.

В области развития земледелия директивы по пятилетнему плану предусматривают увеличение валового урожая зерновых культур в 2,4 раза, в том числе в аратских сельскохозяйственных объединениях не менее чем в пять раз, в госхозах — в 2,8 раза, в аратских индивидуальных хозяйствах — на 80%. Рост валового урожая овощных культур запланирован не менее чем в 20 раз. Предусматривается значительное расширение механизации сельскохозяйственных работ: пахота в госхозах будет механизирована на 95—100%, уборка зерновых комбайнами — на 80—90%.

Высокие темпы роста намечены вторым пятилетним планом и в области промышленности, имеющей, как подчеркивается в решениях XII съезда МНРП, огромное значение в развитии МНР по пути к социализму. План устанавливает повышение промышленного производства за пятилетие примерно на 46% при среднегодовом росте на 7,8%, в том числе по государственной промышленности — на 8% и по кооперативной — на 6%.

В директивах съезда партии предусматривается увеличение государственных

капитальных вложений в промышленность на 1953—1957 гг. в 6,6 раза по сравнению с периодом 1948—1952 гг.

Особенно значительный рост предусматривается по производству товаров народного потребления и строительных материалов. Так, например, выработка юртового войлока в 1957 г. возрастет на 82% по сравнению с 1952 г.; производство валеных сапог в 1957 г. увеличится почти в 3 раза, кожаной обуви — более чем в 2,5 раза; производство кирпича увеличится в 3,5 раза.

Планом намечено создание отечественной мукомольной промышленности и поставлена задача удовлетворить в 1957 г. потребности страны в муке из зерна собственного урожая примерно на 50%.

Будет построен ряд новых предприятий, а некоторые существующие предприятия — реконструированы. Так, в каменистоугольном районе Налайха (близ Улан-Батора) будет построена новая капитальная шахта, оснащенная современной техникой, с годовой производительностью в 500—600 тыс. тонн. Будут построены завод по производству стандартных домов, завод по производству алебаstra (близ города Сайн-Шанды), 25 маслозаводов, мыловаренный завод, кондитерская фабрика.

Дальнейшее значительное развитие получают транспорт и средства связи. В 1955 г. вошла в строй новая железная дорога от Цзиннина на территории КНР до Улан-Батора. С вводом в действие этой магистрали протяженность железнодорожных линий в МНР почти удвоилась, а грузооборот железных дорог возрастет в несколько раз. Характеризуя исключительно большое значение дороги, член Политбюро ЦК МНРП Шпрендуб в своем докладе на XII съезде партии сказал, что эта дорога «окажет огромное преобразующее влияние на хозяйство и культуру нашей страны, на ее продвижение по пути строительства социализма»⁵.

Предусмотрен рост грузооборота против 1952 г. на 25—30%, в том числе по автомобильному транспорту на 75—80% и по железнодорожному — на 10—12% (без учета транзитных перевозок), перевозка пассажиров возрастет за пятилетие примерно на 60%. Парк автомашин будет увеличен на 60%, будут созданы четыре станции технического обслуживания автомобилей. Объем строительства шоссеиных дорог возрастет не менее чем на 60% по сравнению с первой пятилеткой. Количество телефонных станций увеличится на 11%, радиоузлов — на 39%. Намечено построить телефонные линии общей протяженностью в 3,5 тыс. км и радиофицировать все сомоны, баг⁶, госхозы, конно-сенокосные станции, аратские сельскохозяйственные объединения и маслозаводы. Сумма капиталовложений в транспорт и связь будет увеличена против первой пятилетки не менее чем в два раза.

В соответствии с запланированным развитием сельскохозяйственного и промышленного производства намечен и рост, примерно на 36%, розничного оборота государственной и кооперативной торговли, в том числе по государственной торговле на 40% и по кооперативной — на 35%. В директивах съезда намечено увеличить продажу населению важнейших промышленных и продовольственных товаров, в частности, предусмотрено увеличение продажи не менее чем в два раза обуви и шелковых тканей, мяса — в 2—2,5 раза, риса в 2,5—2,7 раза, чая — на 50—55%, хлопчатобумажных тканей — на 22%, муки — на 40%, кондитерских изделий — на 50—55% и т. д.

Планом предусматривается значительное расширение государственной и кооперативной розничной торговой сети, столовых и ресторанов. Выпуск продукции предприятиями общественного питания намечено увеличить примерно на 26%. Общий объем государственных капиталовложений в торговлю в 1,5 раза превысит капиталовложения в торговлю, произведенные в период первой пятилетки.

Основной идеей всего пятилетнего плана МНР, как отмечалось, является забота о дальнейшем повышении благосостояния народа. Особенно наглядно эта забота отражена в специальном разделе директив по второй пятилетке, посвященном меропри-

тиям по дальнейшему росту материального, благосостояния, улучшению здравоохранения и повышению культурного уровня народа. План предусматривает увеличение реальной заработной платы рабочих и служащих не менее чем на 30% и повышение доходов аратов за пятилетие (в денежном выражении) на 35%.

План намечает значительное расширение сети медицинских учреждений. Так, число больниц возрастет на 34%, врачебных пунктов — в 2 раза, домов отдыха и санаториев более чем в 2 раза, детских яслей на 90%. Соответственно увеличится и численность медицинского персонала. Количество врачей за пятилетие возрастет почти в три раза. Если в начале пятилетки один врач обслуживал в среднем 4120 человек, то к концу пятилетки один врач будет обслуживать 1500 человек. Для сравнения можно напомнить, что в сельских местностях Ирана один врач приходится на 100 тыс. жителей. Надо при этом учесть, что медицинская помощь в МНР оказывается населению бесплатно. В целом расходы по здравоохранению во второй пятилетке возрастут на 50—60%.

В области народного образования ставится задача обеспечить всеобщее обязательное начальное обучение детей в сельских местностях и подготовить переход к обязательному семилетнему обучению в городах: Улан-Баторе, Чойбалсане, Цецерлике, Жаргаланте, Алтан-Булаке, Ульгие и Улиасте. Число учащихся в общеобразовательных школах достигнет 85 тыс., причем число учеников в средних школах увеличится в 2,3 раза. Будет вновь создано 28 начальных, 24 семилетних и 12 десятилетних школ, 30 детских садов, число клубов возрастет на 14%, библиотек — на 22%. Будет расширена сеть техникумов, которые к концу пятилетки удвоят выпуск специалистов. Количество студентов в высших учебных заведениях возрастет на 90%. За вторую пятилетку будет подготовлено в 2,8 раза больше специалистов с высшим образованием, чем в период первой пятилетки. Кроме того, на курсах будет подготовлено не менее 15 тыс. специалистов и непосредственно на производстве около 5800 специалистов. Расширится сеть заочных и вечерних средних и высших учебных заведений. Общая численность рабочих и служащих в стране к концу пятилетки увеличится по сравнению с 1952 г. на 18%.

Планом предусматривается ряд мероприятий по дальнейшему развитию науки и искусства, в частности намечено подготовить условия для преобразования в ближайшие годы Комитета наук МНР в Академию наук МНР, для чего будет значительно усилена подготовка научных работников через аспирантуру и докторантуру. Будет создан государственный оперный театр, расширена сеть кинотеатров, увеличен выпуск художественных и документальных фильмов.

Объем ассигнований на дело народного образования, науки и искусства на 60% превысит сумму средств, отпущенных на эти цели в период первой пятилетки.

В директивах по пятилетнему плану предусматривается дальнейшее улучшение жилищно-коммунального хозяйства, в частности намечено приступить к строительству водопровода и канализации в Улан-Баторе. Капитальные вложения на жилищно-коммунальное строительство возрастут против соответствующих затрат в первой пятилетке на 60%.

В целом объем капитальных вложений в народное хозяйство и культурное строительство во второй пятилетке превысит в 2,7 раза вложения средств в период первой пятилетки.

В директивах съезда партии по второму пятилетнему плану подчеркивается, что для успешного выполнения пятилетнего плана необходимо всемерно развивать творческую инициативу трудящихся, социалистическое соревнование, добиваться дальнейшего подъема производительности труда, снижения себестоимости, соблюдения режима экономии. План ставит задачу — повысить производительность труда в промышленности на 24,6%, в строительстве — на 30%, в госхозах — на 20%. План намечает снижение себестоимости промышленной продукции не менее чем на 19%, стоимости строительных работ — на 15%, тракторных работ в госхозах — на 10%, стоимости автомобильных перевозок — на 15%, издержек обращения в розничной торговле — на 10%.

⁵ «Унэн», 23 ноября 1954 г.

⁶ Сомон — район; баг — низшая административная единица.

XII съезд МНРП выразил твердую уверенность, что монгольский народ, опираясь на всестороннюю помощь своего неизменного друга — великого советского народа, на сотрудничество с великим китайским народом и всеми народами могучего лагеря социализма, под руководством своего боевого авангарда — МНРП, добьется новых славных побед в своем развитии по пути к социализму.

* * *

Опубликованные в газете «Унэн» от 15 февраля 1955 г. данные об итогах выполнения плана за 1954 г. свидетельствуют о новых достижениях монгольского народа в социалистическом строительстве.

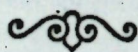
В социалистическом секторе сельского хозяйства достигнуты значительные успехи: поголовье скота в аратских сельскохозяйственных объединениях увеличилось за 1954 г. в 2,3 раза и в госхозах — на 8,8%. Благодаря улучшению технической оснащенности госхозов механизация производства зерна в 1954 г. достигла 98%.

В промышленности план 1954 г. выполнен на 101,7%. По сравнению с 1953 г. валовая продукция увеличилась на 9,7%. План по перевозке грузов механизированным транспортом выполнен в 1954 г. на 136%. В 1954 г. досрочно закончено строительство железнодорожной линии Ула-Батор — Сайи-Шанда протяжением 465 км. В начале апреля 1955 г. эта линия была доведена до Дзамын-Удэ. Тем самым было завершено строительство монгольского участка железной дороги, которая свяжет СССР, МНР и КНР и сократит путь от Москвы до Пекина на тысячу километров.

В 1954 г. населению продано товаров на 14% больше, чем в 1953 г. Продажа риса возросла на 45%, шелковых тканей — на 37%, далямбы (наиболее ходовая в Монголии хлопчатобумажная ткань) — на 27%, муки — на 14%. План 1954 г. по экспорту выполнен на 100,6%, объем экспорта за год увеличился на 12%.

Весьма значительные успехи достигнуты в области культурного строительства. Число семилетних школ увеличилось в 1954 г. по сравнению с 1953 г. на 13%, а средних школ — на 17%. Число студентов в высших учебных заведениях выросло против 1953 г. на 19%, а учеников в специальных средних школах — на 15%. Значительно расширилась сеть медицинских учреждений, детских яслей, домов отдыха. Так, число врачебных пунктов возросло против 1953 г. — на 22,2%, детских яслей — на 13%, домов отдыха и санаториев — на 80%.

Успехи, достигнутые монгольским народом в 1954 г., являются важным шагом на пути выполнения второго пятилетнего плана, плана дальнейшего продвижения МНР к социализму.

ДОРЖИ БАНЗАРОВ

В марте 1955 г. советская общественность отмечала столетие со дня смерти Доржи Банзарова (1822—1855), славного сына бурят-монгольского народа, одного из лучших представителей русской науки середины прошлого века.

Д. Банзаров был демократом-просветителем, талантливым востоковедом, первым бурятским ученым, крупным специалистом в области монгольской филологии и истории. Выходец из народа, он прошел большой, трудный и вместе с тем славный путь от бурятского улуса (деревни) до Казанского университета, от скотовода до исследователя.

Первый бурятский ученый жил всего тридцать три года, из которых лишь несколько лет он имел возможность посвятить научной деятельности. Он всей душой стремился к научной работе, но царское правительство назначило его после окончания университета и получения кандидатской степени чиновником особых поручений Иркутского генерал-губернатора. Человек, по мнению известного русского ориенталиста В. В. Григорьева, способный с честью носить докторский колпак в любом европейском университете, вынужден был бороться с злоупотреблениями чиновников, заниматься разбором мелких дряг и т. д. Бесконечные командировки, неприятности по службе натянутые отношения с чиновниками и церковниками — все это делало жизнь Д. Банзарова трудной и сложной, мешало его научным занятиям. Серьезно отразилась на научно-исследовательской работе Д. Банзарова оторванность от научных центров и его коллег, в письмах ученого встречаются жалобы на отсутствие у него самой необходимой литературы.

Из трудов Д. Банзарова наибольший интерес вызывает его диссертация «Черная вера или шаманство у монголов», представляющая обстоятельное научное описание религиозной системы, имевшей широкое распространение в Азии. Крупным вкладом в науку признаются эпиграфические работы Д. Банзарова, посвященные расшифровке надписей на пайзах и так называемом чингисовом камне. Последнюю надпись пытались расшифровать многие исследователи, включая и академика И. Я. Шмидта, но Д. Банзаров дал наиболее приемлемое чтение.

До сих пор сохраняют научную ценность работы «О происхождении имени монгол», «О происхождении слова Чингис» и «О названии Эргене-хон».

Научная деятельность Д. Банзарова в мрачную эпоху крепостничества имела большое прогрессивное значение. Его труды показывали обществу, что и отсталые народы имеют свою интересную историю и самобытную культуру и что представители этих народов способны к научной деятельности. Люди типа Доржи Банзарова, Чокана Валиханова и др. приобщали свои народы к передовой культуре, прокладывали дорогу в науку тем, кого правящие круги презрительно именовали инородцами. Вся деятельность Д. Банзарова объективно была направлена против колонизаторской и ассимиляторской политики царского правительства.

В Бурят-Монгольской АССР свято чтут память Д. Банзарова. На родине ученого его имя носит один из колхозов, а в Ула-Удэ, столице республики, ведет большую учебную и научную работу Педагогический институт им. Д. Банзарова.

Ученые Бурят-Монгольской АССР уделяют большое внимание жизни и деятельности Д. Банзарова. О первом бурятском ученом и его трудах имеется сейчас большая литература, нечисляющаяся многими десятками книг и статей.

Готовясь к пыльному юбилею, научные работники Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры (НИИК) подготовили новое собрание трудов Д. Банзарова (составитель и автор комментариев Г. И. Румянцев). Сочинениям предпослан очерк биографии ученого, а в конце книги даются документы, касающиеся Д. Банзарова. Собрание сочинений Д. Банзарова будет издано под редакцией проф. Г. Д. Санжеева Академией наук СССР. НИИК готовит сборник работ, посвященных памяти Д. Банзарова. Ряд статей для этого издания написали научные сотрудники Института востоковедения АН СССР.

7 марта 1955 г. состоялось заседание Ученого совета Института востоковедения АН СССР с участием представителей НИИК Бурят-Монгольской АССР, посвященное памяти Д. Банзарова. На заседании были прочитаны четыре доклада о жизни и научной деятельности первого бурятского ученого.

25 и 26 марта в г. Улан-Удэ силами НИИК Бурят-Монгольской АССР, Института востоковедения АН СССР, Казанского и Иркутского университетов, Педагогического института им. Д. Банзарова и Областной партийной школы была проведена сессия памяти Д. Банзарова. Десять прочитанных на сессии докладов позволили участникам ее составить ясное представление об одном из замечательных сынов бурят-монгольского народа.

По всей республике проводились вечера и торжественные заседания, посвященные памяти Д. Банзарова. 28 марта такой вечер с участием гостей из Москвы, Читы и Казани состоялся также на родине ученого, в колхозе, носящем его имя.

Г. И. Михайлов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОЮЗЕ И ВЗАИМОПОМОЩИ.

14 февраля, в день пятой годовщины подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, в Институте востоковедения Академии наук СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное этому важному событию в жизни народов Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Во вступительном слове заместитель директора Института Е. Ф. Ковалев кратко охарактеризовал выдающееся историческое значение советско-китайского договора, положившего начало новым отношениям между двумя великими народами.

Доклад «Значение советско-китайского договора о дружбе и взаимопомощи» сделал д-р эконом. наук В. А. Маслеников. Докладчик осветил грандиозные успехи китайского народа в экономическом, политическом и культурном строительстве. Далее он рассказал о всесторонней и бескорыстной помощи, оказываемой Советским Союзом Китаю и подчеркнул особое значение договора в нынешней международной обстановке.

На конкретном материале докладчик показал сущность новых отношений дружбы и взаимопомощи между народами Китая и СССР, обусловленных договором 14 февраля 1950 г. и рядом последующих соглашений об экономическом, политическом и культурном сотрудничестве. Оценивая значение договора, В. А. Маслеников подчеркнул, что этот договор помог самоотверженно трудившемуся китайскому народу быстрыми темпами восстановить и реконструировать промышленность и транспорт Китайской Народной Республики, начать и успешно развивать широкое экономическое плановое строительство. Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, слившийся воедино волю восьмипятимиллионного населения двух миролюбивых государств, стал великим фактором мира во всем мире.

В заключение В. А. Маслеников от имени всей советской востоковедной общности пожелал дальнейшего укрепления советско-китайской дружбы и успехов великой Китайской Народной Республики в деле строительства социализма и роста государственной мощи китайской народной демократии.

* * *

23 февраля 1955 г. на экономическом факультете МГУ состоялась научная студенческая конференция, посвященная пятой годовщине подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Участники конференции заслушали доклад о значении договора для дела строительства социализма в КНР и сохранения мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

Затем выступил аспирант факультета Мiao Цзу-цзюань. Он передал горячий привет советским студентам и аспирантам экономического факультета от студентов и аспирантов Китая, обучающихся в МГУ. Конференция заслушала далее выступ-

лении студентов и аспирантов о государственном секторе и его ведущей роли в народном хозяйстве Китая, о развитии машиностроения в КНР, о социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве КНР, об изменениях в финансовой системе КНР, об особенностях индустриализации в КНР и другие.

РАБОТА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1954 г. И ПЛАН 1955 г.

Институт востоковедения Академии наук СССР ведет научно-исследовательскую работу в области истории, экономики, литературы и языка народов зарубежного и советского Востока. Экономисты и историки изучают конкретные проявления общего кризиса капитализма в колониальных и зависимых странах Востока, исследуют различные формы действия основного закона современного капитализма, национально-освободительную борьбу народов Востока, влияние Великой Октябрьской социалистической революции на эту борьбу, роль различных классов и особенно рабочего класса и его авангарда — коммунистических и рабочих партий. Научные сотрудники Института ведут большую работу по разоблачению агрессивных планов империалистических держав, и прежде всего США и Англии, в отношении колониальных и зависимых стран Востока.

Языковеды работают над исследованиями в области современных восточных языков и языков древнего и средневекового Востока. При этом изучению лексического состава и грамматического строя восточных языков имеет целью как теоретические обобщения, так и создание грамматик и словарей.

Литературоведы института занимаются в первую очередь проблемами демократической литературы народов Востока, уделяя большое внимание борьбе прогрессивной и реакционной тенденций в литературе и связи первой из них с национально-освободительной борьбой народов Востока.

Ведется, хотя еще совершенно недостаточная, подготовка к публикации рукописей, хранящихся в секторе восточных рукописей Института.

* * *

Деятельность Института в 1954 г. включала научно-исследовательскую и редакционно-издательскую работу, проведение дискуссий, научных сессий и конференций, а также подготовку научных кадров через аспирантуру и докторантуру.

План научно-исследовательских работ Института в 1954 г. состоял из ряда проблем, охватывающих все стороны жизни народов зарубежного Востока и изучение истории культуры народов республик советского Востока.

Одна из важнейших проблем научно-исследовательской работы Института — кризис колониальной системы в эпоху империализма. Этой проблеме посвящены исследования по истории и экономике новейшего периода стран зарубежного Востока, включая большой обобщающий труд «Очерки новейшей истории стран зарубежного Востока». «Очерки» охватывают все страны зарубежного Востока. В них делается попытка показать основные этапы исторического развития стран Востока в условиях общего кризиса капитализма и кризиса колониальной системы империализма.

В 1954 г. разрабатывались отдельные темы по новейшей истории Ирана, Турции, Индонезии, Кореи, Бирмы и Малайи. Подготовлен к печати сборник «Борьба за гегемонию рабочего класса и национально-освободительном движении». Сборник охватывает страны народной демократии Востока (Китай, Корея, Монголия и Вьетнам).

Следует отметить также подготовленную к печати большую монографию канд. эконом. наук Г. В. Астафьева «Борьба китайского народа за свою свободу и независи-

мость против проникновения в Китай американского империализма». Основная цель этой монографии — показать крах американской империалистической политики перед лицом мощного общенародного национально-освободительного движения, возглавляемого рабочим классом под руководством коммунистической партии.

Среди работ, данных в Издательство в 1954 г., заслуживает внимания сборник «Национально-освободительное движение на Арабском Востоке после второй мировой войны». В нем показаны движущие силы национально-освободительного движения в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма на втором его этапе, а также неразрывность этого движения с борьбой прогрессивных сил за мир во всем мире.

Кроме того, в 1954 г. велась работа над темами: «Борьба вьетнамского народа за национальную независимость (1945—1952 гг.)» (С. А. Мхитарян); «Египет в условиях кризиса колониальной системы» (Л. Н. Ватолина); «Национально-освободительное движение в Иране (1918—1921 гг.)» (М. Н. Иванова); «Создание лиги арабских стран» (Е. А. Белиев) и т. д.

Экономическая часть проблемы «Кризис колониальной системы в эпоху империализма» разработана и освещена в сборниках и монографиях по аграрному и другим вопросам экономики стран Востока. В 1954 г. закончен большой коллективный труд «Аграрный вопрос на Востоке». Первая часть этой работы, данная в 1954 г. в Издательство, охватывает восточные страны народной демократии; вторая часть посвящена другим странам зарубежного Востока. Назначение сборника — ознакомить читателей с аграрным движением в странах Востока на различных этапах его развития, показать роль и значение аграрного вопроса в национально-освободительной борьбе этих стран.

В 1954 г. были закончены следующие экономические работы: «Аграрные отношения в современной Сирии» (М. Ф. Гатаулли); «Аграрные отношения и земельно-палоговая политика английских колонизаторов в Бенгалии в середине — второй половине XVIII века» (Э. Н. Комаров); «Экономика Турции в годы второй мировой войны» (П. П. Моксеев); «Положение промышленного пролетариата Турции» (Ю. П. Розалиев); «Кризис английского господства в Индии» (С. М. Мельман) и другие.

Большой интерес представляет законченная доктором эконом. наук В. А. Масленниковым монография «Экономический строй Китайской Народной Республики». В этом труде автор стремится установить закономерности, характеризующие современный этап развития экономики и политики Китайской Народной Республики как переходный этап к строительству социализма. В монографии освещены различные стороны экономики Китая, его социально-экономические преобразования, показаны грандиозные успехи хозяйственного строительства Китая и братская, бескорыстная помощь китайскому народу со стороны народов Советского Союза.

В 1954 г. экономисты Института работали также над темами: «Очерки экономического развития Монгольской Народной Республики»; «Рабочий класс Кореи — руководящая сила в национально-освободительной борьбе»; «Экономика сельского хозяйства Китая»; «Рабочий класс Японии»; «Аграрный вопрос в современной Турции»; «Аграрные отношения в Тунисе» и другими.

Большое внимание в работе Института в 1954 г. было уделено многотомникам — коллективным трудам по истории, экономике и истории культуры крупнейших стран зарубежного Востока. Среди них: четырехтомная история Китая объемом в 160 авторских листов; трехтомные истории Монголии и Японии; двухтомные истории Индии, Турции и Ирана. В многотомниках обобщается исторический путь народов этих стран с древнейших времен до наших дней. К написанию их привлекаются историки, экономисты, литературоведы и языковеды. Подготавливаются тома по новейшей истории. Монография «Новейшая история Японии» находится в Издательстве, продолжается авторская работа над двухтомником «Новая и новейшая история Индии». В 1955 г. заканчивается коллективный труд «Новейшая история Китая», в которой будет обобщена героическая борьба китайского народа под руководством коммунистической партии за свою свободу и независимость, за создание нового, народно-демократического Китая.

Научному коллективу, работающему над многотомниками, предстоит разрешить такие сложные вопросы как о периодизации истории, в частности, рабочладелец.

кого общества и эпохи феодализма; об особенностях и роли кочевого хозяйства у некоторых народов Востока; о земельной собственности в эпоху феодализма, о генезисе капитализма и об особенностях капиталистического развития в странах Востока; о формировании буржуазных наций, об особенностях национально-освободительной борьбы на современном этапе в зарубежных странах Ближнего и Среднего Востока по сравнению со странами Дальнего Востока и т. д.

К 30-летию Монгольской Народной Республики была подготовлена и издана «История Монгольской Народной Республики», в написании которой принимали участие советские и монгольские ученые. Этот труд переведен и надается в МНР на монгольском языке. В 1954 г. начата работа над трехтомником по истории Монгольской Народной Республики.

Большой коллектив научных сотрудников Института участвует в подготовке десятитомной «Всемирной истории». Первый том этого издания — «Первобытное общество. Древний Восток» — подготавливается сектором древней истории Института востоковедения совместно с секторами Института истории и Института истории материальной культуры.

Д-р ист. наук В. И. Андиев заканчивает монографию «История Древнего Египта». Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская закончила монографию «Город Ближнего Востока в раннем средневековье». Автор исследует социальные движения в городах Ближнего Востока в период раннего средневековья.

В секторе восточных рукописей Института востоковедения имеется большое количество рукописных документов и материалов (зачастую уникальных), представляющих собой богатейший источник для исследований по истории, экономике, литературе и языку стран древнего и средневекового Востока. Коллектив научных сотрудников этого сектора ведет большую работу по описанию рукописей и публикации документов. В 1954 г. закончены и сданы в печать первые выпуски описания таджикских, персидских, корейских, монгольских и грузинских рукописей (Н. Д. Миклухо-Маклай, О. И. Петрова, В. С. Пучковский и Р. И. Орбели). Закончен каталог таджикско-персидских рукописей (А. Д. Мугинов и др.).

В 1954 г. Институт начал подготовку издания текста «Шах-наме» Фирдоуси с переводом на русский язык и комментариями. Первый том «Шах-наме» уже подготовлен к печати. Цель издания — дать научно проверенный текст на основе критического изучения и сопоставления наиболее старинных рукописей этого произведения Фирдоуси. Пробный образец критического текста с переводом на русский язык помещен в «Кратких сообщениях Института востоковедения АН СССР», 1954 г., вып. № 13.

Заслуживает внимания работа Института в области публикации китайских и индийских источников. Подготавливается к публикации 10-томный перевод истории Китая до XVII в. «Туицзинь ганму», сделанный в середине прошлого века пионером русской синологии Накинфом Вичуринным. Подготовлен к печати третий выпуск из серии «Избранные образцы классической литературы Востока», содержащий переводы акад. В. М. Алексеева произведений древних китайских поэтов. Готовится к изданию выдающийся древнейший памятник индийской общественной мысли — «Архатипастра», перевод которой с санскрита был сделан русскими индологами акад. Ф. И. Щербатским, С. Ф. Ольденбургем и другими.

Кроме того, сотрудниками Института подготовлены к печати: по Японии — литературный памятник VIII в. — «Манъёсю» (А. Е. Глускина); по Монголии — «Шаратуджи» (Н. И. Шастина); из среднеазиатских памятников XI в. — «Кутадгу-Билэг Юсуфа Хасс-Хадига» (А. А. Валитова); арабская рукопись «Ат-табари — истории пророков и царей X века» (В. И. Веллен); армянская рукопись «Джамбр» (П. Т. Арутюниан) и другие.

Значительное место в работе Института занимают исследования по языку, литературе и истории культуры народов Востока. Большое исследование по проблемам китайской лексикологии заканчивает д-р филол. наук И. М. Ошанин. Это исследование посвящено процессу исторического развития китайского языка и процессу изменения словарного состава и основного словарного фонда. Д-р филол. наук В. К. Пашков закан-

чивает монографию «Пекинское наречие и его роль в развитии общенародного китайского языка». В. И. Кальинин подготовил к печати хрестоматию из образцов санскритской литературы в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. Д-р филол. наук А. И. Кононов составил более полную грамматику современного турецкого языка.

В целях расширения и улучшения изучения языков и литературы народов Индии в Институте востоковедения АН СССР в конце 1953 г. был создан специальный сектор языка и литературы народов Индии и Юго-Восточной Азии. Сектор провел научную конференцию, посвященную вопросам изучения языков и литератур народов Индии. В результате объединения усилий индологов Москвы и Ленинграда Институт подготовил в 1954 г. к печати том «Ученых записок», сборник, освещающий актуальные вопросы развития языков урду, хинди, бенгали, телугу, санскрита и индонезийского языка. Ряд статей сборника посвящен общим вопросам лингвистики индийских языков и задачам советской индологии.

В настоящее время Институт начал работу над грамматиками языков хиндустани, бенгали и телугу и очерками по истории литератур на этих языках.

В Институте начата работа по созданию грамматики индонезийского и дунганского языков. М. Г. Аслапов заканчивает грамматику языка пунту. К. К. Курдюмов подготовил к печати грамматику курдского языка и курдско-русский словарь (диалекта курманджи). Это будут первые работы на русском языке.

Важное место в работе лингвистов занимает также подготовка словарей. Кроме выпущенных в свет урду-русского, хинди-русского и китайско-русского словарей, подготовлен большой афганско-русский словарь. Заканчивается работа по словарю Павон. В 1954 г. сдан в печать для второго издания русско-китайский словарь под редакцией Н. М. Ошанина.

В 1954 г. продолжалось изучение современной прогрессивной литературы народов Востока и литературного наследия. Закончены и сданы в печать работы Л. З. Эйшлина «Очерки современной китайской литературы» и Г. И. Михайлова «Очерки истории современной монгольской литературы».

В работе Л. З. Эйшлина на основе анализа современной китайской литературы (поэзия и проза) показана ее роль в строительстве народно-демократического Китая. В работе Г. И. Михайлова показано зарождение романа и других современных литературных жанров в монгольской литературе.

Л. О. Алькаева и А. А. Бабаев заканчивают исследование на тему: «Очерки истории современной турецкой литературы». Исследование в области современной персидской литературы ведет Л. Н. Комиссаров.

Большое внимание уделяется изучению литературы народов советского Востока. Чл.-корр. АН СССР Е. Э. Вортелье заканчивает подготовку первого тома «Истории таджикской и персидской литературы до XVI века». Чл.-корр. АН Таджикской ССР Н. С. Брагинский работает над монографией: «Литературные традиции и наследие таджикского народа». Эти работы ознакомят советского читателя с богатым культурным наследием таджиков и персов. А. А. Шариф изучает поэзию и творчество Джаалила Мамед Кули-заде — основоположника революционно-демократического течения в азербайджанской литературе.

Вот далеко не полный перечень проблем и тем, над которыми работает научный коллектив Института востоковедения.

Всего в 1954 г. были завершены и сданы в различные издательства 24 работы общим объемом в 610 авторских листов. Кроме уже упомянутых в этом обзоре работ можно назвать: «Исторические корни Гасариады» (Ц. Дамдинсурэн); «Борьба за победу народной революции в Монголии и образование Монгольской Народной Республики (1921–1924 гг.)» (В. Ширендыб); «Собрание сочинений Доржи Банзарова»; первую часть сборника «Аграрный вопрос на Востоке»; лингвистический сборник под редакцией А. К. Воронкова; три тома избранных произведений П. Ю. Крачковского и другие.

В 1954 г. Институт выпустил в свет 12 изданий общим объемом около 250 печатных листов.

* * *

Важным участком работы Института являются научные сессии, дискуссии и научные конференции. В 1954 г. было проведено свыше 60 заседаний Ученого совета и его секций (исторической, экономической и филологической), посвященных обсуждению научных работ, защите диссертаций, юбилейным датам и т. п.

Состоялись научные сессии, посвященные пятилетию китайско-советской дружбы, месячнику вьетнамо-советско-китайской дружбы, тридцатилетию Монгольской Народной Республики.

Особенного внимания заслуживает четырехдневная научная сессия Института востоковедения АН СССР и Института мировой литературы имени Горького по вопросам эпоса народов Советского Союза. К участию в этой сессии были привлечены также и представители научных учреждений республик советского Востока. На сессии с докладами выступили чл.-корр. АН Узбекской ССР А. К. Боровков, д-р филол. наук В. И. Чичеров и другие. Сессия подвела итоги работы местных и центральных научных учреждений академий наук в области фольклора и наметила дальнейшие задачи, в частности, было решено организовать в 1955 г. в Ташкенте специальную дискуссию по узбекскому эпосу «Алпамыш».

19 апреля и 7 мая состоялось заседание исторической секции Ученого совета, на которой обсуждались работы по истории стран Востока, выпущенные Институтом за предыдущие годы. На заседание были приглашены представители газет, журналов, научных учреждений Москвы и читатели, в частности, агитаторы и пропагандисты с завода «Серп и молот». Приглашенные приняли активное участие в обсуждении, высказав ряд критических замечаний по адресу Института.

Слабым местом в работе Ученого совета Института попрежнему остается организация научных дискуссий и сессий, посвященных спорным и актуальным проблемам экономики, истории, языка и литературы народов Востока, и обсуждение книжной продукции Института. Значительное число заседаний Ученого совета в 1954 г. было посвящено защита диссертаций (защищено 4 докторских и 35 кандидатских диссертаций), рассмотрению и утверждению к печати рукописей и обсуждению вышедшей в свет востоковедной литературы.

Обсуждение научных проблем проводится также на заседаниях секторов Института. Следует отметить двухдневное обсуждение на секторе истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока доклада д-ра ист. наук Б. Н. Заходера о печатных работах по Ближнему и Среднему Востоку за 1953 г. На этом заседании присутствовали представители научной общественности Москвы, оно вылилось в оживленное обсуждение всей работы Института. Такая же многодневная и оживленная дискуссия была проведена сектором истории и экономики Японии по аграрному вопросу и аграрной реформе в Японии.

* * *

Международные научные связи Института в 1954 г. значительно расширились и окрепли.

Налажено тесное сотрудничество с монгольскими учеными в деле написания «Истории Монгольской Народной Республики». Сейчас ведутся подготовительные работы по созданию силами советских и монгольских ученых трехтомной истории монгольского народа. Краткий план трехтомника и список авторов советской стороны уже направлен в Комитет наук МНР.

Другой формой связи с иностранными учеными является участие советских востоковедов в международных конгрессах и научных сессиях, а также посещение Института востоковедения АН СССР иностранными учеными.

В апреле 1954 г. советская делегация во главе с Е. Э. Бертельсом посетила Тегеран, где участвовала в торжествах, посвященных открытию памятника Ибн-Сине (Авиценна)

в связи с 1000-летием со дня его рождения. Е. Э. Бертельс и члены делегации проф. Б. Н. Заходер, чл.-корр. Академии медицинских наук В. Н. Терновский, канд. ист. наук С. Азимджанова и Л. Н. Рахимов прочли доклады «О подлинности четверостиший Авиценны»; «История изучения Авиценны в СССР» и др.

В июне 1954 г. советские востоковеды д-р экон. наук М. И. Лукьянова и д-р филол. наук Н. А. Баскаков участвовали в востоковедном конгрессе в Варшаве. Лукьянова прочитала на конгрессе доклад об аграрной реформе в Японии, а Н. А. Баскаков — по тюркологии.

Крупным событием 1954 г. было участие советской делегации в XXIII Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в Кембридже с 22 по 28 августа. Делегацию возглавлял директор Института востоковедения АН СССР А. А. Губер. В результате участия в конгрессе в Кембридже расширились и окрепли связи советских ученых с учеными и научными учреждениями зарубежных стран. Институт востоковедения АН СССР в 1954 г. стал получать много писем от иностранных ученых и научных учреждений по вопросам литературы и библиографии, с просьбами о высылке фотокопий и микрофильмов с восточных рукописей и по другим научным вопросам. Так, например, в ответ на запрос о русском ученом Герасиме Лебедеве, который в конце XVIII в. основал в Калькутте первый индийский театр, Институт отправил в Индию справку о нем с приложением фотокопий с ряда архивных материалов.

В 1954 г. Институт посетили ученые, писатели и общественные деятели Индии, Японии, Монголии, Сирии, Египта, Голландии и Ирана. Такого рода общение способствует укреплению научных связей Института и советской науки в целом с зарубежными учеными-востоковедами.

* * *

Большую работу Институт востоковедения АН СССР ведет по подготовке научных кадров через аспирантуру и докторантуру. Почти третья часть аспирантов Институт готовит для союзных республик — Узбекистана, Таджикистана, Туркменин.

Институт востоковедения АН СССР провел очень важную работу в области создания письменности для дунган, проживающих на территории СССР. Письменность создана на основе русского алфавита. Работа велась и была закончена специальной Комиссией под председательством ст. научн. сотр. Института А. А. Драгунова с привлечением специалистов с мест.

* * *

В 1955 г. перед Институтом стоят чрезвычайно большие и ответственные задачи. Институт должен выполнить решения Президиума АН СССР и Отделения исторических наук по улучшению работы Института, завершить свой пятилетний план и выработать план на следующее пятилетие. Особенностью плана 1955 г. является большое количество работ, заканчиваемых в 1955 г. Вторая особенность плана 1955 г. — увеличение удельного веса работ отдельных авторов по сравнению с коллективными трудами.

Наиболее крупной и актуальной проблемой плана 1955 г. остается «Кризис колониальной системы в эпоху империализма». С этой проблемой связаны «Очерки новейшей истории стран зарубежного Востока», новейшая история Китая, Индии, Вьетнама, Индонезии, Кореи, Бирмы, Турции и Ирана, однотомник «История Корейской Народно-Демократической Республики» и другие темы.

Вторым по размеру в плане 1955 г. идет раздел «Исторические литературные и научные публикации», что соответствует курсу Института на активизацию работы по вовлечению в научный оборот рукописных богатств народов Востока. Важнейшие работы этого раздела: второй том «Шах-наме», «Родословная туркмен», сочинение Абул Гази, хана хивинского XVII в.; перевод с санскрита с примечаниями известного на Востоке памятника древней индийской литературы «Шукасантати» (70 рассказов попугая).

Расширяется тематика исследований в области филологии. Количество тем по проблеме «Литература народов Востока» увеличивается в 1955 г. до семи (по сравнению с четырьмя в 1954 г.).

По этой проблеме в 1955 г. заканчиваются упомянутые выше монографии Е. Э. Бертельса и Н. С. Брагинского, а также монографии Л. О. Алькаевой и А. А. Бабаева по истории современной литературы Турции. Закачиваются монографии о крупном азербайджанском писателе Джаалил Мамед Кули-заде, о японской писательнице Миямото и другие.

В области языков народов Востока будут разрабатываться следующие темы: «Проблемы китайской лексикологии» (Н. М. Ошанин); «Грамматика дунганского языка» (А. А. Калимов).

В плане 1955 г. имеется новый раздел — научно-атеистическая пропаганда, по которому запланировано четыре работы научно-популярного характера: «Религии древнего Востока» (В. И. Андиев); «Мусульманское сектантство» (Е. А. Беляев); «Религии древней Индии» (Г. Ф. Ильин) и брошюра о ламаизме (А. Т. Якимов).

Одним из важнейших мероприятий 1955 г. будет созыв Всесоюзного совещания востоковедов. Цель совещания — координация работы востоковедов СССР, установление живой и действенной связи между ними, что должно привести к новому подъему советского востоковедения. На совещании предполагается поставить ряд научных докладов по актуальным вопросам советского востоковедения.

В 1955 г. намечено провести дискуссии о генезисе и особенностях развития капитализма в странах Востока и о социалистическом реализме в литературах народов Востока.

Таковы основные задачи научно-исследовательской работы Института востоковедения на 1955 г.

Н. П. Бушев

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ¹

28—30 марта 1955 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание по вопросам восточной филологии, созванное Президиумом Академии наук СССР. В совещании приняли участие научные сотрудники институтов востоковедения, языковедения, этнографии, истории материальной культуры АН СССР, институтов языка и литературы академий наук союзных республик, профессора и преподаватели университетов и институтов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ташкента, Баку, Казани и других городов, а также представители некоторых государственных издательств и библиотек.

В кратком вступительном слове вице-президент АН СССР акад. К. В. Островитинов указал, что несмотря на все возможности, созданные для поуклонного повышения уровня востоковедной науки, нынешнее состояние нашей ориенталистики и, в особенности, восточной филологии еще не соответствует тем большим задачам, которые поставлены перед советской наукой партией и правительством. Глубокий анализ различных периодов истории народов и критическое изучение богатейших традиций, требующие углубленной филологической работы, делают актуальным изучение и древних языков, и старинных рукописей. Вместе с тем, отметил К. В. Островитинов, научную разработку проблем языка и литературы в их истории нельзя противопоставить изучению современных живых языков, новейшей литературы и культуры стран зарубежного и советского Востока.

¹ Более подробное сообщение о данном совещании будет напечатано в следующем номере нашего журнала.

К. В. Островитинов призвал участников совещания активно обсудить назревшие вопросы, выявить все недостатки и наметить пути к дальнейшему развитию советской восточной филологии.

На совещании были заслушаны доклад директора Института востоковедения АН СССР чл.-корр. АН СССР А. А. Губера «О состоянии и задачах восточной филологии» и содоклад чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса «Задачи восточной филологии в академических союзных республиках».

В своем докладе А. А. Губер подробно проанализировал международную обстановку и те изменения, которые произошли в странах Востока в результате мировой войны и дальнейшего углубления кризиса колониальной системы. Роль, которую в настоящее время играют народы и многие государства Востока в решении судеб мира, неизмеримо возросла. Все это, как указал докладчик, ставит перед советским востоковедением серьезнейшие задачи.

Раскрывая особенности уровня развития стран Востока и характер источников, на которых должно основываться подлинно научное изучение народов Востока, А. А. Губер подчеркнул, что отсутствие достаточного исследования и научной публикации источников, необходимость пользоваться рукописными материалами ставят развитие востоковедения в прямую зависимость от филологической базы.

Отметив известные достижения в области восточной филологии, докладчик подробно остановился на недостатках, которые привели в последние годы к снижению ранее достигнутого уровня. Он констатировал ослабление филологической работы по изучению восточных памятников, недостаточное количество публикаций критических текстов и основанных на первоисточниках монографических исследований по древней и средневековой истории и литературе Востока. В докладе была отмечена известная недооценка работы над ранее не изучавшимися у нас некоторыми восточными языками, без знания которых, однако, невозможно приступить к исследованию проблем истории и экономики ряда стран.

Большое внимание А. А. Губер уделил вопросу подготовки кадров, указав на необходимость пересмотра учебных программ и кандидатских минимумов, которые должны обеспечивать выпуск филологически подготовленных специалистов-востоковедов.

В заключение докладчик отметил, что дальнейший подъем восточной филологии делает настоятельно необходимым установление более тесного контакта с востоковедами народно-демократических республик, а также расширение связей с крупнейшими востоковедными центрами Запада и таких стран, как Индия, страны арабского Востока и т. д.

Е. Э. Бертельс, подчеркнув в своем содокладе значение культурной революции, которая привела, в частности, к тому, что ранее отсталые народы царской России смогли создать свои крупные научные центры, подробно остановился на задачах филологии в восточных республиках Советского Союза.

В настоящее время филологическая работа в республиках ведется, в основном, в области современного языка и новейшей литературы, и в этом отношении достигнуты значительные успехи. Между тем, указал докладчик, нельзя изучать язык и литературу в отрыве от истории, в отрыве от старых, существовавших у многих народов литературных традиций, ибо это часто влечет за собой искажение исторической перспективы и не позволяет дать правильный научный анализ. Поэтому перед филологами республик советского Востока встает задача изучения классической литературы, исторических памятников и документов.

В связи с этим Е. Э. Бертельс особенно подчеркнул важность издания письменных памятников Востока и произведений классиков в традиционной графике, а не в транскрипции.

В докладе были подняты также вопросы о необходимости расширения полиграфической базы, описании и каталогизации богатейших собраний рукописей и улучшения условий их хранения.

В прениях по докладом выступило 47 человек.

Отмечая достижения в области советской восточной филологии, в частности, созда-

ние твердых основ письменности для ранее бесписьменных языков, создание общих и терминологических словарей, учебных и научных грамматик, опубликование отдельных критических текстов литературных памятников и т. д., выступавшие указали на ряд существенных недостатков, которые характеризуют нынешнее состояние восточной филологии.

Широкому обсуждению подверглись вопросы подготовки и распределения кадров филологов-востоковедов, организации командировок аспирантов и научных работников в страны зарубежного Востока, снабжения специалистов литературой, вопросы публикации памятников восточной литературы, издания реферативного журнала по восточной филологии и др.

Совещание приняло развернутую резолюцию, в которой намечены конкретные мероприятия по улучшению восточной филологии в Советском Союзе.

НАУЧНАЯ РАБОТА НА ОТДЕЛЕНИИ ВОСТОКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный коллектив отделения истории стран зарубежного Востока МГУ сочетает педагогическую работу с научно-исследовательской. Создание учебных пособий по истории стран зарубежного Востока — основное направление в научной работе профессорско-преподавательского коллектива отделения Востока. На протяжении последних лет коллектив отделения занят подготовкой трудов по истории стран Востока.

Первым результатом этой работы была «Новая история стран зарубежного Востока» (1952). Авторы этого учебного пособия учли критические замечания и в настоящее время готовят второе издание книги.

Особое внимание уделяется созданию учебных пособий по новейшей истории стран зарубежного Востока. Весной 1954 г. вышел первый выпуск «Новейшей истории стран зарубежного Востока» (1918—1929 гг.). Во время организованного редакцией журнала «Советское востоковедение» обсуждения, в котором приняли участие востоковеды Москвы, это пособие получило в целом положительную оценку. Критические замечания, высказанные по поводу данной работы, несомненно принесут пользу авторскому коллективу при подготовке последующих выпусков. В печати находится второй выпуск «Новейшей истории стран зарубежного Востока» (1929—1939). На кафедрах истории стран Востока обсуждаются главы третьего выпуска «Новейшей истории стран зарубежного Востока» (период второй мировой войны).

Коллектив отделения подготовил также рукопись книги «История стран зарубежного Востока в средние века».

Намечено издание ряда хрестоматий по истории стран Востока («Хрестоматия по истории Ирана в средние века» и «Хрестоматия по истории Китая в средние века»), а также сборников трудов кафедр. Сданы в печать «Очерки по истории рабочего класса Индии» и сборник статей по истории арабских стран. Готовятся сборники статей по истории Китая, Японии и Кореи.

Подготовлены монографии: «Крестьянская война в Китае в XVII в.» (Л. В. Симановская), «Рабочее движение в Индии накануне второй мировой войны» (Л. В. Шапошникова), «Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914—1952)» (Ф. М. Адамба). Многие работники отделения Востока участвуют в написании «Всемирной истории», статей для БСЭ и рецензий на работы советских и зарубежных авторов по истории Востока.

Большое внимание на отделении Востока уделяется подготовке научных кадров. В 1954 г. на отделении было защищено десять кандидатских диссертаций.

Диссертация А. Ли «Национально-освободительная борьба народа Южной Кореи

(1945—1952 гг.)» впервые в советской истории освещает вопросы развития массового движения и партизанской борьбы в Южной Кореи.

Диссертация Д. К. Пономарева «Американская экспансия в Турции (1947—1952)» разоблачает захватническую политику США в Турции после второй мировой войны.

Диссертация Л. В. Шапошниковой «Борьба рабочего класса Индии за руководящую роль в национально-освободительном движении накануне второй мировой войны» анализирует положение индийского пролетариата и рассказывает о его героической борьбе под руководством компартии за гегемонию в национально-освободительном движении.

Диссертация Г. Б. Навлицкой «Япония на Вашингтонской конференции» освещает ряд новых моментов закулисной дипломатии империалистических держав.

Диссертация И. М. Сырицина «Антивоенное и антифашистское движение в Японии в 1935—1937 гг.» показывает ухудшение экономического положения в Японии вследствие агрессивной политики правящих кругов, борьбу народных масс за предотвращение войны, роль коммунистической партии в этой борьбе.

Русско-персидской войне 1826—1828 гг. посвящена диссертация А. А. Тихоновой. В этой работе изложен ход военных действий, вскрыты причины, характер и последствия войны.

В диссертации Т. Е. Мытарова «Борьба компартии Китая за разрешение аграрного вопроса» обобщен богатейший опыт Коммунистической партии Китая в разрешении аграрного вопроса в период китайской революции.

Диссертация П. В. Дмитриева посвящена вопросам колониальной политики англо-американских и японских империалистов в Малайе во время второй мировой войны.

В диссертации К. В. Кукушкина «Подъем национально-освободительного движения в Китае накануне антияпонской войны» раскрывается процесс складывания единого национального антияпонского фронта, показана тактическая линия и руководящая роль Коммунистической партии Китая в национально-освободительном движении.

Лучшие диссертации рекомендованы Ученым советом к печати.

Большое внимание на отделении Востока уделяется дипломникам. В 1954 г. на кафедрах отделения Востока было защищено 37 дипломных работ. Их тематика охватывает историю большинства стран зарубежного Востока в различные эпохи. Ряд дипломных работ носит исследовательский характер.

По истории Китая следует отметить работу Э. Стужиной «Городские и крестьянские восстания в Китае в X—XII вв.», в которой большое место уделено выяснению социально-экономического положения в стране и характеристике движения крестьянства и городских низов.

В работе Н. Рацмюр «Борьба китайского народа против нашествия чжурчженей в XII в.» показана героическая борьба народных масс. Дипломант стремится выяснить причины победы относительно слабого племени чжурчженей над Китаем.

Дипломная работа В. Богословского посвящена совершенно неизученной теме: «Тибет в VII—IX вв. и его отношения с Китаем». Дипломант в результате исследования тибетских и китайских источников показал, что экономические и политические связи между Китаем и Тибетом имеют многовековую давность.

Борьбе крестьянских масс в период первой гражданской революционной войны в Китае в 1924—1927 гг. посвящена работа Ю. Попкова. Автор изучил новые публикации материалов и документов по этому вопросу и на основании их показал, как в период первой гражданской войны складывался союз рабочего класса и крестьянства.

Важнейшим социально-экономическим преобразованием в Китае, осуществленным после создания КНР, посвящена дипломная работа Л. Новикова «Аграрные преобразования в Китайской Народной Республике (1949—1953)».

Вопросам укрепления народно-демократического строя в Китае посвящена работа Ж. Крупник «Борьба против „трех“ и „пяти“ злоупотреблений в КНР». На большом материале Ж. Крупник показала борьбу народно-демократического государ-

ства против попыток буржуазии разложить государственный аппарат, помешать китайскому народу идти по пути социализма.

Многие дипломные работы посвящены истории корейского народа. Об особенностях развития капиталистического уклада в Корее написана работа А. Гавриловой «О формировании корейской буржуазии», построенная на корейских источниках, корейской и русской прессе начала XX в., на архивных материалах.

По истории Индии представляет интерес работа Л. Алаева «Аграрные отношения в Виджаянагаре в XV—XVI вв.». Автор дал анализ форм землевладения на юге Индии, показал развитие частной собственности на землю и товарно-денежных отношений в деревне.

В дипломной работе Н. Баранова «Положение рабочего класса Мадрасского президентства накануне мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.» раскрываются особенности эксплуатации индийского рабочего класса в период господства английских колонизаторов.

Работа Э. Грантовского «К вопросу о месте маздакитского движения в социальной истории Сасанидского Ирана» посвящена исследованию сословно-кастового строя Ирана в период разложения рабовладельческого строя и зарождения феодализма.

Н. Киреев в работе «Концессия Честера» рассматривает попытку США в 1922—1923 гг. закабалить Турцию. Автор привлек новый интересный материал.

Наиболее важные разделы дипломных работ, носящих исследовательский характер, решено опубликовать в сборниках трудов кафедр.

В 1954 г. при кафедрах работало несколько студенческих кружков, занимающихся изучением истории и современного положения стран Востока. Основное назначение этих кружков — привить студентам необходимые навыки самостоятельной научной работы.

На заседаниях кружков читаются интересные доклады, обсуждается новая художественная и историческая литература по Востоку. Кроме того, студенты знакомятся с источниками на восточных языках.

В студенческих кружках изучаются также вопросы политического и экономического развития народно-демократических стран Востока, а также национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран Востока.

Участие студентов в научных кружках значительно повышает их активность и помогает им глубже усваивать основные вопросы истории стран зарубежного Востока.

К. В. Кукушкин, А. В. Меликсетов

О РАБОТЕ КАФЕДРЫ ЭКОНОМИКИ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В 1954 г. в составе экономического факультета МГУ была создана кафедра экономики стран народной демократии.

Кроме основного курса по экономике Китая и Кореи, в 1954/55 учебном году на кафедре организованы спецкурсы и спецсеминары: «Экономический строй КНР», «Аграрный вопрос и его решение в Китае», «Экономический строй европейских стран народной демократии».

Кафедра ведет работу по подготовке новых программ по экономике Китая, Кореи и европейских стран народной демократии. В разработке программ принимает участие профессорско-преподавательский состав, а также аспиранты кафедры. В 1955 г. намечено допустить к защите кандидатские диссертации на темы: «Социалистическая организация труда в госпромышленности Монгольской Народной Республики», «Экономическая экспансия США в Китае после второй мировой войны», «Производствен-

ное кооперирование сельского хозяйства на северо-востоке Китая», «Инвестиции империалистических держав в Китае накануне революции».

Кафедра осуществляет разработку учебных пособий по курсам и спецкурсам экономики переходного периода стран народной демократии. При кафедре организован научный студенческий кружок по изучению экономического строя стран народной демократии в переходный период. В работе кружка участвует 40 студентов. На его заседаниях был заслушан ряд докладов: «Аграрные преобразования в Польше», «Сельхозналог в системе госбюджета КНР», «Роль госхозов в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Китая» и др.

В 1954/55 учебном году на кафедре проведены две научные студенческие конференции. Первая конференция (октябрь 1954 г.) была посвящена вопросам строительства основ социализма в КНР. Вторая (февраль 1955 г.) — пятилетию заключения Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Во втором семестре кафедрой намечено проведение ряда мероприятий, направленных на повышение уровня научной работы и активности аспирантов и студентов: в разработке важнейших проблем хозяйственного строительства в странах народной демократии. К концу 1955 г. предполагается завершить работу по подготовке учебных пособий по курсу «Экономический строй КНР» и «Экономический строй европейских стран народной демократии».

И. И. Мошенцева

ОТДЕЛ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А. С. ПУШКИНА

Отдел древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранит коллекцию памятников искусства и культуры древнего Египта, а также собрание памятников искусства и культуры стран Передней Азии.

На открывшейся в декабре 1953 г. экспозиции Отдела древнего Востока представлены памятники круглой скульптуры и рельефа, изделия художественного ремесла, предметы быта и погребального культа, литературные, религиозные и другие тексты. В залах отдела выставлены такие уникальные памятники, как рельеф из гробницы Иси, рельеф Хенени, бюст Аменемхета III, статуэтка Раннаи, туалетная ложечка в виде пливущей женщины, собрание фаянсовых портретов, математический папирус, цилиндр-печать Артаксеркса и др. Значительно расширился показ художественного ремесла (глиняных, фаянсовых, каменных и металлических сосудов), образцов архитектурных украшений из фаянса, ювелирных изделий и памятников ассирийской и иранской глиптики. Более полно показан раздел эллинистического Египта.

Впервые в экспозиции Музея представлен раздел культуры и искусства Урарту, одного из ведущих государств древнего Востока и древнейшего государства на территории СССР. Создание этого важного раздела стало возможным благодаря археологическим раскопкам памятников урартской культуры. Начиная с 1952 г. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина совместно с Академией наук Армянской ССР под руководством Б. В. Пиотровского проводит систематические раскопки крепости VIII в. до н. э. города Ерепуни (холм Арин-берд близ Еревана).

Популяризация культуры и искусства Востока является одной из важных задач работы Отдела. В лектории Музея был организован цикл лекций на следующие темы: «Искусство древнего Египта», «Искусство древнего Китая», «Египетский рельеф», «Искусство Урарту», «Изобразительное искусство Китайской Народной Республики».

Большое внимание в исследовательской работе сотрудников Отдела древнего Востока уделяется вопросу о взаимосвязи культур древнего Востока. Проф. В. В. Павлов в работе «О взаимосвязи египетской культуры со странами Передней Азии» ана-

лизирует происхождение и развитие отдельных египетских декоративных мотивов и их связь с искусством народов Передней Азии.

При изучении резного цилиндра-печати из коллекции музея проф. В. В. Павлов проследил эволюцию иконографии бога Беса в искусстве Египта и Передней Азии. Рассматриваются связи искусства древнего Египта с искусством окружающих народов и при изучении художественного ремесла этой страны. Исследование предметов быта представляет значительный интерес потому, что при их изготовлении мастер был более свободен в выборе темы и сюжета, чем при создании памятников монументального искусства. Кроме того, широкий вывоз предметов художественного ремесла за пределы страны способствовал сближению культур различных стран.

В докладе Р. И. Рубинштейн «Культурно-исторические связи Египта с азиатскими племенами в эпоху IX—X династий» дается характеристика быта египтян и кочевых племен в конце III тысячелетия до н. э.

Проблеме взаимосвязи урартского искусства с искусством стран Передней Азии, в частности с искусством скифов и македонцев, посвящена работа И. М. Лосевой. На основе памятников искусства, происходящих из Иранского Азербайджана (Сакызский клад), с привлечением многих материалов скифского луристанского, урартского и ассирийского искусства устанавливается принадлежность их македонскому искусству.

В Отделе ведется также работа по подготовке каталога египетского художественного ремесла и папирусов.

С. И. Ходжани

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История Монгольской Народной Республики (Академия наук СССР и Комитет наук МНР), М., Изд-во АН СССР, 1954, 422 стр.

К 30-летию провозглашения республики в Монголии коллективом советских ученых, совместно с коллективом ученых МНР, был подготовлен ценный научный труд — «История Монгольской Народной Республики». Авторами книги являются: члены-корреспонденты АН СССР — С. В. Киселев, А. Ю. Якубовский; действительные члены Комитета наук МНР — Ш. Нацондоржи, В. Ширендыб; научные работники — Л. И. Думан, С. Д. Дылыков, И. Я. Златкин, Г. И. Михайлов, Б. И. Панкратов, П. П. Старицына, Ж. Тумурбатор, И. Н. Устюжанинов, Б. Цеден, Н. П. Шастина, А. Т. Якимов.

Главная редакция книги: от Академии наук СССР — академики Б. Д. Греков и С. А. Козин, члены-корреспонденты АН СССР А. А. Губер, Е. М. Жуков и С. В. Киселев; от Комитета наук МНР — действительные члены Комитета наук МНР — Б. Ширендыб, Ц. Дамдинсүрэн, Ш. Нацондоржи и Ц. Пунцукорбо.

Книга представляет собой систематический очерк истории монгольского народа с древнейших времен до наших дней. Выход в свет рецензируемой книги — большое событие в исторической науке, а также в культурной жизни советского и монгольского народов.

Многие важные проблемы истории Монголии, несмотря на наличие сравнительно большой литературы по вопросам истории монгольского народа (исследования и публикации исторических источников), остаются до сего времени неизученными. По таким коренным проблемам, как развитие производительных сил и производственных отношений на различных этапах истории Монголии, история классовой борьбы и национально-освободительного движения монгольского народа, формирование монгольской народности и особенно по узловым вопросам новейшей истории МНР (возникновение и развитие рабочего класса в МНР, формирование социалистической нации и др.) до сих пор нет монографий, а архивные документы далеко не все выявлены и опубликованы. Поэтому написать систематический, сжатый очерк истории Монголии — дело в высшей степени сложное. Но оно оказалось по силам большому коллективу советских и монгольских историков. Научное сотрудничество, являющееся одной из многообразных форм взаимопомощи и сотрудничества советского и монгольского народов, обеспечило создание ценного труда. «История Монгольской Народной Республики» написана лучшими специалистами по истории Монголии.

В рецензируемой книге приведен и проанализирован фактический материал, всесторонне освещающий жизнь монгольского народа на протяжении столетий, прослеживается развитие социальных отношений, политической жизни и культуры монгольского народа. Книга правомерно подразделена на две части: в первой излагается история монгольского народа с древнейших времен до народной революции 1921 г., во второй описывается борьба трудящихся Монголии за построение основ социалистического общества (1921—1954). Впервые читатель, ознакомившись с историей МНР, получает представление об этапах развития первобытно-общинного строя в Центральной Азии и о его разложении. До последнего времени далекое прошлое Монголии было почти сплошным белым пятном. Благодаря работам советских археологов, особенно в результате раскопок С. В. Киселева и А. П. Окладникова, стало возможным восстановить в общих чертах древнейший период истории Монголии. Авторы книги рассмотрели проблему генезиса монгольской народности и монгольского феодального государ-

ства. Современное состояние источников позволило авторам решить проблему образования монгольской народности лишь в самой общей форме. В этой области предстоит еще большие исследования, которые позволят дать более четкую картину формирования монгольской народности.

Бесспорен вывод авторов о том, что возникновение монгольской народности и монгольского государства было прогрессивным явлением в истории монголов. Однако монгольские феодалы во главе с Чингис-ханом использовали монгольское государство в своих завоевательных целях. «Они направили всю энергию молодой, только что сложившейся монгольской народности, — читаем мы в книге, — на захватнические войны и порабощение других народов Азии и Европы. Империя Чингиса не имела общей экономической базы и представляла собой конгломерат племен и народностей, подпавших под тяжелое иго монгольских феодалов и испытывавших гнет военно-административного управления завоевателей. В конечном счете итогом могло быть и было только одно: распад этой столь же непрочной, сколько огромной державы» (стр. 93).

Монгольские завоевания были тяжким бедствием не только для других народов, самым отрицательным образом сказались они и на жизни монгольского народа. Они сковывали его творческие силы, тормозили рост производительных сил. Кровавые походы монгольских феодалов и положили начало отставанию Монголии в ее историческом развитии.

После распада Монгольской империи, в составе которой сама Монголия была лишь периферией, развитие феодальных отношений в Центральной Азии ускоряется, сопровождается дальнейшим усилением эксплуатации аратов. Прямым последствием развития феодальных отношений было раздробление Монголии на отдельные ханства. Междоусобицы ханов вели к тому, что жизнь народа становилась невыносимой. Войны ослабляли Монголию в ее сопротивлении внешним врагам, чем и воспользовались маньчжурские феодалы, захватившие Монголию. В борьбе против маньчжурских захватчиков монгольский народ проявил героизм и мужество, но, преданный своим ханами, он потерпел поражение. С XVII в. Монголия стала угнетенной окраиной империи маньчжуров.

В книге показана беспощадная эксплуатация монгольского народа маньчжурами. Изолировав Монголию от Китая и мешая установлению связей с Россией, императоры Цинской (маньчжурской) династии консервировали отсталые формы хозяйства, политики и быта.

На большом материале авторами книги раскрыты агрессивные замыслы английских, японских и американских империалистов в отношении Монголии. Большую опасность для Монголии в дальнейшем представлял и китайский ростовщическо-компрадорский капитал.

Социальной опорой маньчжурских захватчиков были монгольские феодалы и верхушка ламаистской церкви, которые совместно с завоевателями и иностранными империалистами довели монгольский народ до нищеты и вымирания.

В книге правильно рассматривается важнейший вопрос монгольской истории — борьба аратов против национального и классового гнета. Трудящиеся Монголии много раз восставали с оружием в руках против иностранных и внутренних врагов. Эта борьба зачастую носила стихийный, неорганизованный характер. Но она подрывала устой иностранного владычества и расшатывала феодальный строй, обогащая народные массы опытом классовой и национально-освободительной борьбы.

Огромное значение для пробуждения политического сознания аратов и роста национально-освободительного и революционного движения в Монголии имела первая русская революция 1905—1907 гг. и последовавшая за ней революция 1911 г. в Китае. Под непосредственным воздействием революций в двух крупнейших странах мира борьба аратов за освобождение усиливается. В результате этой борьбы иго маньчжурских императоров было свергнуто. Но после изгнания маньчжуров в 1911 г. феодально-теократическое правительство автономной Внешней Монголии, воспользовавшись плодами победы освободительного движения, усилило эксплуатацию народных масс. Единственным выходом для народа было уничтожение господства феодалов и стоявших за их спиной иностранных империалистов.

До сего времени в исторической литературе почти не уделялось внимания проблеме взаимоотношения трудящихся Монголии и Китая. «История Монгольской Народной Республики» восполняет этот пробел. В ряде ее разделов подчеркивается сотрудничество народов обеих стран, вскрываются исторические корни их дружбы.

Правильно освещается в книге и вопрос о взаимоотношениях России и Монголии. Начиная с XVII в. между Монголией и Россией установились тесные торговые отношения, что способствовало дальнейшему сближению и дружбе между монгольским и русским народами. Этому не смогли помешать «ни корыстолюбивые и продажные монгольские феодалы, ни русский царизм с его алчным чиновничеством и хищным купечеством» (стр. 149).

Большой и заслуженный интерес вызывает вторая часть рецензируемой книги, посвященная новейшей истории Монголии. Этот период в истории страны имеет огромное политическое значение, так как Монголия была первой страной, которая при помощи Советского Союза начала совершать переход от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. Опыт монгольского народа в строительстве основ социализма, таким образом, выходит за рамки собственно истории Монголии, имеет всемирно-историческое значение, являясь вдохновляющим примером для многих стран, народов и народностей, которые в своем историческом развитии должны будут идти тем путем, каким идет монгольский народ.

Новейшую историю Монголии авторы правильно делят на два периода, первый период (1921—1940) характеризуется острой классовой борьбой, завершающейся полной ликвидацией класса феодалов и созданием основ некапиталистического развития. Второй период (с 1940 г.) является периодом построения основ социализма.

Красной нитью проходит в книге мысль о том, что неизменным и решающим фактором национальной самостоятельности и экономического, политического и культурного преуспеяния МНР за весь период ее существования была и есть постоянная братская помощь советского народа монгольскому народу.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эпоху в истории человечества, предопределила и коренное изменение в исторических судьбах монгольского народа. Она вывела монгольский народ из состояния вековой отсталости, забитости и застоя на широкую дорогу борьбы, дала могучий толчок росту его национального самосознания, научила его быть активным творцом своей жизни.

С помощью русского народа монгольский народ изгнал из своей страны иностранных интервентов и белогвардейцев и в 1921 г. совершил народную революцию. Руководителем восставших аратов была Монгольская народно-революционная партия, созданная в годы революции Суха-Батором и Чойбалсаном. В 1924 г. Монголия была провозглашена Народной республикой. Состоявшийся в том же году съезд МНРП обсудил вопрос о перспективах монгольской революции и наметил ясную программу развития Монголии по некапиталистическому пути. В течение последующих пятнадцати лет монгольский народ под руководством своей партии, в острой классовой борьбе разгромил силы реакции, ликвидировал класс феодалов и при помощи Советского Союза преодолел экономическую отсталость страны, создав необходимые условия для построения основ социализма.

При помощи Советского Союза монгольский народ в 1939 г. отразил агрессию японского империализма в районе Халхингола, в годы второй мировой войны МНР оказывала посильную братскую помощь Советскому Союзу. Войска МНР под командованием Чойбалсана, сражаясь бок о бок с Советской Армией против милитаристской Японии, внесли славный вклад в дело уничтожения очага войны на Дальнем Востоке.

Прямым последствием разгрома немецких и японских империалистов было укрепление международного положения Монгольской Народной Республики. Всемирно-историческая победа СССР во второй мировой войне облегчила победу великого китайского народа в его многолетней борьбе против международной и внутренней реакции. Создание Китайской Народной Республики означало дальнейшее укрепление безопасности и независимости МНР. Вместе со всеми миролюбивыми народами монгольский народ активно участвует в борьбе за мир во всем мире.

За тридцать лет Монголия превратилась в одну из передовых стран народной демократии, успешно строя основы социалистического общества. Вдохновляясь примером советского народа, получая постоянно бескорыстную помощь от СССР, монгольский народ добился поразительных успехов: увеличилось поголовье скота — основного богатства Монголии, развилось земледелие, создана промышленность, во всем народном хозяйстве Монголии быстро растет социалистический сектор. Монгольский народ за это время создал свой рабочий класс, свою интеллигенцию, свою культуру, искусство и науку. Для иллюстрации этих успехов монгольского народа достаточно указать на то, что в дореволюционной Монголии, которую справедливо называли страной нищих и лам, население было почти сплошь неграмотным, теперь в ней всеобщая грамотность, имеется университет (создан в 1942 г.), издаются десятки различных газет, журналы, книги.

«Опыт исторического развития МНР, — пишут авторы, — является ярким свидетельством жизнеспособности и правоты марксистско-ленинского учения о возможности развития отсталых стран к социализму, минуя стадию капитализма, при условии оказания им помощи со стороны пролетариата стран победившего социализма.

Опыт борьбы монгольского народа, как и других народов стран народной демократии Азии, за строительство новой жизни является вдохновляющим примером для трудящихся колониальных и зависимых стран в их борьбе за свободу, независимость, мир и демократию» (стр. 383—384).

Последнюю страницу книги читатель закроет с чувством благодарности к авторам, сумевшим кратко и вместе с тем ярко осветить историю монгольского народа. Монгольскому читателю эта книга поможет ясно представить многострадальное прошлое своей родины, глубже понимать и ценить настоящее и видеть перспективы будущего.

Отмечая высокие достоинства новой книги по истории Монгольской Народной Республики, следует указать на некоторые ее недостатки, объясняющиеся больше всего отсутствием исследований и соответствующих исторических источников по отдельным вопросам истории Монголии. Очевидно, в связи с этим в первой части книги авторы ограничились лишь общими замечаниями о развитии экономики дореволюционной Монголии. В книге не рассказано о характере ведения скотоводства, о зависимости примитивной организации скотоводства от низкого уровня развития производительных сил, которым определялись и низкое качество скота и большие потери в стаде, что делало экономику Монголии неустойчивой, зависящей от стихийных сил природы. Известно, что с самых древних времен в Центральной Азии часто происходили массовые падежи скота, которые губительно отражались на жизни десятков тысяч трудящихся Монголии. Русские архивные документы содержат подробные сведения о тяжелом положении аратов в связи с массовой гибелью скота в Монголии в 80—90-х годах XIX в. Русский консул в Урге 25 февраля 1881 г. писал генерал-губернатору Восточной Сибири: «Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что последние сведения из средней Монголии крайне неутешительны.

Командированный туда здешними властями, и недавно возвратившийся, бошко сообщает, что еще ранее январских снежных заносов и морозов все тамошние стада мелкого и рогатого скота, вследствие бескормицы, пали почти поголовно, остались только верблюды, как животные наиболее способные выносить голод, и часть лошади, но строению копыт монуция разгребать снег и доставать тощую ветшь там, где она была покрыта снегом с осени. Теперь начался и среди этих животных поголовный мор, вследствие глубоких снегов и жестоких морозов. Если не будет ранней и благоприятной весны, то нет никакой надежды на сохранение хотя бы ничтожной части скота.

При таких условиях и людям там становится жить трудно... На расстоянии шести дней пути к Урге, по хошунам Мырзанвана, Ахайгуна и Уйцзинь-Гуна означенный бошко встретил более 20-ти юрт, в которых люди погибали от голода и холода, и место их заняли собаки, питающиеся трупами своих хозяев, и преспокойно размножающие себе подобных...

Как ни странно кажется, но при таких грустных обстоятельствах монголы ни откуда не ожидают помощи, потому что ни князья, ни правительства Богдохана нисколько

об этом не заботятся» (Государственный архив Иркутской области (в дальнейшем ГАИО), ф. 25, оп. 9, св. 197, д. 2, л. 212—213).

11 апреля 1895 г. он же сообщал: «Монголия переживает тяжелое время. Суровая минувшая зима, глубокий снег и холодная до сего времени, с непрерывными ветрами и снежными буранами, весна, изнуряют скот, который не может выдержать весенних буранов. Из нынешнего прироста не осталось нисколько» (ГАИО, ф. 15, оп. 9, св. 126, д. 65, л. 175).

Подобные сообщения были не раз. Почти ежегодно морозы, засуха, массовые эпидемии уносили тысячи и десятки тысяч голов скота. Это вело к голоду, болезням и смерти самих аратов.

В некотором отрыве от экономического развития страны дано в книге и описание социального и политического строя автономной Внешней Монголии. Объясняя развитие и обострение классовой борьбы в Монголии, авторы пишут: «Причины аратского движения коренятся в социально-экономических условиях. Одним из важнейших экономических законов, действие которого распространяется на все общественные формации, в том числе и на феодальную, является закон обязательного соответствия производственных отношений в Монголии одно время соответствовали характеру производительных сил, но давно уже превратились в оковы, задерживающие развитие производительных сил страны» (стр. 218). В книге, однако, не сказано, когда же феодальные производственные отношения в Монголии полностью соответствовали характеру производительных сил и когда производственные отношения стали сковывать развитие производительных сил. В книге не показаны изменения в характере производительных сил, приведшие производительные силы в противоречие с феодальными производственными отношениями.

Таким образом, вывод авторов остается немотивированным и потому он неубедителен.

Более основательный анализ экономики дореволюционной Монголии позволил бы авторам глубже обосновать вывод об исторической закономерности и неизбежности народной революции 1921 г.

В главе «Общественный строй Монголии в XIV—XVII вв.» говорится, что наиболее распространенной формой эксплуатации в Монголии была раздача феодалами скота на выпас аратам (стр. 123), однако в последующих главах авторы почему-то совсем не упоминают о ней. Создается впечатление, что такая форма феодальной эксплуатации существовала лишь в средние века. Между тем она не только сохранилась, но и имела значительное распространение до 30-х годов XX в. (например, в монастырских хозяйствах — джасах).

В книге не показаны условия, на которых владельцы сдавали скот на выпас и удой («саали»). Но без этого невозможно вскрыть эксплуататорскую сущность этого обычая, широко бытовавшего в дореволюционной Монголии.

Весьма характерно, что сдача скота на выпас и удой как форма эксплуатации аратов широко применялась китайскими купцами и ростовщиками, с конца XIX в. начавших заводить в Монголии скотоводческие хозяйства. Китайские купцы использовали и другие формы феодальной эксплуатации аратов, в частности уртовую повинность. Но в книге об этом также не говорится. Так, в сообщении русского консула в Урге от 27 июля 1876 г. мы читаем: «При перевозке казенных тяжестей и вещей служащих лиц, на верблюдах больше всего возят товары китайских купцов, так, например, мне приходилось видеть партии в 650 верблюдов, из которых завьюченными казенным серебром 15, а остальные частными вещами и товарами» (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 167, д. 2, л. 50 [об.]).

Использование китайскими торговцами-ростовщиками местных форм феодальной эксплуатации для своих целей — яркое подтверждение правильности положения, высказанного в свое время К. Марксом, что торговый капитал не изменяет способа производства, а приспосабливается к нему, разрушая и дезорганизуя производительные силы.

Серьезным упущением следует считать то, что экономические взаимоотношения России и Монголии во второй половине XIX в. описаны вне связи с развитием капитализма в России и, в частности, вне связи с падением крепостного права в 1861 г. В книге правильно отмечается рост русско-монгольской торговли во второй половине XIX в., но не объясняется, что это явление было вызвано развитием капиталистических отношений в России.

Развитию капитализма в России сказалось не только на увеличении торгового оборота между обеими странами, оно воздействовало и на изменение социальных отношений в Монголии. Уже во второй половине XIX в. широкое распространение в Монголии получают русские кредитные деньги, появляется вольнонаемный труд, а в начале XX в. возникают и небольшие русские промышленные предприятия. Все это не могло не оказывать влияния на застойные, сложившиеся веками социальные отношения в Монголии. Проблема проникновения в дореволюционную Монголию капиталистических отношений, как нам кажется, должна быть поставлена в исторической литературе.

При рассмотрении вопросов о взаимоотношениях России с Монголией, Китаем и другими странами Востока нельзя оставить без внимания ту большую роль, какую сыграли в этих взаимоотношениях бурят-монголы. Для того чтобы понять значение бурят-монголов в развитии экономических, политических и культурных связей России с Монголией, нужно иметь в виду, что, по официальным, неполным данным русских властей, в Монголии в XIX в. ежегодно бывало от одной до двух тысяч бурят-монголов. В иные же годы их число достигало там 20 тыс. человек, как, например, это было в 1879 г. (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 197, д. 2, л. 76).

Если принять во внимание древние систематические связи пограничного русского и бурят-монгольского населения с монголами, то станут понятными источники влияния русской культуры на монголов. Между тем авторы в специальном разделе «Культура монголов в период маньчжурского ига» не останавливаются на вопросах влияния русской культуры на монголов. Они не указывают, в частности, на наличие в Монголии русских построек и на заимствование монголами типа этих построек. Не отмечается в книге также роль и самих монголов в развитии русско-китайской торговли, тогда как хорошо известно, что монголы заметно содействовали развитию экономических связей России с Китаем.

В книге подчеркиваются дружба монголов и китайцев, их трудовое сотрудничество в Монголии. Но это правильное положение должно быть подтверждено более обширными фактическими материалами.

Авторы отмечают, что революционно настроенные русские рабочие и служащие сыграли известную роль в распространении передовой идеологии и революционных взглядов среди монголов (стр. 223 и 233). Но почему-то в книге нет характеристики русской колонии в Монголии, не выяснены классовый состав колонии и взаимоотношения ее с монгольским населением.

Заголовки отдельных разделов книги не всегда соответствуют их содержанию. Например, в разделе «Предпосылки образования революционной партии» (стр. 237—240) излагается биография Сухэ-Батора и Чойбалсана, но почти ничего не говорится о предпосылках создания монгольской революционной партии.

Во второй части книги следовало бы более подробно описать те трудности, которые стояли перед трудящимися Монголии в их борьбе за построение основ социализма, чтобы более ярко показать огромное значение исторических завоеваний монгольского народа.

Это было бы желательно подробнее изложить в книге потому, что монгольский народ первым среди народов Азии, при помощи народов Советской России, встал на путь некапиталистического развития своей страны и достиг на этом пути исторических успехов. Победы монгольского народа, создающего основы нового, социалистического общества, явились сокрушительным ударом по силам внутренней реакции и нанесли удар по империалистическим хищникам, стремившимся расчленить Монголию и помешать ей встать на путь самостоятельного экономического, политического и культурного развития.

Неубедительны некоторые статистические данные, приведенные в книге, а также и датировка некоторых исторических событий. Данные об обороте русско-монгольской торговли в 1900 г. явно преувеличены. Авторы определяют оборот торговли в 16 900 тыс. руб., но в эту сумму включены общие обороты торговли России с Монголией и Китаем. Русско-монгольская торговля в этом году фактически составляла лишь 2,5—3 млн. руб.¹

Рассказывая об исторической поездке Сухэ-Батора и Чойбалсана в Советскую Россию, авторы утверждают, что Сухэ-Батор и сопровождавшие его лица выехали из Урги 15 июля и прибыли в Верхнеудинск 22 июля 1920 г. (стр. 243). Но Сухэ-Батор и другие, как известно, ехали верхом на конях и прибыть в Верхнеудинск из Урги за неделю не могли².

В заключение нельзя не пожалеть, что книга «История Монгольской Народной Республики» издана весьма небольшим тиражом. Ее трудно достать даже специалисту-историку. При переиздании рецензируемой книги необходимо увеличить число фотографий, отображающих жизнь народных масс Монголии в прошлом и настоящем, и необходимо дать историческую карту. Следовало бы еще более тщательно поработать и над единообразием стиля книги.

В целом «История Монгольской Народной Республики» — серьезный вклад в историческую науку. Достоинства книги объясняются в первую очередь тесным сотрудничеством советских и монгольских историков. Дальнейшее расширение этого сотрудничества открывает широкие перспективы перед исторической наукой.

В. И. Дулов

П. Т. АРУТЮНЯН. *Освободительное движение армянского народа с первой четверти XVIII века*. М., Изд-во АН СССР, 1954, 304 стр.

Книга П. Т. Арутюняна посвящена важному периоду истории Армении. Автор рассматривает освободительное движение армянского народа и совместную борьбу народов Закавказья против иранских и турецких завоевателей и, главное, — историю движения армянского народа и народов Закавказья за присоединение к России в первой четверти XVIII в.

Работа состоит из шести глав. В первых двух главах («К характеристике социально-экономических отношений в Восточной Армении в XVI—XVIII вв.» и «Восточная Армения под гнетом Сефевидов») автор освещает ряд вопросов социально-экономической жизни армянского общества в XVI—XVIII вв., в период владычества Сефевидов. В последующих главах («Упадок Сефевидского государства и освободительное движение армянского народа», «Борьба против турецкой агрессии и освободительное движение армянского народа», «Движение за присоединение к России», «Сгнахи в Карабахе и Капане») излагается история освободительного движения против владычества Сефевидов, борьба с султанской Турцией, а также история движения за при-

¹ Русский консул в Урге отмечал, что в 1893 г. русско-монгольский торговый оборот исчислялся в 1 567 059 руб., в 1894 г. — 1 827 962 руб. 58 коп. (ГАИО, ф. 25, оп. 9, св. 186, д. 65, л. 159), в 1895 г. — 1 753 766 руб. 62 коп. (там же, л. 201). Если эти цифры и приуменьшены, то не намного. Невозможно представить, чтобы за пять лет (1895—1900) оборот русско-монгольской торговли увеличился более чем в восемь раз.

² На неправильность этой даты, как и на некоторые другие неточности в хронологии событий народной революции 1921 г., наше внимание обратил участник революционного движения в Монголии Н. А. Сороковиков, один из авторов книги «Аратская революция в Монголии». Как раз т. Сороковиков и встречал Сухэ-Батора на русско-монгольской границе (в Кяхте) и вместе с делегацией приехал в Верхнеудинск в первых числах августа 1920 г.

соединение к России. В приложении — обширная библиография, указатель терминов и указатель имен.

П. Т. Арутюнян освещает многие вопросы истории Армении и соседних с нею стран. Но нам представляется, что главное в работе, заслуживающее большого внимания, — это освещение автором некоторых важных проблем социально-экономической жизни армянского общества в XVI—XVIII вв. Автор дает характеристику освободительного движения армянского народа в первой четверти XVIII в., показывает оформление и укрепление дружбы и союза народов Закавказья и их совместную борьбу против турецких агрессоров и, наконец, анализирует армяно-русские экономические, политические и культурные отношения во второй половине XVII в. и в первой четверти XVIII в. Автор впервые в исторической науке сделал вывод о том, что освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. было народным движением за присоединение Армении к России.

В освещении этих весьма актуальных вопросов мы и видим главную заслугу автора. Но нельзя согласиться с автором, когда он пишет: «настоящая работа посвящена мало изученному периоду истории Армении» (стр. 3). Дело обстоит не так. Именно этот период истории Армении и в особенности вопрос об армяно-русских отношениях являлись предметом постоянного изучения дореволюционных и советских историков Армении.

П. Т. Арутюнян хорошо знает работы дореволюционных и советских историков Армении. Он часто критикует неверную методологию буржуазных ученых и отдельные ошибки советских историков, нередко исправляет, уточняет отдельные исторические сведения. В приложении П. Т. Арутюнян указывает все использованные им источники и исследования. Но, к сожалению, в рецензируемой работе не совсем ясно сказано, что же было сделано предшествующими историками до появления работы А. Т. Арутюняна. При опубликовании своей докторской диссертации П. Т. Арутюнян опустил главу, в которой содержался обзор источников и литературы. Это, на наш взгляд, большое упущение.

Из-за отсутствия этой важной главы у читателя складывается отрицательное впечатление обо всех источниках и исследованиях, которые были использованы П. Т. Арутюняном. Странно, что автор не находит ничего положительного в работах Г. Эзова, Лео, К. Патканова, Аш. Изанисяна и других историков Армении. Приводя те или иные неверные положения или высказывания критикуемых авторов, П. Т. Арутюнян обобщает их и в своих выводах отвергает и те заслуги этих историков армяно-русских отношений, которые признаны наукой. П. Т. Арутюнян голословно объявляет Г. Эзова, Лео и других реакционными буржуазно-националистическими историками, которые, якобы, «находясь под вредным влиянием реакционных западноевропейских историков и миссионеров, нередко извращают текст источников и дают антинаучное объяснение вопросов возникновения и развития освободительного движения армянского народа» (стр. 5). Согласиться с этим нельзя, так как эти историки много сделали для разоблачения деятельности миссионеров и иезуитов в Армении, а также по разоблачению политики западноевропейских государств на Востоке. Кроме того, эти историки писали в своих работах, что Армении будет освобождена из-под гнета Персии и Турции только при помощи Русского государства.

П. Т. Арутюнян должен был показать то положительное, что было сделано историками по изучаемому вопросу до него. Тогда бы автор имел право предъявлять свои обоснованные претензии методологического характера, ставя в вину историкам, изучавшим этот период, то, что они «игнорировали роль народных масс в истории, роль армянского крестьянства, являвшегося основным производителем материальных благ и главной движущей силой освободительного движения армянского народа в рассматриваемый период» (стр. 6).

Весьма убедительно П. Т. Арутюнян показывает, как армянское крестьянство подвергалось беспощадной эксплуатации персидскими и турецкими ханами, пашами и чиновниками, а также армянскими феодалами. Автор изучил новые материалы о крестьянских выступлениях в Восточной Армении против персидских завоевателей

и армянских феодалов. Он рассказывает, как в борьбе против крестьян персидские и армянские феодалы выступали совместно, хотя между ними и существовали серьезные противоречия. Особенно ценны те разделы работы, где автор подробно показывает, что активные выступления крестьянства против своих угнетателей сыграли решающую роль в подготовке почвы для массового освободительного движения армянского народа за присоединение к России в 20-х годах XVIII в.

По недосмотру автора в первую главу вкралась досадная ошибка. Автор, полемизируя с И. П. Петрушевским (на стр. 41—42), обвиняет также Б. М. Арутюняна в том, что он, якобы, вместе с И. П. Петрушевским признает существование в Армении «добровольной» отдачи крестьянами ренты монастырям в XVII—XVIII вв. и что Б. М. Арутюнян это явление рассматривает как коммendaцию. В действительности, Б. М. Арутюнян в своем труде «Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв.», наоборот, отрицает коммendaцию и дает обоснование своей точки зрения.

В третьей главе П. Т. Арутюнян показывает, что с конца XVII и начала XVIII в. в обстановке упадка государства Сефевидов начинается подъем освободительного движения армянского народа, что было неразрывно связано с дальнейшим развитием армяно-русских экономических и политических отношений, а также с борьбой армянского народа за присоединение Армении к России. Нельзя не согласиться с мнением автора, что во второй половине XVII в. в освободительное движение были вовлечены узкие круги армянской феодальной верхушки и купечества, которые ограничивались лишь переговорами с русским правительством и правительствами других европейских государств. Только в дальнейшем освободительное движение стало массовым, а когда турецкие войска вторглись в Закавказье (20-е годы XVIII в.), движение приобрело характер вооруженной борьбы против персидских и турецких завоевателей.

П. Т. Арутюнян убедительно показывает народный характер освободительного движения, справедливо критикуя тех советских историков (В. Парсаян, А. Мирзоян и др.), которые идеалистически объясняли историю русско-армянских политических отношений в конце XVII — начале XVIII в., связывая развитие этих отношений лишь с именем одного из деятелей освободительного движения — Исраэла Ори. Анализируя деятельность Ори, П. Т. Арутюнян делает правильный вывод, что «Исраэла Ори следует рассматривать как выразителя идей и интересов феодально-купеческой верхушки армянского общества» (стр. 148).

Автор смело ломает вредные традиции дореволюционной армянской историографии и приходит к правильным выводам о том, что начавшиеся переговоры с западноевропейскими государствами во второй половине XVII в. были делом некоторых оторванных от родины политических деятелей. В частности, он указывает, что когда этот вопрос обсуждался в 1699 г. на Ангегакотском собрании, то участники собрания сочли необходимым обратиться за помощью к России, с которой у армян были давнишние экономические, политические и культурные связи. В присоединении к России были заинтересованы широчайшие народные массы, чего не могли не учитывать господствующие классы Армении. Именно поэтому вопрос о присоединении к России получил свое дальнейшее развитие в 20-е годы XVIII в. и занял центральное место, когда армянский народ с оружием в руках выступил против персидских и турецких поработителей.

П. Т. Арутюнян справедливо критикует тех историков советской Армении (Аш. Иосифян, В. Парсаян, А. Абрамян и др.), которые не разглядели народного характера освободительного движения. Основываясь на многочисленных документальных данных, впервые использованных в советской историографии, автор показывает, что армянское крестьянство во главе со старшинами-танутерами принимало активнейшее участие в разрешении важнейших вопросов освободительного движения (армяно-азербайджанский союз, обращение к России с просьбой о помощи и т. д.). Кроме этого необходимо отметить, что главную силу армянского войска составляло крестьянство. Прав автор, когда говорит, что «без участия в движении крестьянства феодально-купеческая верхушка армянского общества не смогла бы начать открытую борьбу против персидских властей» (стр. 281).

Лучше всего разработана шестая глава. Автор на основании многочисленных источников по-новому освещает освободительное движение в восточных округах Армении. Он показывает, что народные массы Капана, Сиспана и Мегри начали вооруженную борьбу раньше, чем представители армянской феодальной верхушки Карабаха. Если в Карабахе народные массы не выступали активно против армянских эксплуататоров, видя спасение от их произвола только в присоединении к России, если во главе освободительного движения здесь стояли патриархи Есая, Персес, мелики Еган, Багыр, Тамраз и другие, а также их родственники, преданные им, — юзбани Саркис, Абраам, то в Капанае и других восточных округах Армении крестьяне с оружием в руках боролись как против чужеземных поработителей, так и против поддерживавших их армянских феодалов, а среди руководителей капанского движения не было ни патриархов, ни крупных потомственных меликов. Во главе этого движения стояли народные герои Давид-бек и Мхитар-Спарпет.

Автор не только раскрывает народно-крестьянский характер освободительного движения капанских армян, но также отмечает искажения и неточности, имеющиеся в известном источнике по истории этого движения — истории Давид-бека, Степана Шаумяна. П. Т. Арутюнян окончательно уточнил даты смерти Давид-бека (1726) и Мхитара-Спарпета (1727).

П. Т. Арутюнян особо подчеркивает роль подлинных героев народно-освободительного движения — Давид-бека, Мхитара-Спарпета, Авана-юзбани, Петрос ди Саргис Гиланеца и других. Ярко описана деятельность в районах освободительного движения посланника Петра I Ивана Карапета, который стал одним из самых замечательных руководителей армянского освободительного движения. Убедительны и те материалы книги, в которых автор показывает, как феодальная и клерикальная верхушка часто изменяла народным массам, переходила на сторону врага. Трудно, однако, согласиться с тем, что П. Т. Арутюнян без каких-либо оснований объявляет предателем одного из поборников развития и укрепления русско-армянских отношений и одного из главных организаторов выступления армян в Карабахе за присоединение к России — Есая Хасана-Джалалина (стр. 233). Сам автор неоднократно в качестве бесспорных документов использует письма Есая в Россию, опирается на его книгу и другие материалы. Но как раз эти документы и материалы свидетельствуют, что Есая был одним из крупных деятелей освободительного движения армянского народа. Если даже и допустить, что у Есая в период нашествия турок, в тяжелые дни борьбы против них и были колебания (что, однако, не доказано, так как об этом пишут лишь политические противники Есая), то даже наличие этих колебаний не дает оснований объявить Есая предателем.

В книге П. Т. Арутюняна правильно указывается, что английская дипломатия постоянно подстрекала турок к завоеванию Закавказья. Англия стремилась помешать победе освободительного движения народов Закавказья, отдавая себе отчет в том, что это привело бы к укреплению позиции России в этом районе. Чтобы достигнуть своих целей, английское правительство и стремилось использовать султанскую Турцию, которая веками посягала на свободу и независимость причерноморских народов.

Нашествие турок не сломило воли армянского народа к борьбе, но усилило сплоченность широких масс армянского народа, объединило их против злейшего врага освободительного движения. Другим непредвиденным англичанами и турками результатом нашествия турок на Армению явилось объединение в единый союз закавказских народов. По инициативе грузинского царя Вахтанга VI и патриарха Есая еще в 1722 г. были объединены военные силы Грузии и Армении, в результате чего было создано грузино-армянское войско. В тяжелые годы борьбы против турецких захватчиков союз и дружба между армянами и грузинами укрепились еще больше. Одновременно были заложены основы союза Армении и азербайджанцев в их общей борьбе против турецких захватчиков. Карабахские армяне и гинджинские азербайджанцы заключили договор о союзе и совместной борьбе против Турции.

В борьбе против турецких завоевателей — как правильно указывается в рецензируемой книге — армяне, азербайджанцы, грузины выступали совместно. Благодаря этому они сумели нанести врагу ряд серьезных ударов. Турецкие войска, пытавшиеся овладеть Гинджой, Карабахом и Капанаем, оказались скопанными длительным временем и несли большие потери. В то же время борьба против турецкого нашествия — что также отмечается П. Т. Арутюняном — усилила тяготение народов Закавказья к России и содействовала дальнейшему росту движения армянского народа за присоединение Армении к России.

Перспектива получить помощь от России и возможность присоединения Армении к ней глубоко волновали самые широкие массы Армении. Работа П. Т. Арутюняна представляет тем большую ценность, что истории движения армянского народа за присоединение к России в первой четверти XVIII в. до сих пор почти не освещалась в трудах по истории. На основе многочисленных материалов автор показывает развитие освободительного движения широких масс армян, подчеркивает, что это движение было подготовлено длительными экономическими, политическими и культурными связями, существовавшими между Арменией и Россией.

В книге П. Т. Арутюняна дан подробный обзор русско-армянских экономических, политических и культурных отношений, которые в рассматриваемый период привели не только к возникновению среди армян ориентации на Россию, как трактовалось в советской историографии (Аш. Иоаннисян, В. Парсегян, А. Абрамян и др.) до сих пор, но и к народному движению за присоединение к России. Изучение этого вопроса и его новое освещение является несомненной заслугой П. Т. Арутюняна.

Как известно, присоединение Закавказья к России произошло в первой четверти XIX в. Однако, как справедливо указывает автор рецензируемой книги, сам факт присоединения следует рассматривать как завершение тех прогрессивных тенденций, которые явственно обозначались еще в начале XVIII в. Исторические события 20-х годов XVIII в., ознаменовавшиеся тем, что армяне, грузины и азербайджанцы, поднявшись на вооруженную борьбу против персидских и турецких захватчиков, уже тогда твердо решили связать свою судьбу с судьбой великого русского народа — создали предпосылки для присоединения Закавказья к России. Народы Закавказья видели в русском народе своего избавителя от невыносимого персидского и турецкого гнета, правильно считая, что в пределах обширного и могущественного Русского государства они получат возможность избавиться от непрерывных набегов турецких и персидских захватчиков, от насилий и грабежей.

П. Т. Арутюнян написал весьма полезную научную работу. Она имеет большую научную ценность и является важным вкладом в арменоведение. Было бы полезно внести необходимые исправления и издать эту книгу на армянском языке.

В. А. Калашьян

Б. И. ГОГОЛЬ. Развитие товарооборота в Китайской Народной Республике. М., Госполитиздат, 1954, 143 стр.

В книге Б. И. Гоголя «Развитие товарооборота в Китайской Народной Республике» анализируется развитие внутренней торговли КНР в восстановительный период (1949—1952) и на протяжении первого года первой пятилетки (1953).

С момента образования КНР прошло более пяти лет, срок небольшой, но насыщенный крупными событиями в экономическом строительстве нового Китая. Между тем успехи КНР в области экономики в советской печати пока обобщаются недостаточно. Поэтому выход из печати рецензируемой книги Б. И. Гоголя — положительный факт.

Автор дал краткую историческую справку о хозяйничании империалистов, в частности японских и американских, в старом Китае, охарактеризовал товарооборот в последний период господства гоминьдана и «четырех семейств», установивших в стране систему компрадорских монополий.

В книге правильно показано значение социалистических преобразований в народном хозяйстве, создание, развитие и укрепление государственного и кооперативного секторов, а также использование государством капиталистической промышленности и торговли.

В результате роста и укрепления государственного и кооперативного секторов в экономике КНР они стали к концу восстановительного периода ведущими в сфере производства и в сфере обращения. Ведущая роль социалистического уклада в экономике Китая открыла простор для действия основного экономического закона социализма, закона планомерного, пропорционального развития. В промышленности, особенно в производстве товаров народного потребления, в розничной торговле, на речном транспорте и т. д. продолжает играть существенную роль частно-капиталистический уклад. Не менее ста миллионов хозяйств крестьян, миллионы кустарей-ремесленников, мелкие торговцы-лоточники, сотни тысяч мелких хозяйчиков на речном транспорте — джончонки представляют мелкотоварный уклад.

Многоукладность экономики Китайской Народной Республики оказывает существенное влияние на структуру, темпы развития и объем товарооборота в различных секторах народного хозяйства.

В книге излагаются вопросы развития товарооборота между городом и деревней, показаны мероприятия коммунистической партии и правительства КНР, обеспечившие стабилизацию и регулирование цен на товары.

Автор привел много данных о катастрофическом росте цен в Китае накануне победы народно-демократической революции, о росте цен в первый период после образования КНР, о стабилизации цен благодаря принятым государством мерам. Стабилизация цен, достигнутая в 1951 г., явилась крупнейшей победой китайского народа в области хозяйства в восстановительный период. Стабилизация цен нанесла серьезный удар по спекулятивным элементам. Она привела к оздоровлению внутреннего рынка, оживлению торговли и к укреплению национальной валюты — юаня. В результате улучшилось материальное положение трудящихся.

Очень интересны сведения о росте товарооборота на внутреннем рынке, о развитии торговли в районах национальных меньшинств, о росте потребления населением важнейших товаров, об увеличении государственных закупок шерсти, об установлении более выгодных для населения закупочных цен на шерсть. Широко освещены в рецензируемой книге вопросы создания и развития в КНР государственной торговли, ее руководящая роль, взаимоотношения государственных торговых организаций с частными промышленными и торговыми организациями в части размещения заказов промышленной продукции и ее сбыта.

Автор отвел важное место развитию кооперации в КНР, ее роли в социальных преобразованиях мелкотоварного производства. На конкретных примерах показано принципиальное отличие движения за кооперацию на современном этапе от лижкооперативов и кооперативных фондов, которые насаждалась реакционной кликой «четырех семейств» в гоминьдановском Китае и являлись прямой опорой помещиков, кулаков, ростовщиков и прочих темных дельцов во главе с братьями Чань.

Правильно показано огромное значение большой и бескорыстной помощи СССР и стран народной демократии, оказываемой китайскому народу в деле широкого экономического строительства и создания базы для социалистической индустриализации.

Автору все же не удалось избежать некоторых неточностей и ошибок, особенно в цифровых данных. Так, автор допускает неточность, утверждая, что в КНР с 1952 г. начали составлять годовые хозяйственные планы в масштабе всей страны (стр. 20). Между тем первым таким планом следует считать государственный план на 1953 г. Все планы до 1953 г. составлены по отдельным крупным административным районам или для отдельных отраслей хозяйства.

Автор утверждает, что после осуществления социалистической индустриализации страны удельный вес продукции тяжелой промышленности будет доведен до 60% в валовой продукции промышленности КНР (стр. 21). Но это лишь предположение автора брошюры. Директив руководящих органов КНР по этому вопросу нет. Поэтому делать подобные предположения не следовало.

Автор пишет, что доля продукции средств производства в валовой продукции промышленности КНР в 1949 г. составляла 32,5% и в 1952 г. — 44% (стр. 21). На самом деле доля продукции промышленности, производящей средства производства, в 1949 г. составляла 28,8% от общей валовой продукции промышленности КНР, в 1952 г. — 40%.

Неверны цифры, характеризующие выполнение плана промышленностью по валовой продукции в 1953 г. (106%) и темпы роста продукции (28%) к 1952 г. (стр. 31). Как сообщило Государственное статистическое управление КНР, промышленность выполнила план по валовой продукции на 107%, темп роста продукции к 1952 г. составил 33%.

Автор утверждает, что сельскохозяйственное производство дает 60% всей продукции народного хозяйства КНР. Доля же сельскохозяйственной продукции в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства КНР в 1953 г. составляла примерно 54%, в 1954 г. — несколько ниже.

Данные о росте производства продовольственных культур за пятилетку (стр. 28) завышены более чем на 10%. Вместо производства продовольственных культур автор пишет о производстве зерна, что неправильно; так как при учете урожая в Китае учитываются все продовольственные культуры, приравниваемые в определенной пропорции к зерну.

Правильно отмечая важное значение проведенных аграрных преобразований в китайской деревне, роста благосостояния миллионов крестьян, бывших батраков и бедняков, автор приводит данные всего по пяти деревням провинции Хэйлуцзян (стр. 29). Рост покупательной способности крестьян в КНР показан на примере одной деревни той же провинции Хэйлуцзян (стр. 64).

Не все затронутые автором проблемы освещены подробно, не везде анализ поднятых экономических вопросов доведен до конца. Описывая очень важные мероприятия государства по сосредоточению в своих руках значительных резервов товаров, необходимых для регулирования торговли, цен и денежного обращения, автор почти ничего не сказал о мероприятиях государства по мобилизации ресурсов производства местной кустарной промышленности, по привлечению частной промышленности для решения этих же задач (стр. 59--60).

Автор обращает весьма серьезное внимание на важность вопроса о закупках зерна у крестьян, но допускает ошибку, утверждая, что закупки зерна ведут и частные торговцы (стр. 61). Известно, что в целях предупреждения спекуляции зерном государство сосредоточило в своих руках заготовку и закупку зерна у крестьян, запретило частным торговцам закупать зерно, установило специальный контроль.

В целом книга Б. И. Гоголя правильно освещает вопросы внутренней торговли КНР в восстановительный период и в первый год первой пятилетки.

А. Маклаков

梁孟淵
中國近百年革命史略

ЖУН МЫН-ЮАНЬ. Очерк истории революционной борьбы в Китае за последние сто лет. Изд-во «Санлиньшудань». Пекин, 1954, 233 стр.

Китайский историк Жун Мын-юань, научный сотрудник Института новой истории Академии наук КНР, автор ряда научных трудов по новой и новейшей истории Китая опубликовал книгу «Очерк истории борьбы в Китае за последние сто лет». В этой книге десять глав. Отдельные из них в разное время печатались в ежемесячном журнале «Линицзюсюэ». В первой главе кратко излагается исто-

рия иностранной агрессии в Китае. Во второй, третьей и четвертой — описывается стихийное движение китайского крестьянства, выступавшего против феодализма и империализма, а также движение сторонников буржуазной реформы, объединявшее буржуазно-помещичью интеллигенцию в конце XIX в. Сторонники реформ добивались конституционного режима в стране. В пятой главе говорится о революционном движении в стране под руководством буржуазии и буржуазной интеллигенции. В последних пяти главах книги рассматривается история революционной борьбы, руководимой китайским пролетариатом, дан анализ значения великой победы китайского народа над империализмом, феодализмом и бюрократическим капиталом.

Автор начинает книгу краткой характеристикой особенностей китайского феодального общества, прослеживает те изменения, которые произошли в результате экспансии в Китае капиталистических стран.

После пяти агрессивных войн, т. е. первой опиумной войны (1840—1842 гг.), второй опиумной войны (1856—1858 гг.), франко-китайской войны (1884—1885 гг.), японо-китайской войны (1894—1895 гг.) и вооруженной интервенции восьми держав в 1900 г. Китай превратился в полуколонию. То, что Китай не стал целиком колонией иностранных империалистов, объяснялось сопротивлением китайского народа. Автор отмечает, что борьба китайского народа заставила империалистов временно расстаться с замыслами о захвате Китая вооруженным путем и перейти к политике покорения страны с помощью самих китайцев (стр. 7). Главным агрессором против китайского народа после второй мировой войны стал американский империализм.

Большой интерес представляет попытка Жун Мын-юаня установить научную периодизацию китайской революции. При этом автор опирается на указания Мао Цзэ-дуня: до Великой Октябрьской социалистической революции в России массовое движение в Китае носило характер демократической революции старого типа, а после 1917 г. оно приобрело характер демократической революции нового типа¹.

Автор пишет, что период от первой опиумной войны (1840 г.) до начала «движения 4 мая» (1919 г.) представлял собой демократическую революцию старого типа — первый этап революции в Китае. Но этот этап в свою очередь он подразделяет на две фазы. Первая — от опиумной войны до движения Ихэтуань (т. н. боксерское восстание 1900 г.). Характерной особенностью первой фазы, по мнению автора, является стихийная революционная борьба крестьян и начавшееся движение за проведение реформ, возникшее среди представителей различной интеллигенции. Вторая фаза — от движения Ихэтуань до «движения 4 мая». Характерная особенность второй фазы состоит в том, что во главе революции стояли представители национальной буржуазии. С 1919 г. в Китае начался второй этап революции, когда в авангарде революции встал китайский пролетариат (стр. 21). Этот этап революции носил характер демократической революции нового типа. Автор рецензируемой книги, опираясь на указания Мао Цзэ-дуня, что поведомократическая революция в Китае на определенном этапе своего развития перерастет в социалистическую, приходит к заключению, что после образования Китайской Народной Республики в истории Китая начался новый период — постепенный переход КНР от пародно-демократического строя к социализму.

Необходимо отметить, что Жун Мын-юань затронул вопросы периодизации истории Китая не случайно. Если раньше история страны делилась по эпохам императорских династий, то в настоящее время настало время разработки периодизации истории Китая с марксистских позиций. Этой проблеме посвящают свои работы и другие китайские историки. В частности, это сделано в статьях Ху Шэна «О периодизации новой истории Китая» и Сунь Шоу-жэня «К вопросу о периодизации новой истории Китая», напечатанных в первом и шестом номерах журнала «Линшяньцзю» за 1954 г.

Автор рассматривает Тайпинское восстание и движение Ихэтуань как стихийные крестьянские движения. В книге прежде всего подробно выясняются причины возникновения движения тайпинов. Жун Мын-юань показывает, что корни этого массового крестьянского движения уходят в далекое историческое прошлое страны. С начала

¹ См. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, стр. 208.

установления маньчжурского господства над Китаем (XVII в.) китайцы, а вместе с ними и другие народы страны — хуэй, монголы, тибетцы и мiao оказались под жестоким чужеземным игом. В законе маньчжурской династии «Дадицзюли» предписывалось наказывать самым жестоким образом всех тех, кто во время не платит арендной платы, выступает против государственных чиновников, нарушает феодальные порядки и не почитает маньчжурского императора. Гнет маньчжурской династии вызывал массовые протесты народа. Движение тайпинов было наивысшим проявлением народного недовольства в середине XIX в.

Автор особо выделяет восстание тайпинов из всех предыдущих крестьянских восстаний. У тайпинов была отчетливая аграрная программа, объективно отражавшая процесс развития капитализма в Китае, тайпины выдвигали принцип равноправия между всеми народами. Автор с полным основанием считает, что тайпинское восстание было прелюдией буржуазно-демократической революции (стр. 34—35).

Предпосылками возникновения борьбы за капиталистический путь развития Китая были экономическая агрессия некоторых капиталистических государств в Китае, сопровождавшаяся вооруженным вторжением, развитие капиталистического уклада в стране, приведшее к возникновению национальной буржуазии, тайпинское восстание, расшатавшее основы феодального общества. На фактическом материале в книге показывается, что, начиная с 1840 г., в Китае крепла идея «подражания капиталистическому Западу». Одним из первых приверженцев движения за капиталистический путь развития Китая был видный цинский государственный деятель Линь Цзэ-сюй. Он настаивал, чтобы «все крестьяне имели свою землю» и «производили машины европейского образца» (стр. 51). Движение за капиталистический путь развития страны не носило революционного характера. Оно было движением за проведение реформ, что, несомненно, объясняется слабостью китайской национальной буржуазии, а также тесной связью китайских феодалов с иностранными капиталистами, а к концу XIX в. с империалистами. Поэтому не случайно, что ядром сторонников движения за капиталистический путь развития Китая были представители либеральных помещиков и буржуазии.

Наибольшего размаха движение за реформы достигло в 1898 г., в период так называемых «Сот дней реформ», сущность которых заключалась в проведении радикальных мер (развитие горного дела и железнодорожного транспорта, упорядочение финансов, расширение школьной сети, ликвидация некоторых привилегий маньчжуров и т. д.) на основе введения конституционной монархии в стране.

Однако маньчжурское правительство при помощи консерваторов уничтожило полностью даже те небольшие начинания, которые были проведены в жизнь сторонниками буржуазных реформ.

Автор указывает: «... сторонники реформ вели в свое время борьбу против маньчжурского феодального господства, что дает нам право признать прогрессивный характер этого движения. Однако после «Сот дней», когда по всей стране стала развертываться демократическая революция, движение за реформы шло во вред революции. Оно играло на руку господству феодалов» (стр. 65).

После движения тайпинов крупнейшим революционным событием на рубеже XIX и XX вв. было крестьянское восстание Ихэтуань. Автор рецензируемой книги раскрывает сущность этого восстания, показывая, что своим острием оно было направлено против иностранного империализма, поскольку противоречие между Китаем и империалистическими державами было главным по сравнению с другими противоречиями, порождаемыми феодальным строем в Китае.

На скупых, но ярких примерах автор показывает ненависть китайского народа к чужеземным поработителям и героизм, с которым вооруженные средневековым оружием (пиками и мечами) повстанцы сражались против оснащенных современным вооружением иностранных интервентов. В то же время автор показал, как представители правящей цинской династии, вроде Ли Хун-чжана, раболепствовали перед иностранцами, стремясь цепой предательства и национального унижения подавить народное движение, обратившись за помощью к интервентам (стр. 79—81).

Антиимпериалистическое движение Ихэтуань под давлением внешних и внутренних реакционных сил потерпело поражение. Но значение этого движения в истории освободительного движения китайского народа поистине велико. Движение Ихэтуань не только нанесло новый сильный удар по устоям феодализма, но и предостерегло угрозу раздела Китая империалистами. Хотелось бы, чтобы в книге была наглядно показана связь движения Ихэтуань с наступлением эпохи империализма. Тогда было бы яснее, почему на рубеже XIX и XX вв. в Китае имело место столь мощное антиимпериалистическое движение.

Описание в книге Синьхайской революции (1911 г.) начинается с освещения деятельности Союзной лиги и предшествовавших этой лиге различных революционных организаций. Автор показывает, как социальные противоречия в стране отразились на программе борьбы Союзной лиги и на развитии политических взглядов великого китайского демократа Сунь Ят-сена. «Изгнание маньчжуров, восстановление китайского государства, т. е. выдвижение принципа национализма, — указывает автор, — главным образом направлялись против национального угнетения, против цинского правительства и его предательства интересов народа; установление республики, т. е. принципа демократизма, направлялось на ликвидацию феодального, антидемократического и диктаторского режима; уравнительное пользование землей, т. е. принципа благоденствия, направлялось на уничтожение феодальной эксплуатации. Все эти принципы соответствовали насущным требованиям всего народа и потому получили его горячую поддержку» (стр. 89).

Китайский пролетариат в период Синьхайской революции еще не был руководящей политической силой. Как указывал товарищ Мао Цзэ-дун, в революции 1911 г. пролетариат шел за мелкой городской буржуазией и промышленной буржуазией. На фактическое материальное автор показывает, что несмотря на это китайский пролетариат в периоды многочисленных выступлений (выступление горняков в провинции Юньнань в 1903 г. и в провинции Хунань в 1906 г., восстание в Кантоне в 1911 г. и другие) представлял собою боевую силу революции (стр. 98).

В период революционного подъема (1905—1911 гг.) четко определилась позиция сторонников буржуазных реформ в лице Чжан Цзяня, Тан Шоу-цзя и других. Они окончательно отказались от политики насажения реформ и перешли в лагерь контрреволюции, возглавляемый Юань Шикаем.

Автор указывает, что Синьхайская революция была буржуазно-демократической, что движущими силами этой революции были рабочие, крестьяне, мелкая городская буржуазия и национальная буржуазия, что революция проходила под руководством буржуазии. Цинская монархия была свергнута, но другие важные вопросы революции (избавление от империализма и феодализма) разрешены не были (стр. 110).

Великая Октябрьская социалистическая революция в России послужила толчком к мощному подъему революционной борьбы колониальных и полуколониальных народов за свое освобождение. Влияние Октябрьской революции в Китае проявилось в широком подъеме антиимпериалистического и антифеодального «движения 4 мая». Новое в этом массовом движении состояло в том, что, начиная с этого времени, в стране получил широкое распространение марксизм, а на политической арене в авангарде освободительного движения выступил окрепший китайский рабочий класс.

Анализируя международную обстановку, в которой зародилось «движение 4 мая», автор особое место отводит победе Великой Октябрьской социалистической революции в России. Он подчеркивает патристические мотивы «движения 4 мая» и указывает на огромную тугу народных масс к новой культуре. «Культурная революция, — пишет товарищ Мао Цзэ-дун, — осуществились «движением 4 мая», вели последовательную борьбу против феодальной культуры. За всю историю Китая он еще не знал такой великой и последовательной культурной революции». Громадное значение «движения

* Мао Цзэ-дун. Набранные произведения, т. 3, стр. 259.

4 мая» в истории Китая состоит в том, что оно создало предпосылки для создания Коммунистической партии Китая, для последующего развертывания революции 1924—1927 гг.

В качестве крупнейшего в истории Китая события автор отмечает создание КПК. Автор сумел показать Коммунистическую партию Китая в неразрывной, тесной связи с массами. КПК возглавила рабочее движение, основала профессиональные союзы и создала рабочую печать. Партия руководила и массовой борьбой крестьян против феодалов, за раскрепощение и землю.

Очень желательно, чтобы автор при дальнейших изданиях рецензируемой работы указал, почему началом первой революционно-гражданской войны в Китае принято считать 1924 г.

Жун Ми-юань осветил тактику единого фронта, которую осуществляла Коммунистическая партия Китая, правильный курс КПК на сотрудничество с гоминьданом, показал, как кучка политиканов, таких как Чан Кай-ши и другие, ловко маскировалась под сторонников революции и, выждав удобный момент, открыто перешла в лагерь контрреволюции. Вместе с тем автор показал, какой огромный ущерб причинила руководству КПК канитулянтская политика правого оппортуниста Чэнь Ду-сю. Все это, как говорит автор, безусловно также послужило причиной поражения революции 1924—1927 гг. «После неудачи первой революционно-гражданской войны китайская революция вступила в трудный период. Однако именно в этот период Коммунистическая партия Китая достигла зрелости в политическом и военном отношении» (стр. 158).

Создание и укрепление китайской Красной армии и территориальной революционной базы автор характеризует как центральное событие в годы второй революционно-гражданской войны. Несмотря на огромные трудности, вызванные борьбой против наступления превосходящих по численности и вооружению сил Чан Кай-ши, с одной стороны, и борьбой против левооппортунистических течений внутри КПК, с другой, КПК возглавила вооруженную революционную борьбу и добилась крупнейших успехов. Автор рецензируемой книги отмечает, что КПК, ведя революционно-гражданскую войну, возглавила и борьбу китайского народа против японской агрессии, начавшейся в 1931 г. с оккупации Северо-Восточного Китая. Жун Ми-юань подводит читателя к мысли, что уже в самом ходе второй революционно-гражданской войны Коммунистическая партия Китая подготовила необходимые условия для начала всенародной священной войны по защите родины против японского империализма.

Автор указывает, что по мере усиления вторжения японских захватчиков в страну главным противоречием в Китае становилось противоречие между китайским народом и японским империализмом (стр. 185). Во имя спасения нации, во имя предотвращения смертельной угрозы Китаю подпасть под иго Японии и стать ее колонией, КПК, проявив гибкость политического руководства, выступила за сотрудничество с гоминьданом, за создание антияпонского национального единого фронта, поскольку в рядах гоминьдана имелись патристические элементы.

Но как показали исторические факты, клика Чан Кай-ши в гоминьдане формально стояла за сотрудничество с КПК и за войну против японских захватчиков. На деле клика Чан Кай-ши заигрывала с интервентами и продолжала борьбу против коммунистов. Поэтому основная тяжесть антияпонской войны легла на народные войска и партизан, возглавляемых Коммунистической партией Китая.

Автор систематически разоблачает коварную политику правительства США в период антияпонской войны китайского народа. В целях подавления национально-революционного движения в Китае США снабжали японских империалистов оружием (стр. 188).

В своей книге Жун Ми-юань подчеркивает роль Советской Армии и роль китайского народа в победе над японским империализмом.

Желательно, чтобы автор более четко показал, когда начался третий этап антияпонской войны, так как на стр. 191 он пишет, что «...период с октября 1938 г. до весны 1945 г. составил второй этап антияпонской войны», а на стр. 207 — что «объединение

Советским Союзом войны Японии создало условия для перехода антияпонской войны Китая на свой последний этап».

После окончания второй мировой войны в Китае сложилась новая обстановка. Возник вопрос о том, какой социально-политический строй должен быть в стране. Либо народу жить по-старому, т. е. находиться под гнетом предательской клики Чан Кай-ши, либо начать жить по-новому — свергнуть клику Чан Кай-ши и установить в стране народно-демократическую власть. В последней главе книги «Третья революционно-гражданская война и победа революции китайского народа» автор указывает, что у китайского народа, вынесшего на себе многовековой гнет феодализма, а затем и империализма, не могло быть иного выбора, кроме выбора встать на путь социализма.

После четырех лет ожесточенной национально-освободительной войны китайский народ, под руководством коммунистической партии, одержал историческую победу над объединенными силами клики Чан Кай-ши и американского империализма и в 1949 г. создал Китайскую Народную Республику.

В настоящее время китайский народ под руководством своей родной коммунистической партии и при бескорыстной помощи Советского Союза и стран народной демократии приступил к строительству социалистического общества.

Книга китайского историка Жун Мян-юаня — ценный научный труд, она помогает читателю еще лучше понять историю революционной борьбы великого китайского народа.

Лю Юн-ань

ЯШПАЛ. По обе стороны железной стены. Лакнау. Изд-во Вишлав Карьялая, 1953, 345 стр.

После превращения Индии в английскую колонию посещения России индийцами и Индии русскими стали крайне редки, несмотря на близкое соседство этих стран и большой интерес их народов друг к другу. Это объяснялось препятствиями со стороны англо-индийских властей, которые боялись установления тесных связей между народами России и Индии.

Еще больше затруднений в общении между народами Индии и России появилось после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. До 1946 г., почти за тридцать лет существования Советской власти, англо-индийское правительство разрешило поездки в Советский Союз лишь немногим индийцам, а посещение Индии советскими гражданами было почти невозможным. Англо-индийские власти стремились воспрепятствовать культурным связям Советского Союза с Индией, помешать доступу в Индию правдивой информации о Советском Союзе. Английские же газеты, выходившие в Индии, распространяли клевету о Советском Союзе.

Некоторые из индийских деятелей, побывавших в Советском Союзе, написали о нем книги, которые способствовали распространению в Индии более или менее правильного представления о жизни нашей страны. Прежде всего в этой связи следует упомянуть «Письма из России» великого индийского писателя Рабиндраната Тагора, сыгравшие важную роль в ознакомлении широких слоев индийцев, и особенно бенгальцев, с Советским Союзом, и книгу Джавахарлала Неру — «Советская Россия», также посетившего Советский Союз. Из тех, кто побывал в Советском Союзе, как известно, лишь единицы использовали это посещение для распространения клеветы на нашу страну.

В годы второй мировой войны в индийской печати стало появляться много статей о Советском Союзе, посылавшихся в Индию Советским информационным бюро. Тогда же в Индии появилось несколько книг, посвященных главным образом планированию хозяйства в СССР.

Более тесная связь между Индией и Советским Союзом стала устанавливаться лишь с 1946 г., после образования Временного Индийского правительства. В 1946 г.

в Индию выезжала делегация Академии наук СССР во главе с академиками В. П. Волгиним и Е. Н. Павловским. В апреле 1947 г., еще до образования Индийского доминиона, на конференции азиатских стран в Дели присутствовала большая советская делегация.

Регулярные поездки индийцев в Советский Союз начались с 1947 г., когда между Правительствами СССР и Индии были установлены нормальные дипломатические отношения. Взаимные визиты представителей обеих стран имеют огромное значение для развития и упрочения культурных связей между их народами. После 1947 г. в Индии появилось большое количество книг и статей о Советском Союзе, опубликованных индийцами самых различных политических направлений. Подавляющее большинство этих книг и статей дает объективное представление о Советском Союзе. Однако в период длительного английского господства в Индии общения между Индией и Россией, а затем Советским Союзом почти не было. Это привело к тому, что знакомство широких слоев населения Индии с жизнью народов нашей страны было крайне слабым. Вот почему каждая книга о Советском Союзе, написанная индийцами, особенно на национальных языках, и дающая объективную картину нашей страны, является серьезным вкладом в дело сближения народов обеих стран и заслуживает серьезного внимания.

В декабре 1952 г. на Всемирный конгресс сторонников мира в Вену прибыла индийская делегация в составе 26 человек, во главе с председателем Всендийского комитета сторонников мира доктором Китчулу. По окончании работы Конгресса эта делегация посетила Советский Союз, где провела около месяца. После возвращения в Индию члены делегации изложили свои впечатления о поездке в Советский Союз в книге «Друзья за Гималаями»¹.

Одним из участников этой делегации был писатель Яшпал. Яшпал принадлежит к числу видных современных прозаиков, пишущих на языке хинди. В прошлом он принимал деятельное участие в революционном движении и долгое время провел в тюрьмах. В настоящее время Яшпал печатает свои рассказы и статьи в прогрессивной индийской прессе и активно участвует в движении сторонников мира в Индии.

Яшпал принимал участие в написании упомянутой выше книги и, кроме того, написал отдельную книгу о своей поездке на Венский конгресс сторонников мира, которую озаглавил «По обе стороны железной стены».

Содержание книги Яшпала в основном совпадает с содержанием книги, написанной членами делегации совместно, однако в работе Яшпала имеются и существенные отличия. Первая часть этой книги (стр. 9—106) и конец книги (стр. 301—345) посвящены впечатлениям автора о пребывании его в капиталистических странах. Писатель довольно подробно описывает Австрию, где он был в дни Конгресса, и Англию, которую индийская делегация посетила на обратном пути в Индию. В книге Яшпала полнее, чем в книге делегации, описывается положение в Советском Союзе, причем Яшпал противопоставляет социалистический строй Советского Союза капиталистическому строю. Писатель не только делится своими впечатлениями, но и старается дать ответ именно на те вопросы относительно жизни нашей страны, которые, как это видно из текста книги, больше всего интересуют индийцев.

Из шести разделов книги четыре посвящены Советскому Союзу. Автор довольно подробно ознакомился с жизнью столицы Советского Союза. В Москве Яшпал осмотрел метро, побывал на стадионе «Динамо», в средней школе, в народном суде, посетил библиотеку им. В. И. Ленина, типографию газеты «Правда», Большой театр, Третьяковскую галерею, завод им. И. В. Сталина, больницу, университет и т. д. Яшпал ходил по улицам Москвы, посещал магазины, кафе и столовые, интересуясь всем, и, в частности, ценами на товары и продукты питания, заработной платой рабочих и служащих. Столь же полно использовал Яшпал свое время и при поездке в Грузию, в Сталинград и Ленинград.

¹ «Hands across the Himalayas. Indians in the Soviet Union». All India Peace Council New Delhi, 1953, pp. 156.

Уже при переезде через венгерскую границу автор заметил существенное различие между отношением к международным вопросам в странах капитала и странах народной демократии. Вышло так, что индийская делегация не имела транзитной визы для проезда через Венгрию. Поэтому венгерская пограничная охрана задержала вагон, в котором ехала делегация. Однако, когда пограничники узнали, что делегация едет с Конгресса сторонников мира в Советский Союз, они быстро связались с органами власти и, получив указание, пропустили делегацию. Когда же делегаты проезжали по странам Западной Европы и упоминали, что едут на Конгрессе сторонников мира, американские, французские и другие чиновники не спешили идти им навстречу, относясь к ним с большим подозрением.

Видимо, в связи с провокационными слухами о запрете религии в СССР, автора и других делегатов интересовал вопрос о свободе вероисповедания. В результате наблюдений и расспросов Яшпал пришел к выводу, что в Советском Союзе нет какой-либо признанной государством религии, но все граждане пользуются полной свободой вероисповедания. Автор отмечает, что в Советском Союзе, в противоположность капиталистическим странам, совершенно не ощущается религиозной розни и дискриминации по отношению к какой-либо из групп верующих.

Касаясь вопроса о школе, Яшпал пишет, что преподавание в Советском Союзе совершенно лишено религиозного характера. Кроме того, он обращает внимание на единство советской школы, ее демократический характер, а также на отсутствие в Советском Союзе привилегированных школ. Автор книги противопоставляет демократический характер образования в Советском Союзе постановке и характеру образования в капиталистических странах, где представители господствующих классов обучают своих детей в привилегированных и намного лучше поставленных и обеспеченных школах, а общедоступные школы предназначаются только для трудящегося населения и обеспечиваются значительно хуже.

На протяжении всей своей книги Яшпал неоднократно подчеркивает полный и последовательный демократизм советского общества и противопоставляет этот демократизм наличию различных привилегированных групп населения в капиталистических странах, в том числе и в Индии.

Делегация глубоко интересовалась вопросами планирования в Советском Союзе. Особенно поразило автора книги то, что в Советском Союзе при планировании внимание направлено главным образом на удовлетворение как потребностей производства, так и растущих потребностей населения. Яшпал отмечает, что вопрос о реализации товаров большого беспокойства не вызывает; в то время как в капиталистических странах, пишет автор, проблема сбыта является главной. Яшпал приходит к выводу, что только социалистический строй дает возможность планировать производство, что совершенно исключено при капитализме. Особенно интересовали Яшпала вопросы культуры народов Советского Союза. Автор неоднократно подчеркивает огромный размах культурного строительства в СССР. Он отмечает это в главе о библиотеке им. В. И. Ленина, о типографии газеты «Правда», о советском госпитале, о клубе завода им. Н. В. Сталина, об университете, об Эрмитаже, о Дворце пионеров в Тбилиси и т. д.

Большое впечатление на Яшпала произвел народный суд в Москве. Вместе с другими делегатами он побывал в суде во время судебного заседания. Яшпал восхищается простотой и общедоступностью советских законов. Он пишет, что в капиталистических странах эксплуататоры, чтобы прикрыть классовый характер своего господства над трудящимися, сознательно вырабатывают запутанные и непонятные народные массы законы. В капиталистических странах имеются многотомные своды этих законов. В Советском Союзе же нет нужды писать запутанные законы. Все законы советского государства помещаются в нескольких книгах и понятны любому человеку.

В заключении раздела книги, посвященного Советскому Союзу, Яшпал освещает вопрос о личной свободе граждан СССР. Этот вопрос, как известно, является одним из основных во всей литературе, враждебной Советскому Союзу. Автор книги

прежде всего пишет о том, что ни он сам, ни другие делегаты не встречали никаких препятствий при своих попытках общения с населением Советского Союза. Единственным затруднением для делегатов было незнание языка, но многие делегаты, и в том числе сам Яшпал, без переводчиков заходили в магазины и в кафе, объяснялись при помощи знаков и тех немногих русских слов, которым они научились. Никто не препятствовал свободному общению индийских делегатов с населением.

Автор указывает также, что он не заметил ничего такого, что свидетельствовало бы о том, что население Советского Союза стеснено в способах выражения своих взглядов или лишено необходимых для этого средств. Яшпал приходит к выводу о беспочвенности разговоров о том, что в Советском Союзе невозможно свободно выражать свое мнение. Он отмечает, что в Советском Союзе никому и в голову не приходит ни через печать, ни как-нибудь иначе высказываться в пользу капитализма. «В капиталистическом мире считают, что в Советской стране нет личной свободы, ибо в Советской стране якобы никто не может открыто высказываться в пользу капиталистического строя. В Советском Союзе теперь совсем нет класса капиталистов. Капиталистов нет не потому, что их уничтожили физически, а потому, что экономический строй таков, что он не дает возможности получать выгоду или прибыль за счет эксплуатации труда другого. Социалистический строй может существовать без капиталистов, но капиталистический строй не может развиваться без рабочих, или без пролетариата. У кого же из советских людей может появиться желание выступать в защиту капиталистического строя?» (стр. 295).

В последних главах своей книги, посвященных пребыванию в Лондоне, Яшпал снова сопоставляет жизнь капиталистических стран с жизнью Советского Союза.

Книга Яшпала «По обе стороны железной стены» дает объективное освещение экономического строя, культуры и быта Советского Союза, представляя серьезный вклад в дело культурного сближения народов Советского Союза с народами Индии. Из-за краткости пребывания в нашей стране и незнания русского языка автор книги, разумеется, не мог осветить все вопросы с достаточной глубиной и подробностью. По этим же причинам в книге имеются отдельные ошибки фактического характера, которые, однако, существенного значения не имеют. Выход в свет книги Яшпала еще раз показывает ту огромную пользу для дела сближения народов Индии с народами Советского Союза, которую приносят посещения нашей страны прогрессивными представителями индийской общественности. Можно только пожелать, чтобы книг такого характера о Советском Союзе на индийских языках выходило побольше.

А. М. Дьяков

СТАТЬИ ДУН ШАО-ВЭНЯ ПО ФОНЕТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В 1—6 номерах журнала «Юйвэнь сюэси» (Изыскания учеба) за 1954 г. был опубликован ряд статей Дуна ШАО-ВЭНЯ, излагающих основы фонетики современного китайского языка. Для объяснения фонетических явлений современного китайского языка автор привлекает данные исторической фонетики и диалектологии. Однако в связи с научно-популярным характером изложения в центре внимания автора лежат вопросы орфоэпии.

Первые две статьи посвящены в основном общей фонетике. Автор знакомит читателя с предметом фонетики, рассказывает о речевых органах человека, о фонетической транскрипции и в общих чертах излагает классификацию звуков речи. Далее автор переходит к традиционному делению китайского слога, «строго научному и самому удобному способу», т. е. делению на согласную часть — инициаль и гласную часть — финаль. Следует отметить, что в этом отношении статьи Дуна ШАО-ВЭНЯ выгодно отличаются от работ ряда других авторов, неоправданно расчленяющих

гласную часть слога¹ и недооценивающих традиционное деление слога на две части, отражающее специфику фонологического строя китайского языка.

Последующие четыре статьи посвящены рассмотрению инициалей и финалей (в пекинском произношении).

Автор выделяет 21 инициаль, которые представлены в следующей схеме.

	Глухие смычные		Звонкие смычные	Звонкие носовые	Фрикативные		Звонкие латеральные
	непрерывчат.	прерывчат.			глухие	звонкие	
Губные	p	ph	(b)*	m	f	(v)	l
Апикальные	t	th	(d)	n			
Заднеязычные	k	kh	(g)	(ŋ)	x	(ɣ)	
Дорсальные	ts	tsh	(dz)		s	(z)	
Среднеязычные	tʃ	tʃh	(dʒ)		ʃ	(ʒ)	
Ретрофлексные	tʂ	tʂh	(dʐ)		ʂ	(ʐ)	

* В скобках даны фонемы, отсутствующие в пекинском диалекте.

Далее подробно описывается артикуляция каждого согласного и даются указания, как их правильно произносить тем, кто не владеет пекинским диалектом.

Автор отмечает, что слоги без начального согласного должны считаться начинающимися с нуля, который он называет 22-й инициалью (но в таблицу инициалей не помещает). Перечислив ряд звуков, различных по артикуляции, но принадлежащих одной и той же фонеме «нуль», он приводит не только [ʔ], [ʔ̥], [ʔ̚], но также и [j], [w], [ɥ]². Автор обращает внимание на относительную распространенность [ʔ], [ʔ̥], [ʔ̚]; по его данным, большинство носителей пекинского диалекта произносит в начале слога [ʔ̥], некоторые произносят [ʔ̚], нередко можно услышать [ʔ̥] и лишь у незначительного числа пекинцев наблюдается гласное начало. Затем совершенно справедливо отмечается, что эти звуки, не являясь фонемами в пекинском диалекте, в некоторых других диалектах представляют собой самостоятельные фонемы.

Некоторым недостатком классификации инициалей у Дун Шао-вэнь является отсутствие четкого разделения шумных и сонантов. В частности, автор несколько недооценивает сонантный характер пекинской инициали, транскрибируемой им как [ʐ] и трактуемой в таблице как звонкая параллель к глухой [ʂ]. На самом же деле [ʐ] ни артикуляционно, ни исторически не относится к группе звонких спирантов.

В разделе, посвященном инициалам, заслуживает внимания оригинальная интерпретация вариантного произношения морфем с составом [yɨŋ ~ ʐ и ɣ]. Автор отмечает, что чтение [ʐ ɣ] связано со 2-м тоном.

Теоретическую разработку вопроса об инициалах автор связывает с практическими вопросами. Диалекты китайского языка, пишет он, связаны друг с другом

¹ В этом отношении особенно показательна статья Хартмана, который в своей аргументации (как по этому, так и по другим пунктам) исходит из соображений «удобства». См. L. M. Hartman. The segmental phonemes of the Peking dialect. «Language», 1944, vol. 20, № 1, стр. 30, 32 сл.

² С этим, однако, согласиться нельзя, т. к. последние три звука представляют собой не реализацию нуля, а спирализованые медиали при нуле инициали.

фонетическими соответствиями: так, пекинскому [ʐ] соответствует [z] в диалекте Чуньпина; пекинской финали [-a] — нанкинской [-o] и т. д. Следовательно, зная правила фонетических соответствий, можно научиться пекинскому произношению. Для того чтобы эти правила применялись сознательно, автор отмечает некоторые основные фонетические особенности диалектов: различение мягких и твердых, глухих и звонких согласных; смешение согласных [f] и [x], [s] и [ʃ] и т. п. Автор особо останавливается на диалектных соответствиях пекинскому [ʐ]. По мере надобности он привлекает и данные исторической фонетики.

В последующих двух статьях автор разбирает проблему финалей. Важно, что финали он рассматривает как целостные единицы китайской фонологической системы³.

Автор дает следующую систему классификации финалей по медиалам и конечным неслоговым элементам финалей.

		По медиалам			
По конечным неслоговым элементам	Открытые концы	i a o ə	i ia ie	u ua uo	y ye
	Гласные концы	ai ei au ou	iai lau lou	uai uei	
	Носовые концы	an ən aŋ oŋ	ian in iaŋ iŋ	uan uən uaŋ uŋ	yan yn yŋ
	Ретрофлексные концы	or			

Далее следует подробное описание произношения каждой финали. Как известно, особый интерес представляют финали, условно передаваемые в русской транскрипции посредством [y], а в международной — [i̯]. Описав эту финаль как апикальный гласный высокого подъема, который после свистящих [ts], [tsh], [s] реализуется как слогообразующий [z], а после шипящих [tʃ], [tʃh], [ʃ] как слогообразующий [ʒ], Дун Шао-вэнь возражает против той точки зрения, что такие слоги не имеют финалей. В доказательство он приводит факты из других диалектов, где гласные такого

³ Таким образом, конечные [n] и [ŋ] трактуются у Дун Шао-вэнь в плане китайской языковедческой традиции как органическая часть вокализма, а не присоединяются механически к системе консонантизма, как это происходит у ряда других авторов.

тина встречаются и после инициалей, не принадлежащих к классу шипящих и свистящих: [mī] — рис, [nī] — слива, [phī] — кожа, [tʰī] — земля; во всех этих случаях, по мнению автора, наблюдается «апикальный гласный высокого подъема, т. е. слогаобразующий [z]». Однако эта интерпретация спорна, поскольку автор недоучитывает гомоганный характер апикальных гласных после шипящих и свистящих. Явление, которое наблюдает автор в перечисленных словах, скорее соотносительно явлению перехода [fu] < [fY] в пекинском произношении, о котором упоминается совсем в другой связи, а также слогам северо-западных диалектов, соответствующим пекинским слогам с финалью [-u].

Далее подробно освещается вопрос эризации финалей и дается хорошая схема, иллюстрирующая изложение материала.

В заключение говорится о закономерности, согласно которой сочетаются инициали и финали пекинского диалекта. Эта закономерность отражена автором в следующей таблице:

Инициали	Медиаля			
	нуль	i	u	y
p, ph, m	+	+	u	
f	+		u	
t, th	+	+	+	
n, l	+	+	+	+
k, kh, x	+		+	
ts, tsh, s	+		+	
tɕ, tɕh, ɕ		+		+
tʂ, tʂh, ʂ, ʐ	+		+	
o*	+	+	+	+

* Однако целесообразнее было бы объединить нуль, [n] и [l] в одну группу, поскольку они характеризуются общим свойством сочетаться со всеми видами финалей. Такое, более удобное и наглядное расположение мы находим в аналогичной таблице, помещенной в 8-й лекции Тянь Гуна по общей фонетике. См. «Чжунго юйвэнь», 1954, № 26, стр. 31 (М. С.)

В целом статьи Дуи Шао-вэня представляют собой хорошее научно-популярное изложение некоторых основных разделов фонетики современного китайского языка. На обширном разнообразном материале автор делает ряд новых интересных наблюдений, часть которых была здесь упомянута. Работа, несомненно, принесет большую пользу как китайскому читателю, так и всем лингвистам, интересующимся вопросами фонетики китайского языка.

М. В. Софронов

ОБЗОР ЯПОНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

В Японии в настоящее время издается значительное число журналов, печатающих материалы по вопросам языкознания. Эти журналы можно разделить на три основные группы: журналы, посвященные исключительно проблемам языкознания; журналы, в которых наряду с лингвистическими статьями печатаются статьи другой тематики, и журналы, лишь эпизодически помещающие статьи по языкознанию.

К первой группе относятся: «Гэнго кэнкё» (Языкознание); «Гэнго сэйкацу» (Жизнь языка); «Онсэй ганкай кайхё» (Известия японского фонетического общества). «Кокуго кэнкё» (Изучение японского языка), издаваемый Обществом изучения японского языка при синтоистском институте; «Кокугогаку» (Наука о японском языке), издаваемый Обществом по изучению японского языка при Токийском государственном университете; «Кинки хёгэн» (Диалект района Кинки), издаваемый Обществом по изучению диалекта Кинки; «Кокуго» (Японский язык), издаваемый Токийским государственным университетом и другие.

Ко второй группе можно причислить журналы смешанного типа — литературно-лингвистические: «Кокуго то кокубунгаку» (Японский язык и японская литература), издаваемый Токийским государственным университетом; «Кокуго кокубун» (Японский язык, японская литература), издаваемый Литературным обществом при Киотском государственном университете; «Кокуго кокубун кэнкё» (Изучение японского языка, японской литературы), издаваемый Хоккайдским государственным университетом и другие.

К третьей группе принадлежат различные журналы, и в первую очередь литературные: «Сиппихон бунгаку» (Новая японская литература) — орган союза демократических писателей, «Бунгаку кэнкё» (Литературоведение), издаваемый Кюсюским государственным университетом; «Кокубун гаккё» (Обзор японской литературы), издаваемый Хиросимским педагогическим институтом; «Дзэнъэй» (Авангард); «Атараси сэкай» (Новый мир); «Тёхёгаку» (Востоковедение), издаваемый Институтом восточной культуры; «Бунгэй-то сисё» (Литература и идеология), издаваемый Йенским институтом в г. Фукуока; «Тёкё гайкокуго дайгаку ронсё» (Труды Токийского института иностранных языков); «Тёсэн гакухё» (Известия корееведения), издаваемый буддийским институтом Тэнри; «Кайдзё» (Реформы) и другие.

Наш обзор посвящен краткому описанию трех лингвистических журналов: «Гэнго кэнкё», «Гэнго сэйкацу» и «Кокуго то кокубунгаку».

Журнал «Гэнго кэнкё» издается в Токио на средства Министерства просвещения. Журнал является органом японского лингвистического общества (Нихон гэнго ганкай), председателем которого состоит известный языковед Симмура Идзуру, а главным секретарем Хаттори Сирё; членами совета общества являются почти все современные крупные японские языковеды, в том числе Кинданти Кёсё, Дзимбо Каку, Тёдзё Мисао, Ясуги Садатоси, Итикава Санки и другие.

Объем журнала — 64 страницы, в год выходит один-два номера. Журнал не имеет определенных разделов. Обычно в одном номере печатается три-четыре крупных статьи, краткие рецензии на новые иностранные книги по языкознанию и резюме на английском языке. Иногда журнал помещает статьи на английском и немецком языках (см. статью Мураяма Ситирё о монгольском историческом памятнике «Сокровенное сказание» в № 24 за 1953 г. на немецком языке и др.). До конца 1953 г. вышло 24 номера журнала, из них пять сдвоенных (№№ 7/8, 10/11, 17/18, 19/20, 22/23), т. е. фактически 19 номеров. Всего в них опубликовано 100 статей, в том числе по общему языкознанию — 22 статьи (Дзимбо Каку «О лингвистической теории Соссюра» — № 1, Идзури Хисаноскэ «Le système verbal» — № 6, Кобаяси Ацуо «Лингвистические вопросы в работах Аристотеля» — № 4, Фукусима Тадакири «Литература, языкознание, этимология» — № 1, Хаттори Сирё «Phoneme, phone and compound phoneme» — № 16, Игэти Садатоси «Что такое вид» — № 19/20, Халперн А. М. «Развитие американского языкознания за последние годы» — № 13 и др.); по японскому языку — 16 статей; по китайскому языку — 12 статей (Арисака Хидзё «Фонетическая транскрипция прона в Шуши хуйю» — № 16, Кадзихара Сёхати «Изучение фонетики пекинского диалекта» — № 12, Идзури Хисаноскэ «О восточно-китайских песнях в первом томе „Шаюяни“ Лю Сяна — № 22/23, Нагасима Эйтаро «Тоны в китайском языке в период Шичэна» — № 16, Номура Масаёси «Начальные носовые звуки в говорах провинции Шаньси» — № 19/20 и др.); по монгольскому языку — 9 статей (Мураяма Ситирё «Деспричастия на е в „Сокровенном сказании“» — № 19/20, Номура Масаёси «О дифтонге ea в харахиском диалекте» [на английском языке] — № 16, Хаттори Сирё «О происхо-

ждении монгольского литературного языка» — № 3 и др.); по корейскому языку — 5 статей (Огура Симпэй «Ларингальные взрывные в корейском языке» — № 22/23, его же «О звуках *к*, *г* в корейском языке» № 7/8 и др.); по маньчжурскому языку — 3 статьи (Ямамото Кэнго «О спрягаемом суффиксе *mbihe* в маньчжурском литературном языке» — № 16 и др.); по тюркским языкам — 4 статьи (Идзун Хисаноскэ «О структуре числительных в тюркских языках» — № 1, Сибата Такэси «Гармония гласных в тюркских языках» — № 21 и др.); по угро-финским языкам — 3 статьи (Исимото Кэн «Об ударениях в древних угро-финских языках» — № 22/23 и др.); по индоевропейским языкам — 14 статей (Кодзу Харусигэ «О чередовании гласных и открытии ларингальных в индоевропейских языках» — № 3, Готё Тадахиса «О категории рода существительных в древнеанглийском языке» — № 16, Игэти Садатоси «Виды глаголов в славянских языках» — № 13, Икэда Сумидати «О слове *папамма* в санскрите» — № 4 и 6 статей Кодзу Харусигэ по греческому языку) и по отдельным языкам — 11 статей (см. статьи: Идзун Хисаноскэ «О проблеме тональности в языке Таи» — № 19/20, Окава Хисаёси «О слове *давать* в языке горцев Тайваня» — № 10/11, Тири Масихо «О языке айну» — № 7/8 и др.).

Наибольшее количество статей (33 из 100) посвящено вопросам фонетики, далее идут статьи по грамматике разных языков — 23, причем из них 17 статей по морфологии и 6 статей по синтаксису; на третьем месте — статьи по лексике — 7 и остальные — по разным вопросам. Насколько обширна тематика проблем, освещаемых журналом, можно судить по названиям статей: «О видах в славянских языках и в греческом языке» — № 13 и № 22/23, «О предложениях на *та* в аккадском (ассиро-вавилонском) языке» — № 4; «О сандхи в „Упанишада“» — № 14, «О гласной фонеме *й* в тунгусском языке» — № 22/23; «О методике расшифровки писем киданей» — № 17/18 и т. п.

Остановимся подробнее на статьях по японскому языку. Из 22 статей, помещенных в журнале «Гэнго кэнкё», в 5 статьях говорится о фонетике, преимущественно древнеяпонского языка (см. статьи Мураяма Ситирё «К вопросу о гармонии гласных в древнеяпонском языке» и Камэи Такэси «О гласных в слогах *си* и *ти* в древнеяпонском языке» — № 16 и др.); в 7 статьях — о лексике (см. Идзун Хисаноскэ «Индонезийские элементы в японском языке» — № 22/23, Сайтё Сидзу «О влиянии голландского языка на японский» — № 2, Китасато Такэ «Древнеяпонский язык и тагалогский язык» — № 10/11 и др.). Значительная часть статей (8 из 22) касается вопросов древнеяпонского языка и только 3 статьи — современного языка (см., например, Кинданти Кёскэ «Некоторые замечания о стандартном японском языке» — № 13). Остальные статьи относятся к истории японского языкознания (Коно Рокурё «О покойном проф. Огура Симпэй» — № 16; Ёсимати Ёсио «Японские словники, изданные европейцами» — №№ 5 и 7/8, Кинданти Кёскэ «История отечественного языкознания и Уэда Маниэ» — № 4 и др.).

По вышеизложенному перечню названий можно судить о том, что «Гэнго кэнкё» является теоретическим журналом, освещающим вопросы как общего языкознания, так и изучения отдельных языков.

Журнал «Гэнго сэйкацу» ежемесячно издается в Токио Государственным институтом японского языка (Кокурицу кокуго кэнкёдзё). Объем отдельного номера — 64 страницы. С 1951 до конца 1954 гг. вышло 39 номеров журнала.

В данном обзоре мы рассматриваем номера журнала, изданные в 1953 и 1954 гг. (ноябрьский и декабрьский выпуски 1954 г. отсутствуют).

Характерно, что каждый номер журнала начинается с собеседования специалистов на определенную тему (дзаданкай). В № 8 за 1954 г., например, «Об этимологии слова», в № 10 за 1954 г. — «О стиле современных писателей» и т. д. Обычно журнал состоит из следующих 3 разделов: дзаданкай и тематически связанные с ним статьи; смесь (в том числе консультации, заметки и т. д.); очерки.

«Гэнго сэйкацу» освещает главным образом вопросы, связанные с японским языком, японской литературой, прессой, радио и почти не касается других языков.

Всего в рецензируемых номерах журнала помещено около 200 статей, в том числе

70 статей по лексике (см. статьи: Абэ Цуйко «Бытовые слова» — № 10 за 1953 г., Андо Цуруо «Лексика комических рассказов» — № 2 за 1953 г., Дан. Митико «Привычка к определенным словам» — № 10 за 1954 г., Кимура Камэдзё «Закон, слово, толкование» — № 5 за 1953 г., Маки Синискэ «Телевидение порождает новые слова» — № 3 за 1953 г., Морои Сабурё «Музыка и слово» — № 3 за 1953 г., Сугаку Сидзу «Моя лексика» — № 1 за 1954 г., Яномэ Гэнъити «Язык и я» — № 10 за 1954 г. и др.); 28 статей по диалектам (см. статьи: Масита Сабурё «Диалект, на котором трудно научиться разговаривать» [о диалекте Хиросима] — № 5 за 1953 г., Сагисака Гэндзи «Лексика рыбаков деревни Митиноку» — № 1 за 1953 г., Мияо Сигэо «Вышедшие из употребления слова эдоского диалекта» — № 8 за 1954 г., Угаки Минору «Конкуренция между кансайским и токийским диалектами» — № 6 за 1954 г., Исигаки Томио «Слова северных районов» — № 3 за 1953 г. и др.); 21 статья по вопросам письменности (см. статьи: Исивара Синобу «О горизонтальном письме азбукой кана» — № 8 за 1953 г., Огивараи Идзуми «Поэтесса Масаока Сики и перография» — № 4 за 1953 г., Иноуэ Содзирё «Об употребительных перографиях» — № 1 за 1953 г., Катё Ясудзи «Окуригана и прочее» — № 4 за 1954 г. и др.); 15 статей по стилистике (см. статьи: Асидзава Мисао «Стиль Мисима Юнъо» — № 10 за 1954 г., Мацумия Сабурё «Стиль газетных объявлений» — № 3 за 1954 г., Такаги Такэо «Стиль объявлений о кинофильмах» — № 2 за 1954 г., Ясуока Сётарё «Мой стиль» — № 10 за 1954 г. и др.); 7 статей по грамматике (см. статьи: Мию Иса «О преподавании грамматики» № 2 за 1953 г., Танака Тосио «Три грамматических термина [падеж, спряжение и причастие]» — № 12 за 1953 г. и др.); 2 статьи по фонетике (Матида Ёсинори «Японская музыка и ударения» — № 4 за 1953 г., «Мир звуков» — дзаданкай в № 2 за 1953 г.), и около 60 статей по разным вопросам (Акаги Масатакэ «Мои пожелания к третьей программе радиопередач» — № 1 за 1953 г., Икэда Ясабурё «О телевидении» — № 2 за 1953 г., Иноуэ Исаму «Работа переводчика» — № 4 за 1954 г., Кимура Тосио «Психология женщины и их лексика» — № 1 за 1954 г., Огаэри Ёсио «Литераторы и лингвисты» — № 5 за 1954 г. и др.).

В ряде номеров журнала большая часть крупных статей посвящена одной какой-либо проблеме. Например, № 9 за 1953 г. освещает вопрос о японских диалектах, № 1 за 1954 г. — вопрос о «женских словах», № 4 за 1954 г. — о лексике учащихся и т. д.

Количество участвующих в журнале авторов довольно значительно. Так, в номерах за 1953 и 1954 гг. помещены статьи свыше 100 авторов.

Журнал «Кокуго то кокубунгаку» является самым старым из японских лингвистических журналов, издающихся в настоящее время. Его первый номер вышел в мае 1924 г. Журнал ежемесячный. Каждый номер, за редким исключением, содержит 64 страницы.

Журнал издается Научным обществом по изучению японского языка и литературы при Токийском университете (Тёкё дайгаку кокуго кокубун гаккай), возглавляемым известным японским писателем Хисамацу Сэнъити. Подавляющее большинство статей в журнале посвящено вопросам изучения японской литературы.

Журнал не имеет определенных разделов, в каждом номере печатается от 7 до 9 статей. Два раза в год издаются тематические номера (обычно это четвертый и десятый номера журнала). Так, № 4 за 1953 г. был посвящен вопросам литературной критики, а № 10 — детской литературе, в 1954 г. № 4 — вопросам возрождения искусства в новое время, а № 10 — вопросам истории японской литературы. Кроме того, № 2 за 1954 г. посвящен памяти умершего литературоведа Фудзимура Саку.

Из 15 статей по вопросам языка, напечатанных в 1953 и 1954 гг., 10 статей рассматривают вопросы старого письменного языка и 5 статей — вопросы современного языка. Эти 15 лингвистических статей распределяются следующим образом: лексика — 3 статьи (Морита Масако «О звукоподражательных словах» — № 1 за 1953 г., Хирота Эйтарё «Возникновение и развитие слова *канодзё*» — № 2 за 1953 г., Ямада Тосио «Один из вопросов изучения китаизмов» — № 11 за 1953 г.); грамматика — 7 статей (Аоки Такэо «О частице *са*, следующей за подлежащим» — № 3

за 1954 г., Оно Хирочи «О происхождении форм спряжений японских глаголов» — № 6 за 1953 г., Цукисима Ютака «Структура предложений в средневековом камбуни» — № 9 за 1954 г. и три статьи о глаголе *моситамау*; диалектология — 1 статья (Хино Сидзюн «Проблемы изучения грамматики диалектов» — № 5 за 1954 г.); разное — 4 статьи (Токиэда Мотоки «Язык и жизнь» — № 8 за 1953 г. и др.).

Из краткого обзора трех журналов видно, что наибольший интерес для языковедов представляет в настоящее время журнал «Гэнго кэнкё», в котором излагаются взгляды японских ученых как на проблемы общего языкознания, так и на проблемы японского и других языков.

Критическое рассмотрение содержания журнала не входило в задачи настоящего предварительного обзора.

К. А. Попов

СОДЕРЖАНИЕ

Идеи Ленина — могучая движущая сила современного общественного развития 3

СТАТЬИ

И. М. Рейснер. Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии	14
Шу Вэнь. К вопросу о перерастании революции	31
Э. Н. Комаров. В. И. Ленин об английском господстве в Индии	40
Г. Ф. Ким. Ведущая роль трудовой партии Кореи в народно-демократической революции	47
И. И. Потехин. Антиимпериалистическое движение в колонии Золотой Берег	61
И. Я. Ведняк. Антивоенные выступления в Японии в период русско-японской войны 1904—1905 гг.	71
Л. А. Вережний. Интервенция США в Китае в период революции 1924—1927 гг.	82
М. С. Иванов. Из истории экспансии американского империализма в Иране (Миссия Моргана Шустера 1911 г.)	96
А. И. Левковский. Особенности развития крупного капиталистического предпринимательства в Индии	107
С. Б. Яхонтов. Категория определения в китайском языке	125

СООБЩЕНИЯ

Р. Савицкая. Издание произведений В. И. Ленина в странах Востока	136
З. И. Горбачева и Д. И. Тихонов. Из истории изучения Китая в России	140
А. Т. Якимов. Второй пятилетний план развития народного хозяйства и культуры Монгольской Народной Республики	148
Г. И. Михайлов. Дорожки Банзаров	155

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Пятилетие советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи	157
П. П. Бушев. Работы Института востоковедения Академии наук СССР в 1954 г. и план 1955 г.	158
Всесоюзное совещание по вопросам восточной филологии	164
К. В. Кукушкин, А. В. Меликсетов. Научная работа на отделении Востока Московского государственного университета	166
И. И. Мошеница. О работе кафедры экономики стран народной демократии экономического факультета МГУ	168
С. И. Ходжаши. Отдел древнего востока Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	169

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Дулов. История Монгольской Народной Республики	171
В. А. Калашьян. П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.	177
А. Маклаков. Б. И. Гоголь. Развитие товарооборота в Китайской Народной Республике	181
Лю Юн-ань. Жунь Мин-юань. Очерк истории революционной борьбы в Китае за последние сто лет	183
А. М. Дьяков. Яшпал. По обе стороны железной стены	188
М. В. Софронов. Статьи Дун Шао-вэня по фонетике современного китайского языка	191
К. А. Попов. Обзор японских лингвистических журналов	194

**ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Институт востоковедения Академии наук Союза ССР объявляет прием в аспирантуру (с отрывом и без отрыва от работы) по специальностям: экономика Индонезии; язык и литература древнего Китая (для сектора восточных рукописей в Ленинграде); литература Кореи, литературы Индии (урду и южноиндийские); индонезийский язык; вьетнамский язык; африканские языки.

К заявлению прилагаются копии диплома об окончании вуза, рекомендация Ученого совета, анкета, автобиография, характеристика с места работы, справка о состоянии здоровья, список печатных работ, 2 фотокарточки и реферат по избранной специальности.

Заявления подавать на имя директора Института востоковедения АН СССР по адресу: Москва, Армянский пер., 2.

Документы и реферат должны быть представлены до 15 августа 1955 г.

Экзамены проводятся по специальности, основам марксизма-ленинизма, западному и восточному языкам с 1 по 15 сентября 1955 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),

Е. Э. ВЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. А. ДРАГУНОВ,

А. М. ДЬЯКОВ, Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН,

М. И. ЛУКЬЯНОВА, А. Ф. МИЛЛЕР,

Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),

В. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), **В. В. СТРУВЕ**

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2, Тел. Б 1-61-23

Т-03679 Подписано к печати 15/VI 1955 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₄.
Печ. л. 17,13 Уч.-изд. л. 17,7 Заказ 1157 Тираж 3500 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ПОПРАВКА

На 73 полосе сноски ⁹ вместо 1590 г. следует читать 1905 г.
Советское востоковедение, № 2